

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина»

На правах рукописи

Янь Чжо

Янь Чжо

**Вербализация когнитивного сценария «жизненный цикл объекта»
в русском и китайском языках**

5.9.8 – Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук, профессор
Юрина Елена Андреевна

Москва – 2025

Оглавление

Введение.....	4–13
1 Теоретические основания комплексного когнитивно-дискурсивного анализа особенностей вербализации представлений о жизненном цикле объекта в русском и китайском языках.....	14–48
1.1 Когнитивный сценарий как модель представления знания в лингвистических исследованиях языка и дискурса.....	14–29
1.2 Аспекты лингвистических и когнитивных исследований представлений о возрасте и времени жизни / существования.....	29–36
1.3 Методология исследования лексико-фразеологических средств репрезентации когнитивного сценария «жизненный цикл объекта»: структурно-семантический, когнитивно-дискурсивный и сопоставительный аспекты анализа.....	36–47
1.4 Выводы по главе 1.....	47–48
2 Вербализация представлений о «сроке жизни / существования» в лексико-фразеологической системе русского и китайского языков.....	49–101
2.1 Лексико-фразеологическое поле «жизненный цикл объекта» в русском языке.....	49–58
2.2 Лексико-фразеологическое поле «жизненный цикл объекта» в китайском языке.....	58–78
2.3 Периоды жизни человека, животного, растения, предмета и их отображение в русском и китайском языках: сопоставительный анализ.....	78–100
2.3.1 Периоды жизни человека в русском и китайском языках.....	78–84
2.3.2 Периоды жизни животного в русском и китайском языках.....	84–89
2.3.3 Периоды жизни растения в русском и китайском языках.....	89–93
2.3.4 Периоды жизни предметов и их отображение в русском и китайском языках.....	94–100
2.4 Выводы по главе 2.....	100–101
3 Специфика реализации когнитивного сценария «жизненный цикл объекта» в современном медиадискурсе по теме «Долголетие».....	102–153

3.1 Особенности дискурсивной реализации когнитивного сценария «жизненный цикл объекта» в русских публикациях по теме «Долголетие» (2023–2024 гг.).....	102–121
3.2 Особенности дискурсивной реализации когнитивного сценария «жизненный цикл объекта» в китайских публикациях по теме «Долголетие» (2023–2024 гг.).....	121–136
3.3 Сходства и различия дискурсивных картин мира в русских и китайских публикациях по теме «Долголетие» (2023–2024 гг.).....	136–151
3.4 Выводы по главе 3.....	151–153
Заключение.....	154–160
Список условных обозначений и сокращений.....	161–161
Библиографический список.....	162–176
Приложение А Лексические и текстовые презентации когнитивного сценария «жизненный цикл объекта» в русском языке.....	177–185
Приложение Б Лексические и текстовые презентации когнитивного сценария «жизненный цикл объекта» в китайском языке.....	186–195

Введение

Диссертация посвящена выявлению общих и специфических черт вербализации когнитивного сценария «жизненный цикл объекта» в русском и китайском языках, а также определению закономерностей концептуализации этого сценария в дискурсе.

Актуальность исследования. Изучение концептуализации времени и жизненного цикла объектов в языковой картине мира является важным направлением современной лингвистики. Способы осмыслиения временных процессов и жизненного пути различных объектов – живых существ, материальных предметов или социальных явлений – находят отражение в языковых структурах, метафорике и грамматических категориях. Особенно интересны различия в осмыслинии этих процессов в разноструктурных языках, поскольку они позволяют обнаружить специфику мировосприятия носителей сравниваемых языков. Различия в русском и китайском языках демонстрируют неодинаковые способы осмыслиния жизненного цикла в разных лингвокультурах, что обусловлено историческими, философскими, природно-климатическими и социально-антропологическими факторами.

Когнитивный сценарий «жизненный цикл объекта» охватывает представления о возникновении, развитии, функционировании, старении, разрушении и завершении существования объектов, будь то человек, животное, растение, материальный предмет или социальный институт. Эти представления закрепляются в языке посредством различных лексико-семантических, фразеологических и грамматических средств, формируя специфическое осмыслиение жизненного цикла в каждой лингвокультуре. Исследование различий в вербализации этого сценария не только позволяет глубже понять механизмы языковой концептуализации времени и происходящих с течением времени изменений объектов, но и выявить универсальные и специфические способы выражения данного когнитивного сценария в русском и китайском языках.

Актуальность данного исследования обусловлена также расширяющимся межкультурным взаимодействием между Россией и Китаем. Различия в языковом

представлении жизненного цикла могут оказывать влияние на процесс перевода, межкультурную коммуникацию, а также преподавание иностранных языков. Углубленный анализ способов вербализации когнитивного сценария «жизненный цикл объекта» способствует лучшему пониманию концептуальных различий в мировосприятии представителей русской и китайской лингвокультур, что, в свою очередь, позволит повысить точность интерпретации смыслов в устных и письменных текстах, а также минимизировать возможные барьеры в межкультурной коммуникации.

Степень изученности проблемы. Вопросы концептуализации времени жизни широко изучаются в рамках когнитивной лингвистики, психолингвистики и дискурсивного анализа. Основополагающие исследования в данной области принадлежат Дж. Лакоффу и М. Джонсону (1980), которые разработали теорию концептуальной метафоры, рассматривающую, каким образом абстрактные категории, такие как «Жизнь» и «Смерть», структурируются в языке через метафорические модели. В российской лингвистике значительный вклад в изучение когнитивных структур внесли работы Е.С. Кубряковой (2010), Г.Г. Слышикина (2000) и В.З. Демьянкова (1996), которые исследовали механизмы репрезентации знания в языке, в том числе через когнитивные сценарии.

Исследование когнитивных сценариев как формы организации знаний получило развитие благодаря работам Р. Шенка и Р. Абельсона (1977), которые ввели понятие «скрипта» как последовательности событий, типичных для той или иной ситуации. Впоследствии эта концепция была развита в трудах Ч. Филлмора (1982) и М. Минского (1980), предложивших модель фреймов и сценариев, объясняющих процесс когнитивного осмыслиения стереотипных событий. В российской науке исследования когнитивных сценариев и их языковой репрезентации развиваются в трудах О.С. Полатовской (2013), А.М. Плотниковой (2005) и С.А. Жаботинской (2003), которые анализируют когнитивные структуры, их связь с дискурсом и способы вербализации в различных языках. Значительный вклад в изучение когнитивных моделей внесли также работы Н.Н. Болдырева

(2009), З.Д. Поповой и И.А. Стернина (2007), посвященные когнитивным механизмам концептуализации временных процессов.

Что касается изучения жизненного цикла в лингвистическом аспекте, то в русском языкоznании этому вопросу уделяется внимание в контексте концептуальной лексической и фразеологической семантики. В работах Н.Д. Арутюновой (1999) и Е.В. Рахилиной (2010) исследуются способы категоризации событийных процессов, включая концепты «Рождение», «Рост», «Зрелость» и «Старение». Исследования фразеологических единиц, связанных с жизненным циклом, представлены в трудах В.Н. Телия (1996), которая анализировала метафорические модели, структурирующие жизненный путь человека в русской лингвокультуре. А.Н. Баранов (2001) и Д.О. Добровольский (2008) рассматривают вопрос концептуализации жизни и смерти в русской фразеологии, выявляя культурно-специфические особенности их лексической репрезентации.

В китайской лингвистической традиции исследование концептуализации времени также развивается в рамках когнитивной семантики и дискурсивного анализа. Работы Ли Хуэй (2008) и Ван Юн (2015) рассматривают китайскую концепцию времени и ее влияние на лексико-грамматические структуры языка. Китайские исследователи, включая Лю Чжунминя (2012) и Чжан Цзяня (2017), отмечают, что китайская концепция жизненного цикла основывается на традиционных философских учениях, что отражается в языке через идиомы и устойчивые выражения. Исследования в области китайской когнитивной лингвистики подчеркивают значимость циклической концепции времени, которая выражается в способах категоризации возрастных и временных характеристик объектов. Важным направлением исследования является анализ китайских иероглифов, которые обозначают явления, связанные с динамикой жизненных процессов, таких как 生 (*sheng, рождение*), 长 (*zhang, рост*), 老 (*lao, старость*) и 死 (*si, смерть*), что подробно рассматривается в работах Ма Юйфэна (2020).

В области сопоставительного анализа когнитивных сценариев жизненного цикла в разных языках отдельные исследования проводились в контексте кросс-

культурной когнитивной лингвистики (Кубрякова, 2010; Шмелев, 2003). Несмотря на имеющийся исследовательский опыт, сравнительный анализ способов вербализации когнитивного сценария «жизненный цикл объекта» в русском и китайском языках остается недостаточно разработанным. В большинстве научных трудов рассматриваются либо метафорические модели времени, либо категории возрастных состояний, но комплексного сопоставления лексико-фразеологических, семантических и дискурсивных аспектов двух языков на текущий момент не представлено. Данное исследование восполняет этот пробел, предлагая системный анализ языковых средств репрезентации жизненного цикла объекта в русском и китайском языках.

Объект исследования – языковые и текстовые единицы (слова, фразеологизмы, речевые конструкции, фрагменты текстов), обозначающие представления о времени существования живых и неживых объектов в русском и китайском языках.

Предметом исследования выступают особенности языкового выражения и дискурсивного функционирования лексико-фразеологических средств репрезентации когнитивного сценария «жизненный цикл объекта» в русском и китайском языках.

Цель исследования – выявить общие и специфические черты вербализации когнитивного сценария «жизненный цикл объекта» в русском и китайском языках, а также определить закономерности концептуализации этого сценария в дискурсе.

Для достижения цели необходимо решить следующие **задачи**:

1. Дать определение понятия «когнитивный сценарий» и представить теоретическое обоснование модели типового сценария «жизненный цикл объекта».
2. Выявить и описать лексико-фразеологические поля «Срок жизни / существования» в русском и китайском языках, определить их границы и структурные компоненты.
3. Провести семантический и контекстуальный анализ русских и китайских номинаций, составляющих данные поля.

4. Представить особенности концептуализации сценария «жизненный цикл объекта» по данным языковых единиц русского и китайского языков.

5. Выявить сходства и различия в средствах и способах вербализации когнитивного сценария «жизненный цикл объекта» в русском и китайском языках.

6. Проанализировать особенности функционирования лексических и фразеологических номинаций, репрезентирующих когнитивный сценарий «жизненный цикл объекта» в современных публикациях на тему «Долголетие» в российских и китайских СМИ.

Гипотеза данного исследования состоит в том, что когнитивный сценарий «жизненный цикл объекта» как динамическое образование, в отличие от отдельных временных концептов, позволяет проследить целостное представление о возникновении, развитии, функционировании, разрушении и завершении существования объекта в языковых и дискурсивных картинах мира носителей русского и китайского языков, определить их сходства и различия.

Методы исследования. Исследование опирается на когнитивно-дискурсивный подход, позволяющий рассматривать язык не только как средство передачи информации, но и как инструмент концептуализации мира. В данном контексте изучение вербализации когнитивного сценария «жизненный цикл объекта» требует комплексного анализа, сочетающего структурный, когнитивный и дискурсивный подходы. Комплексный методологический подход обеспечивает всесторонний анализ языковых средств репрезентации жизненного цикла, позволяя выявить как универсальные, так и специфические черты вербализации данного когнитивного сценария в русском и китайском языках.

В качестве одного из ключевых методов используется структурно-семантический анализ, направленный на выявление и систематизацию лексико-фразеологических полей, связанных с жизненным циклом объектов. Этот метод позволяет определить, какие языковые единицы закрепляют в русском и китайском языках представления о рождении, развитии, старении, разрушении и завершении существования объектов, а также как они структурируются в семантическом пространстве. Когнитивный анализ помогает реконструировать концептуальные

модели жизненного цикла, выявляя универсальные и специфические элементы в мировосприятии носителей русского и китайского языков. Этот метод позволяет определить, какие когнитивные стратегии лежат в основе формирования лексических и фразеологических средств, отражающих жизненный цикл.

Дискурсивный анализ применяется для изучения функционирования языковых единиц в медиатекстах, особенно в контексте обсуждения проблемы увеличения продолжительности жизни и борьбы со старением. Анализируя текстовую репрезентацию жизненного цикла в русских и китайских публикациях, можно проследить особенности актуализации данного когнитивного сценария в современном информационном пространстве. Сопоставительный анализ служит средством выявления различий и сходств в способах вербализации жизненного цикла в русском и китайском языках. Сравнение лексико-семантических и дискурсивных репрезентаций типового сценария позволяет определить, какие элементы концептуализации жизненного пути универсальны, а какие обусловлены культурными и лингвистическими традициями каждого языка. Кроме этого, используются общенаучные методы исследования, включающие анализ литературы, систематизацию, сравнение, обобщение.

Материал исследования. Эмпирическую базу исследования составил корпус лексических и фразеологических единиц русского и китайского языков, репрезентирующих различные аспекты жизненного цикла объектов (более 1200 единиц, в числе которых 634 русских и 566 китайских слов и выражений), а также корпус текстов российских и китайских СМИ за 2023–2024 гг. (602 публикации, из которых 315 российских и 287 китайских), посвященных теме долголетия и продления жизненного цикла. Материал извлекался из толковых, фразеологических и этимологических словарей русского и китайского языков, а также из Национального корпуса русского языка (ruscorpora.ru) и Корпуса китайского языка ВСС (北京语言大学汉语语料库).

Научная новизна исследования. Новизна работы заключается в комплексном сопоставлении особенностей концептуализации и вербализации когнитивного сценария «жизненный цикл объекта» в русском и китайском языках,

что позволяет выявить их универсальные и специфические черты. Особое внимание уделяется изучению того, как концепция жизненного цикла репрезентируется в современных медиатекстах, отражающих актуальные тенденции осмысления возраста, старения и долголетия. Это исследование впервые предлагает комплексный подход, включающий структурно-семантический, когнитивный и дискурсивный анализ, что позволяет не только выявить специфику вербализации жизненного цикла в разноструктурных языках, но и проследить, каким образом языковые средства формируют мировоззренческую картину носителей русского и китайского языков. Таким образом, результаты исследования способствуют углубленному пониманию механизмов концептуализации времени и жизненного цикла в разных лингвокультурных традициях.

Теоретическая значимость исследования заключается в развитии когнитивно-дискурсивного подхода к изучению языковой репрезентации времени и жизненного цикла объектов. Исследование способствует углублению теоретических представлений о механизмах концептуализации жизненного цикла, а также о способах его языкового выражения в разноструктурных языках. Оно дополняет существующие модели когнитивных сценариев, выявляя закономерности их вербализации в русском и китайском языках. Работа также вносит вклад в развитие междисциплинарных исследований, находясь на стыке когнитивной лингвистики, семантики, дискурсивного анализа и лингвокультурологии.

Практическая значимость состоит в возможности применения результатов работы в преподавании русского и китайского языков как иностранных, в переводческой практике, а также в создании учебных материалов по сопоставительной лингвистике.

Апробация работы проходила на четырех международные научных и научно-практических конференциях: международной междисциплинарной конференции «V–VI Innovations and Tendencies of State-of-Art Science» – (Роттердам, Нидерланды, 2021), международной сетевой научно-практической конференции «Sustainable Science Development» (2025), XXI Международной междисциплинарной научно-

практической конференции «Человек в информационном пространстве» (Ярославль, 2025), XXVI Международной научно-практической конференции «Кирилло-Мефодиевские чтения» (Москва, 2025).

Публикации по теме диссертации. По материалам диссертации опубликовано 8 работ, в том числе 4 статьи в журналах, включенных в Перечень рецензируемых научных изданий, рекомендованных ВАК Минобрнауки России для опубликования основных результатов диссертаций, 1 статья в прочем научном журнале, 3 статьи в сборниках материалов международных научных конференций.

Положения, выносимые на защиту:

1. Когнитивный сценарий «жизненный цикл объекта» представляет собой динамическую ментальную структуру, отражающую последовательность этапов существования объекта: «Рождение / Возникновение → Рост / Развитие → Зрелость / Стабильное функционирование → Старение / Деградация → Смерть / Прекращение существования». Данная когнитивная модель получает специфическую вербализацию в разных языках в зависимости от культурно-исторических традиций и мировоззренческих установок носителей языка.

2. В русском языке лексико-фразеологическое поле «жизненный цикл объекта» характеризуется асимметрией в лексическом обозначении различных этапов жизненного цикла. Наиболее детально проработаны начальная и конечная фазы. Выраженными являются тенденции к антропоморфизации при описании жизненного цикла неодушевленных объектов, высокой степени эвфемизации наименований начала и конца жизни, а также преобладание линейной модели времени.

3. В китайском языке лексико-фразеологическое поле «жизненный цикл объекта» отличается системностью и взаимосвязанностью лексических единиц на основе базовых иероглифов, богатством устойчивых выражений, отражающих традиционные представления о жизненном цикле. Обнаруживается влияние традиционных философско-медицинских представлений (инь-ян, у-син, ци) и доминирование циклической модели времени.

4. Сопоставительный анализ вербализации представлений о периодах жизни человека в русском и китайском языках выявляет принципиальные различия в

принципах возрастной градации: функционально-социальный принцип в русском языке и числовая детерминированность в китайском. В аксиологическом компоненте концептуализации старости в русском языке преобладает негативная оценка, а в китайском позитивная. В гендерном аспекте возрастной периодизации наблюдается асимметрия в номинациях пожилых мужчин и женщин в русском языке и отсутствие такой асимметрии в китайском.

5. Специфика вербализации представлений о периодах жизни животных, растений и предметов в русском и китайском языках проявляется в различиях на уровне систем номинации и принципов категоризации; а также в символических значениях, связанных с возрастом объектов, в эмоционально-оценочных компонентах концептуализации старения и в степени антропоморфизации при описании неживых объектов.

6. Анализ дискурсивной реализации когнитивного сценария «жизненный цикл объекта» в публикациях по теме долголетия выявляет фундаментальные различия в когнитивных моделях концептуализации жизненного цикла. В российском медиадискурсе доминирует линейная модель с акцентом на противодействии естественным процессам старения и преобладанием метафор «Механизм», «Путь», «Ресурс», «Война» и «Перезагрузка». В китайском преобладает циклическая модель с фокусом на поддержании естественного баланса и доминированием метафор «Цикл», «Гармония», «Путь», «Управление ресурсами» и «Культивирование».

7. Выявленные различия в вербализации когнитивного сценария «жизненный цикл объекта» в русском и китайском языках обусловлены фундаментальными различиями в мировоззренческих установках и культурно-исторических традициях. Для русской культуры характерно линейное восприятие времени, ориентация на будущее и акцент на активном преобразовании мира. Китайской культуре свойственно циклическое восприятие времени, ориентация на гармоничное сосуществование с природой и акцент на поддержании баланса и преемственности.

Личный вклад соискателя в разработку проблематики исследования заключается в самостоятельном научном поиске, сборе достаточного по объему и

релевантности эмпирического материала; всестороннем целенаправленном анализе фактических данных, позволяющем получить достоверные результаты и сделать выводы об особенностях вербализации когнитивного сценария «жизненный цикл объекта» в русском и китайском языках.

Структура исследования. Работа состоит из введения, трех глав, заключения, списка условных обозначений и сокращений, списка использованных источников и литературы, двух приложений. Текст содержит 14 таблиц. Первая глава посвящена теоретическим основам изучения когнитивного сценария, его роли в когнитивной лингвистике и методологии его исследования. Вторая глава представляет анализ лексико-фразеологических средств репрезентации жизненного цикла объекта в русском и китайском языках. Третья глава рассматривает особенности функционирования этих языковых средств в современных медиатекстах по теме «Долголетие». Заключение подводит итоги исследования и формулирует перспективы дальнейших разработок.

1 Теоретические основания комплексного когнитивно-дискурсивного анализа особенностей вербализации представлений о жизненном цикле объекта в русском и китайском языках

1.1 Когнитивный сценарий как модель представления знания в лингвистических исследованиях языка и дискурса

В последние годы в гуманитарных науках получила развитие когнитивная парадигма. В лингвистике это находит отражение в интеграции знаний о психологии, антропологии и прочих науках, изучающих сознание человека, а также их инструментов для исследования процессов сознания, связанных с функционированием языка. Исследовательский конструкт когнитивной лингвистики помимо фрейма, концептосхемы и ситуативной модели, выделяет также феномен когнитивного сценария. Несмотря на активное развитие первых категорий, когнитивный сценарий в рамках когнитивной лингвистики изучается не столь динамично. Тем не менее, понимание того, как с помощью когнитивных сценариев предстают знания о языке и мире человека, становится все более необходимым. Когнитивный сценарий представляет собой одну из фундаментальных моделей организации и презентации знания, которая позволяет описать динамические аспекты концептуализации действительности в языковом сознании носителей различных лингвокультур. Данная модель основывается на понимании того, что человеческое мышление структурирует опыт в виде типизированных последовательностей событий, действий и состояний, которые закрепляются в языковых структурах различного уровня.

Когнитивный сценарий, также известный как скрипт, выступает одной из наиболее важных категорий когнитивной лингвистики [Юсупова, 2021, с. 626]. Он представляет собой многогранную структуру, которая в последние годы притягивает все большее внимание исследователей языкоznания из разных стран как когнитивная структура данных, определяющих особенности осмысления мира человеком, а также абстрактная категория корреляции между смысловыми

блоками, существующими в реальности как наборе эпизодов, следующих в динамическом порядке [Демьянков, 1996, с. 181–182 ; Жаботинская, 2003, с. 142].

Р. Шенк и Р. Абельсон в своей работе, изучая когнитивные структуры, описывающие нормальную последовательность некоторых событий в определенном контексте, предложили называть подобные языковые феномены «скриптоми» [Shank, Abelson, 1977, p. 248]. Скрипт по мнению исследователей является базой для понимания дискурса.

Сценарий предполагает наличие некоторого прототипа или стандарта, который воплощает в себе основы знаний человека о мире, представляя их в форме совокупности действий, включая речевые, которые производятся для достижения определенной цели действующим лицом. О том, что человеческая память содержит когнитивные сценарии, свидетельствует тот факт, что в коммуникативных ситуациях при отклонении от некоторых стандартных сценариев, происходит незамедлительная реакция носителей языка.

В дальнейшем получило более широкое распространение понятие «сценарий», которое определялось в работе Р. Шенка в 80-е гг. Исследователь указал, что сценарий есть «репрезентация структуры данных, то есть список событий, задающих стереотипный эпизод» [Schank, 1982, p. 196]. Сценарий представляет собой когнитивную структуру, с помощью которой описываются стереотипные сцены событий. Иными словами, сценарий есть структура знаний о мире, которая хранится в памяти и используется человеком неосознанно в конкретных ситуациях.

По мнению Р. Шенка и Р. Абельсона существует несколько видов сценариев, среди которых исследователи выделяют ролевые (универсальные и личностные) и сценарии-репрезентации. Для ролевых универсальных когнитивных сценариев характерно то, что они представлены институциональными общественно значимыми ситуациями. Такие сценарии воплощают в себе знание о ролях, которые люди выполняют в таких ситуациях, например, а роли «профессор», «журналист» и так далее. В свою очередь ролевые личностные сценарии связаны с личностно значимыми ситуациями, организующимися вокруг некоторой частной

роли [Schank, Abelson, 1977, р. 248]. Исходя из характера роли, выполняемой человеком с помощью определенного ролевого когнитивного сценария, реализуется конкретный вид сценария и производится соответствующий ему вид дискурса. Кроме этих сценариев, ученые также выделили сценарии-репрезентации. Такие сценарии лежат в основе дискурса, заполняясь пропозициями, которые описывают наиболее свойственные данной ситуации черты в слотах. Данные пропозиции группируются вокруг главного слота, представляющего собой пропозицию-вершину, или определенный концепт.

В последующие годы, подробно исследуя тему когнитивного сценария, Дж. Лакофф и М. Джонсон в своей монографии пришли к выводу, что для сценария характерна «структурная схема пути: источник - путь - цель», при этом в рамках данной схемы в качестве источника может выступать исходное состояние, а в качестве цели – конечное состояние, соответственно. Путь в свою очередь объединяет в своем составе различные события между источником и целью [Лакофф, Джонсон, 1990, с. 230].

Исследование когнитивных сценариев тесно связано с понятием образа, который выступает одной из базовых единиц репрезентации концептуального содержания в языке. Согласно Е.А. Юриной, образ имеет две онтологические ипостаси: 1) первичный образ как чувственно-наглядное и/или обобщенно-аналитическое представление об объекте восприятия; 2) вторичный ассоциативный образ метафорической, метонимической, символической природы. Такое понимание образа позволяет рассматривать когнитивный сценарий «жизненный цикл объекта» как совокупность образных моделей, структурирующих опыт и обеспечивающих его языковую репрезентацию в разных культурах [Юрина, 2008, с. 11]. Такое понимание образа позволяет рассматривать когнитивный сценарий «жизненный цикл объекта» как совокупность образных моделей, структурирующих опыт и обеспечивающих его языковую репрезентацию в разных культурах. Через образные средства языка реализуются когнитивные сценарии, отражающие типичные представления о протекании различных процессов в окружающем мире. Теоретические основания для изучения когнитивных

сценариев в лингвистике заложены в работах по концептуальной метафоре и когнитивной семантике, где особое внимание уделяется механизмам метафоризации как способу структурирования опыта. Например, пищевая метафора, которая представляет собой один из наиболее продуктивных источников образного осмыслиения различных сфер человеческого опыта, демонстрирует, что метафоризация осуществляется в рамках проекции комплексного сценария приготовления и поглощения пищи на различные аспекты человеческого существования, включая эмоциональные состояния, интеллектуальную деятельность и социальные отношения [Юрина, 2015, с. 107–121]. Подобные процессы метафоризации тесно связаны с концептуализацией временных и жизненных циклов, поскольку потребление пищи является одним из базовых жизненных процессов, структурирующих представления о продолжительности и качестве жизни. Исследование данного типа метафор показывает, что пищевой код культуры является не просто источником образных выражений, но фундаментальной когнитивной структурой, организующей представления о времени, изменении и развитии.

Важным аспектом изучения когнитивных сценариев является анализ их межъязыковых проявлений, что позволяет выявить как универсальные, так и специфические черты концептуализации в различных лингвокультурах. Когнитивные основания интерпретации метафорического образа в разных лингвокультурах показывают, что одни и те же концептуальные области могут структурироваться различными способами в зависимости от культурно-специфических особенностей мышления и языкового опыта [Юрина, 2021, с. 63–74]. Межъязыковая образность как лингвокогнитивный феномен представляет собой сложную систему соответствий и расхождений в способах репрезентации концептуального содержания через образные средства различных языков [Юрина, Шенкал, 2020, с. 9–10]. Методологические принципы исследования когнитивных сценариев основываются на интеграции различных лингвистических подходов, включая структурно-семантический, когнитивно-дискурсивный и сопоставительный анализ

В сценарии находят единое воплощение как процессы реального мира, так и воображаемого, которые непосредственно связаны с человеком, взаимодействующим с ними каждый день [Айвазова, 2011, с. 19]. Сценарии разворачиваются во времени, что связано с динамичностью этой категории [Болдырев, 2009, с. 25–78]. Этот факт требует обращения к другой ключевой категории когнитивной лингвистики – понятию «фрейм».

«Сценарий» имеет тесную связь с термином «фрейм» [Милованова, Куличенко, 2012, с. 108–113]. В проведенной классификации М. Минского, выделяются два основных вида фреймов, которые включают статистические фреймы и динамические. Для статистических свойственно воплощение определенного предмета или статичного положения дел. Собственно динамические фреймы есть ничто иное как сценарии, которые отражают конкретное событие, учитывающее его изменение в течение времени [Абрамов, 2007, с. 173]. Как отмечает Н.Н. Болдырев, «сценарий – это «разворачиваемая во времени определенная последовательность этапов, эпизодов» [Болдырев, 2009, с. 25–78]. Следовательно, сценарий отличается от фрейма тем, что если второй – это структура для декларативного представления знаний, то первый – есть концептуальная структура, с помощью которой происходит процедурное представление знаний о некоторой стереотипной ситуации [Баранов, 2001, с. 360]. Тем самым, для сценария характерно наличие признаков развития в последовательности определенных эпизодов. Сценарий отличается особенностью наличия фактора времени в ходе восприятия некоторой стереотипной ситуации, что также соотносится с темпоральностью и экзистенциальностью когнитивных моделей, которые создаются на базе интерпретаций «здесь» и «сейчас», то есть в конкретный текущий момент времени. То есть сценарий – это фрейм, который разворачивается как последовательные отдельные эпизоды во времени и пространстве. В качестве примеров сценариев О.С. Полатовская приводит такие сценарии, как посещение больницы, ресторана, поход в кино, игра [Полатовская, 2013, с. 161–166].

Представляя собой объединение стереотипных эпизодов, сценарий является «списком событий», репрезентируя структуру данных. По мнению Ч. Филлмора, для когнитивного сценария характерны такие специфические черты как:

- фиксированная в языке когнитивная структура;
- объединение как визуальных представлений (фреймов), так и стереотипных, развивающихся соответственно определенных культурных норм;
- он интегрирует в себе опыт взаимодействия и институциональные структуры [Fillmore, 1982, p. 111–137].

Другие исследователи отмечают конвенциональный характер когнитивного сценария. Эта особенность когнитивного сценария находит проявление в интерпретации текста. Так, вербализированные сценарии, то есть сценарии, закрепленные в определенных ключевых словах и идеях текста, могут быть сопоставлены со стереотипами, что может в свою очередь привести к «разрыву шаблона». Это проявляется в ориентации художественной словесности на создание аномальных, вымышленных событий и ситуаций, характеров, подвергаемых в ходе реализации авторского замысла определенной типизации. Иными словами, когнитивный сценарий, который воплощается с помощью серии эпизодов, событий, обладающих конкретными пространственно-временными характеристиками, заведомо не соответствует абсолютно стереотипным сценариям, фиксированным в сознании отдельного индивида или социального коллектива, будет вызывать определенную реакцию у получателя. На этом приеме построено повествование многих литературных произведений.

Российский лингвист С. А. Жаботинская отмечает, «сценарий – это динамический в своих характеристиках фрейм, а его элементы представлены в определенной последовательности: фрейм репрезентирует знания статически, в пространственных координатах, для сценария же приоритетны координаты темпоральные, что дает основания говорить о нем как о динамической структуре» [Жаботинская, 2003, с. 141–159]. Представление когнитивного сценария как ментальной структуры, имеющей параметры пространства и времени, позволяет выделить его на фоне других категорий когнитивной лингвистики.

Когнитивные сценарии являются концептуально-пропозициональными конструктами, в которых воплощаются не отдельные объекты, а целые ситуации. С их помощью описываются стереотипные ролевые отношения, а также последовательности событий по мере развития той или иной стандартной ситуации [Schank, 1977, p. 248 ; Minsky, 1980, p. 1–25].

В то же время отмечаются схожие черты между фреймом и сценарием. Так, например, для обоих свойственна валентность, то есть их способность взаимодействовать с контекстом и структурированность. В структуре сценария выделяются слоты, выступающие базовыми элементами этого языкового явления. Слоты включают в себя субъект и объект действия, которые заполняются в рамках сценария конкретным образом [Иванова, Артемова, 2005, с. 46–52].

Вместе с другими составляющими когнитивной структуры дискурса – концептами и пропозициями – сценарии связываются со стратегиями и технологиями дискурса [Плотникова, 2009, с. 48–50]. При этом когнитивный сценарий существует и функционирует на бессознательном уровне, что в определенной степени имеет связь с ограничениями в общем объеме памяти человека. В ситуациях, когда некоторый когнитивный сценарий продвигается с зоны пассивной в активную, человек бессознательно приступает к осуществлению определенной стратегии. В свою очередь, дискурсивные модели, имеющие связь с идеями сценария и выбора стратегии, воплощаются во фреймах [Рябова, 2008, с. 31]. Такие фреймы интегрируют в себе ключевые варианты изменений фокуса внимания, а также информацию об основных действующих лицах, сюжетных формах, развитии действия. Такая интерпретация термина «фрейм» делает его более тождественным понятию «сценарий».

По мнению исследователя В. З. Демьянкова, определение сценария как разновидности структуры сознания (репрезентаций) выступает одним из основных в концептуальном подходе М. Минского [Кубрякова, Демьянков, 1996, с. 181]. Формирование сценария происходит после того, как произошло трактование текста, а также как установлены ключевые лексемы и идеи текста, определен их порядок в соответствии с требованиями сценария, воссоздаваемыми по памяти в

соответствии со стандартами, стереотипами, которые фиксированы в терминальных компонентах структуры. Как отмечает М. Минский, «индивидуальные утверждения, находимые в дискурсе, приводят к временным представлениям (соответствующим понятию "глубинной структуры"), быстро перестраиваемым или усваиваемым по ходу работы над разрастающимся сценарием» [Minsky, 1980, р. 1–25].

М. Минский отмечает, что сценарий как модель представляет собой сеть, включающую в свой состав ряд компонентов-терминалов, в том числе узлы, слоты, а также отношения, существующие между этими компонентами. В ходе коммуникативного процесса, когда происходит порождение дискурса говорящим, его восприятие и интерпретация получателем, устанавливается процесс соответствия реальности говорящего и когнитивных феноменов – фреймов и сценариев, которые существуют в его сознании и памяти [Там же].

Слоты сценария не являются хаотичными и в каждой языковой системе существуют определенные требования относительно содержания, заполняемого данные слоты. При этом все слоты взаимосвязаны и взаимозависимы между собой: наполнение одного слота может оказывать влияние на наполнение другого слота. Как пишет А.М. Плотникова, «когнитивный сценарий – это абстрактная ментальная структура, представляющая собой интерпретацию говорящим ситуации внеязыковой действительности как типового динамического процесса, состоящего из совокупности эпизодов и обладающего набором участников с закрепленными социальными ролями» [Плотникова, 2009, с. 48–50]. Эта совокупность эпизодов есть ничто иное как слоты. При этом, важно отметить, что исследователь отмечает закрепленность социальных ролей участников когнитивного сценария, что также будет выступать одной из ключевых особенностей данного лингвистического явления. Каждый сценарий объединяет в себе определенных исполнителей ролей. При этом, для каждого сценария могут быть характерны различные интерпретации, в которых отражаются возможные варианты направлений развития события. Чтобы лучше понять структуру когнитивного сценария, нужно иметь представление о базовом фрейме (термин

А.А. Кибрика) – некотором фрагменте знаний, доступных участникам коммуникации, включающем различные слоты.

В работе Е.А. Огневой была предложена модель структуры (архитектоники) текстового когнитивного сценария. Данная модель включает три сегмента, взаимосвязанные между собой и одновременно взаимообусловленные:

- агенс-информант;
- терминалопоток;
- фоновый информант (который может отсутствовать)

В модели Е.А. Огневой под агенс-информантом понимается «совокупность номинантов-агенсов, маркирующих действующего участника/участников ситуации, реализуемой в результате развертывания когнитивного сценария, следовательно, агенс-информант – это совокупность актантов как вербализованных, так и невербализованных, так называемых «нулевых актантов», в структуре номинативного поля сценария» [Огнева, 2015, с. 61–70]. Исходя из характера агенс-информанта, Е.А. Огнева делит все когнитивные сценарии на два вида:

- персонифицированные сценарии;
- неперсонифицированные сценарии.

В связи с особенностями языка, а именно спецификой предложного синтаксиса, могут быть сценарии с нулевыми актантами. На синтаксическом уровне такие предложения, как правило, имеют структуру с отсутствующим подлежащим. Когнитивный сценарий с агенс-информантом будет являться персонифицированным. Но существуют речевые ситуации, в которых описываемые события не имеют связи с человеком, а связаны со «стихией-информантом». Под «стихией-информантом» принято понимать «совокупность номинантов, репрезентирующих проявления четырех природных стихий, а именно огня, воздуха, воды, земли», «совокупность репрезентантов явлений природы» [Там же]. Такой сценарий будет неперсонифицированным.

Терминалопоток, являясь базовым сегментом любого когнитивного сценария, может быть представлен как в персонифицированном, так и в

неперсонифицированном сценарии. Под терминалопотоком Е.А. Огнева понимает набор терминалов, каждый из которых в своем составе содержит предикат (сказуемое). С помощью этого номинанта происходит маркировка событий и действий, которые идентифицируют развертывание когнитивного сценария. Предикат здесь играет роль ядерного элемента, а поэтому его отсутствие невозможно. Элемент-ядро в терминале может объединяться с n-количеством любых типов актантов, которые находятся в подчинительной связи с ядром, исключая ситуации актанта-агенса или номинанта стихия-информанта, которые не входят в подчинительную смысловую связь, а являются равноуровневыми с ядерным элементом. Тип и количество актантов / номинантов стихия-информанта, их наличие или отсутствие в структуре каждого терминала обусловлено тематико-функциональной спецификой когнитивного сценария [Огнева, 2015, с. 61–70].

Е.А. Огнева выделяет два основных вида терминалопотока, различающиеся по характеру последовательности действий, которые включают линейный и нелинейный вид. Для линейного терминалопотока характерно то, что в нем репрезентируется линейная последовательность действий, в то время как в нелинейном терминалопотоке представлена многовекторная последовательность действий и событий. Исходя из специфики терминалопотока, когнитивные сценарии могут быть двух видов – линейные и нелинейные, соответственно. Линейным когнитивным сценарием является динамичная когнитивная структура, в которой выражается последовательность некоторых действий, реже событий, воплощаемых в форме терминалопотока как совокупности терминалов, находящихся в тесной связи с одним или несколькими агенсами/номинантами стихия-информанта, которые в свою очередь представляют смысловое единство в агенс-информанте / стихия-информанте. Данное единство постоянно, оно неизменно в плане содержания в течение всего развертывания сценария при допущении лексико-семантических замен в плане выражения. Нелинейный когнитивный сценарий в свою очередь определяется в работе Е.А. Огневой как «динамичная когнитивная структура, репрезентирующая многовекторность действий или событий в виде нескольких терминалопотоков как совокупности терминалов, сопряженных с двумя и более агенсами/номи-нантами

стихия-информанта, представляющих собой два и более смысловых единств, количество которых варьируется на протяжении всего развертывания сценария, т.е. агенты / номинанты стихия-информанта маркируют различные источники импульсов действий» [Огнева, 2015, с. 61–70].

Перейдем к анализу связи когнитивного сценария с другими категориями лингвистики. В условиях роста интереса ученых к когнитивной лингвистике, их внимание все больше привлекают процессы языковой категоризации и языковые средства ее выражения [Сулейманова, 2020, с. 309–322].

Под категоризацией понимается процесс отнесения единиц знания «к определенным рубрикам опыта – категориям или концептуальное объединение объектов» [Болдырев, 2010, с. 45–60]. Следовательно, категории, объединяясь в единое целое, образуют концепты, а также способны соотносится с конкретным опытом человека.

Все большее внимание исследователей-языковедов обращено к тому, как в процессе освоения языковой картины мира взаимодействуют категории и концепты, и в целом к функциональным аспектам языковой системы [Кубрякова, 2010, с. 13–18]. Языковая концептуализация представляет собой осмысление и закрепление результатов познания в виде единиц знания – концептов [Болдырев 2010, с. 45–60]. Концепт является структурным элементом когнитивной системы человека, он является результатом обработки мозгом человека потока информации и ее репрезентации в более общей форме как знание и опыт человека в вербальных символах языка.

З.Д. Поповой и И.А. Стерниным были выделены в сознании человека следующие базисные принципы формирования концепта:

- опыт человека;
- предметный характер деятельности;
- наличие мыслительных операций, производимых с уже существующими в сознании человека концептами;
- языковое общение;
- сознательное познание языковых единиц.

Каждый концепт структурно включает две части – вербальную и невербальную. Невербальная часть является ментальной репрезентацией неверbalного типа. В свою очередь, вербализованная часть концепта является лексическим значением и в когнитивном восприятии человеком мира эта часть концепта связывается со знаком, а также закрепляется в словарях [Плотникова, 2009, с. 39]. Помимо этого, в структуру концепта входят и другие компоненты-признаки, такие как основной (актуальный) признак, дополнительный (пассивный) признак, а также внутренняя форма.

Для носителей языка наиболее значимым и известным признаком концепта является основной, в то время как дополнительный может быть актуальным лишь для ограниченного круга носителей языка. Внутренняя форма концепта представляет собой этимологический признак, в то время как внешней выступает знаковая форма. Как в сложный ментальный комплекс, концепт включает в свой состав смысловое содержание, аксиологический признак, универсальный признак, национально-культурный признак, социальный признак, групповой признак, индивидуально-личностный признак. В более широком смысле структура концепта может быть представлена как совокупность ядра (его основное понятие) и периферии концепта.

Обращаясь к проблеме разграничения понятий концепт, фрейм и сценарий, отметим, что концепт относят к родовому понятию по отношению к фрейму, в то же время фрейм определяют как род сложного концепта. Данные понятия рассматриваются как виды концептуальных структур, обладающих сходными и различными чертами [Болдырев, 2009, с. 25–78]. Взаимосвязь фрейма и сценария как двух когнитивных категорий представляется достаточно тесной. Сценарий представляет собой «концептуальную структуру для процедурного представления знаний о стереотипной ситуации или стереотипном поведении» [Баранов, 2001, с. 360]. По мнению М. Минского, фрейм и сценарий – это два вида фреймов, единственное различие заключается в том, что фрейму присуща статичная природа, а сценарию – динамичная, отличающаяся протяженностью во времени и пространстве. Согласно С. А. Жаботинской, фрейм как концептуальная структура

предполагает возможность его преобразования в сценарий при переходе в динамичное состояние, когда терминальные узлы и слоты функционируют в действии [Жаботинская, 2003, с. 141–159].

Динамика концептов может быть изучена с помощью модели сценария [Огнева, 2010, с. 7–11]. Эта модель носит комплексный характер и как исследовательский инструмент представляет собой эффективный способ для познания сущности некоторого явления «в его системных и функциональных связях с явлениями более общего порядка и рядоположенными феноменами» [Карасик, 2013, с. 320].

Когнитивный сценарий является типичной ситуацией, в рамках которой употребляется конкретное языковое выражение. Это есть ментальная схема, понимание которой позволяет с более высокой степенью адекватности ориентироваться в общении, а также проводить прогноз реального и потенциального поведения оппонента [Шмелев, 2001, с. 9–13]. Когнитивный сценарий может способствовать формированию новых мыслительных схем. Схемы включают в себя также совокупность условий речевого акта, говорящего и адресата, характеристику их отношений, обстановку, в которой осуществляется речевой акт, тему речевого произведения и лингвистическую принадлежность речевого произведения [Маслова, 2014, с. 81–84].

О связи между значением слов и сценариями упоминалось в трудах Дж. Лакоффа. В результате исследования эмоции гнева, Дж. Лакофф обнаружил, что выражения, используемые для выражения данной эмоции, совсем не случайны, и в то же время формируются структурированную область когнитивной модели, которая в имплицитной форме находит представление на семантическом уровне языка [Лакофф, 2004, с. 256]. Данная модель была названа лингвистом «прототипическим сценарием», поскольку она была сформирована за счет совокупности следующих друг за другом этапов во времени, включая такие как (1) событие, которое наносит ущерб; (2) гнев, а также попытка сдержать его силой контроля; (3) потеря контроля над ситуацией [Там же].

Многие исследователи вслед за Дж. Лакоффом использовали когнитивную сценарную модель в качестве инструмента для описания особенностей функционирования глаголов в динамических социальных ситуациях. С помощью анализа когнитивных сценариев также становится возможным проследить связи между лексическими значениями глаголов и отображаемыми с их помощью динамическими фрагментами мира [Плотникова, 2009, с. 39]. Например, Е.В. Мартыновой изучались глаголы притворства, и был сделан вывод о том, что такое поведение выражается с помощью глаголов, функционирующих в данном когнитивном сценарии [Мартынова, 2013, с. 56–63]. Изучая функционирование глаголов поступка и поведения в когнитивном сценарии, А.М. Плотникова отмечает, что «анализ когнитивных сценариев позволяет выявить те интерпретационные смыслы, которые связаны с образом говорящего и его оценкой ситуации, и реконструировать фрагмент процессуально-событийной картины мира, репрезентируемый глаголами поступка и поведения» [Плотникова, 2009, с. 39]. Тем самым, в глагольной лексике находит выражение семантика, отражающая особенности восприятия окружающей деятельности говорящими субъектами.

В своей совокупности рассмотренные когнитивные конструкты (фрейм, сценарий и концепт) составляют когнитивную базу дискурса, в которую входят определенным образом структурированные знания и национально-детерминированные представления какого-либо национально-лингвокультурного сообщества [Красных, 2003, с. 375]. Под сценарием дискурса понимается когнитивный конструкт, в состав которого входят ключевые дискурсивные концепты и макропозиции [Плотникова, 2009, с. 39]. Представляя собой стандартную цепочку действий, реализуется сценарий вербально посредством дискурса.

В памяти человека не существует сценариев «в готовом виде», что прежде всего связано с динамичностью этого явления. В ходе общения, когда происходит порождение дискурса, создается сценарий на основе ранее накопленного опыта, организованного при поддержке когнитивных структур.

Эти структуры сознания указывают на онтологический сценарий формирования семантического поля сознания, в котором воплощение находят культурные смыслы [Шипунова, Мурейко, 2016, с. 93–101]. В этом плане когнитивные сценарии близко соприкасаются с понятиями лингвокультурологии и семантики. То есть, если когнитивный сценарий – это нечто абстрактное и неосознанное, то в семантике слов и конкретных культурных языковых категориях, подобных фразеологизмам, пословицам и так далее, эти неосознанные когнитивные процессы материализуются.

Российский исследователь А.Д. Шмелев пишет о том, что в зарубежной лингвистической науке различаются понятия когнитивного сценария и культурного сценария, соотносимые с категориями «*cognitive scenario*» и «*cultural script*». Остановимся более подробно на соотношении этих двух категорий.

Если эксплицитный способ представления информации представляет собой когнитивный сценарий, то становясь способом восприятия мира и формирования установок человека сценарий приобретает статус культурного. А.Д. Шмелевым было указано, что «культурный сценарий может быть использован для описания характерных для некоторой данной культуры правил поведения, представлений о том, что хорошо и что плохо, «культурных предписаний», «ценостных установок культуры» [Шмелев, 2001, с. 9–13]. Данное определение культурного сценария следует из постулатов теории лингвокультурологического анализа, предложенной известным российским исследователем в области языкоznания А. Вежбицкой. В этом контексте сценарий представляет собой «внешнее выражение скрытой системы «культурных правил»» [Вежбицкая, 2001, с. 272]. Такие сценарии могут быть описаны и проанализированы посредством естественного семантического метаязыка, который помогает обнаруживать культурно-специфические отношения между языковыми категориями, воплощаемыми в сценарии.

Подводя итог, отметим, что когнитивный сценарий – это ментальная структура, которая существует в сознании носителей языка, динамичная и изменяющаяся во времени, состоящая из слотов, заполняемых согласно требованиям языковых норм, которая структурно реализуется по схеме от

источника к цели. Когнитивный сценарий включает в себя абстрактные представления о мире, существующие в сознании отдельного субъекта коммуникации, вербализируемые в лексических значениях концептов и лингвокультурных смысловых категориях языка, изучая которые становится возможным выявить особенности сознания носителей языка.

1.2 Аспекты лингвистических и когнитивных исследований представлений о возрасте и времени жизни / существования¹

Исследовательская парадигма языковой репрезентации темпоральных параметров существования объектов характеризуется полифоничностью методологических оснований и мультидисциплинарностью аналитических подходов. Темпоральность как фундаментальная онтологическая категория приобретает особую значимость при анализе вербализации жизненного цикла, поскольку интегрирует универсальные когнитивные механизмы категоризации действительности и культурно-специфические модели интерпретации экзистенциальных состояний объектов [Арутюнова, 2010, с. 416]. Трансформация научных парадигм в лингвистике XX–XXI веков обусловила многовекторность исследовательских стратегий в отношении вербализации темпорально-экзистенциальных характеристик объектов, что привело к формированию нескольких магистральных направлений, требующих систематизации и критического осмысления.

Структурно-семантическое направление, исторически первое в хронологии исследований данной проблематики, характеризуется фокусировкой на системной организации лексико-семантических полей, репрезентирующих возрастные характеристики и темпоральные параметры существования объектов. Методологическим основанием данного подхода служит компонентный анализ семантики возрастных номинаций, выявление интегральных и дифференциальных

¹ В разделе использованы материалы статьи автора: Янь Ч. Прагматические аспекты речевой реализации концепта жизненного пути объекта в различных жанрах дискурса русской и китайской лингвистических традиций // Академический исследовательский журнал. 2025. Т. 3, № 2. С. 33–49.

сем, конституирующих семантическую структуру темпоральных лексем. Н.Д. Арутюнова разработала типологию темпоральных предикатов, дифференцировав хронологическую, биологическую и психологическую модели темпоральности, что позволило выявить специфику языковой объективации жизненного цикла различных типов объектов [Арутюнова, 1999, с. 896]. Е.В. Рахилина осуществила многоаспектный анализ комбинаторных потенций возрастных лексем, выявив корреляции между семантикой темпоральных прилагательных и категориальными характеристиками определяемых существительных, что расширило понимание механизмов концептуализации жизненного цикла в лексической системе языка [Рахилина, 2008, с. 416]. Парадигматическая стратификация лексем с возрастной семантикой, реализованная в исследованиях Т.В. Крыловой, позволила идентифицировать триадическую модель возрастной категоризации человеческой жизни (молодость – зрелость – старость) как доминантную в русском языковом сознании, при этом выявлена асимметрия в степени детализации периферийных зон каждого из периодов [Крылова, 2012, с. 285]. Компаративные исследования структурно-семантических характеристик возрастных номинаций в русском и китайском языках, осуществленные Цзэн Шаоцзин, демонстрируют значительную дивергенцию в степени дискретности возрастной стратификации: китайская языковая система характеризуется более дробной градуированностью периодизации жизненного цикла, особенно в отношении зрелого и пожилого возраста [Цзэн Шаоцзин, 2018, с. 312].

Когнитивно-фреймовый подход трансформировал исследовательскую оптику, переместив фокус с лексико-семантических структур на ментальные репрезентации, объективируемые в языке. Методологической доминантой данного направления выступает моделирование когнитивных структур, детерминирующих концептуализацию жизненного цикла объектов. Н.Н. Болдырев разработал концепцию интерпретирующей функции языка в отношении темпоральных категорий, продемонстрировав, что возрастные номинации не просто отражают объективную реальность, но интерпретируют ее в соответствии с

антропоцентрической системой координат [Болдырев, 2014, с. 236]. Исследования Дж. Лакоффа и М. Джонсона по концептуальной метафоризации темпоральности позволили выявить универсальные метафорические модели концептуализации жизненного цикла, такие как «Жизнь» – «Путь», «Жизнь» – «Цикл», «Жизнь» – «Ресурс», что существенно расширило понимание когнитивных механизмов структурирования представлений о темпоральности существования объектов [Лакофф, Джонсон, 2004, с. 256]. Синтез фреймовой семантики и теории концептуальной метафоры, реализованный в исследованиях З.Д. Поповой и И.А. Стернина, обеспечил методологический инструментарий для моделирования когнитивных сценариев, структурирующих представления о жизненном цикле в русском языковом сознании [Попова, 2007, с. 314]. Работы Лю Бо по сопоставлению метафорических моделей концептуализации возраста в русском и китайском языках выявили значимые дивергенции: в китайской лингвокультуре доминируют метафоры, актуализирующие корреляции между возрастными периодами и природно-космическими циклами, в то время как русское языковое сознание оперирует преимущественно метафорами векторного движения и пространственного перемещения [Лю Бо, 2017, с. 268].

Лингвокультурологическое направление акцентирует внимание на культурной детерминированности языковой репрезентации возрастных характеристик и жизненного цикла. В.А. Маслова разработала методологию лингвокультурологического анализа возрастных концептов, продемонстрировав их функционирование в качестве культурных констант, репрезентирующих аксиологические доминанты этнолингвокультурного сообщества [Маслова, 2010, с. 208]. В.И. Карасик, оперируя понятием «лингвокультурный типаж», идентифицировал специфику языковой объективации возрастных характеристик как маркеров социокультурной идентичности индивида [Карасик, 2002, с. 477]. В.Н. Телия, исследуя фразеологический фонд русского языка, выявила асимметрию в степени фразеологической репрезентации различных возрастных периодов: максимальной плотностью фразеологических номинаций характеризуются крайние возрастные периоды (детство и старость), в то время как

период зрелости демонстрирует относительную деконцентрированность фразеологической объективации [Телия, 1996, с. 288]. Тань Аошуан, анализируя китайскую лингвокультуру, выявила высокую степень ритуализации возрастных переходов, что находит отражение в семантической структуре и pragматических функциях возрастных номинаций [Тань Аошуан, 2004, с. 240]. Концептуальная дифференциация возрастных периодов в китайском языковом сознании коррелирует с традиционной философско-религиозной системой, актуализирующей циклическую модель темпоральности и концепцию гармонического соответствия микрокосма (человека) и макрокосма (природы).

Дискурсивно-прагматический подход фокусируется на функциональных характеристиках вербализации жизненного цикла в различных типах дискурса. Е.С. Кубрякова, концептуализируя дискурс как когнитивно-коммуникативный феномен, разработала методологию анализа темпоральных категорий в дискурсивном пространстве, что позволило исследовать динамику вербализации жизненного цикла в различных коммуникативных контекстах [Кубрякова, 2004, с. 560]. О.С. Иссерс, применяя прагмалингвистический инструментарий, выявила систему коммуникативных стратегий и тактик, связанных с вербализацией возрастных характеристик, в том числе стратегии митигации, эвфемизации и дисфемизации [Иссерс, 2008, с. 288]. Чжан Цзянь, исследуя дискурсивную репрезентацию возрастных характеристик в китайском языке, выявил высокую степень прагматической маркированности возрастных номинаций, их интегрированность в систему статусно-ролевых отношений, что находит отражение в специфических дискурсивных практиках, связанных с возрастной иерархией [Чжан Цзянь, 2019, с. 345]. Компаративный анализ дискурсивных репрезентаций возраста в русском и китайском языках демонстрирует существенные дивергенции в прагматических пресуппозициях и имплицитных конвенциях, регулирующих коммуникативное поведение в отношении возрастной проблематики.

Психолингвистическое направление исследует механизмы когнитивной обработки и категоризации темпоральных характеристик в языковом сознании

носителей различных лингвокультур. А.А. Залевская, оперируя концепцией индивидуального лексикона, разработала методологию психолингвистического анализа темпоральных представлений, что позволило выявить специфику ментальных репрезентаций жизненного цикла на различных уровнях языкового сознания [Залевская, 2000, с. 382]. Р.М. Фрумкина, используя метод вербальных ассоциаций, идентифицировала структуру ассоциативных полей лексем с возрастной семантикой, что расширило понимание имплицитных механизмов концептуализации жизненного цикла в языковом сознании [Фрумкина, 2001, с. 320]. В.А. Пищальникова, интегрируя психолингвистический и лингвокультурологический подходы, разработала концепцию этнокультурной специфики семантики, что обеспечило методологический инструментарий для выявления национально-культурной детерминированности восприятия и категоризации возрастных характеристик [Пищальникова, 2018, с. 374]. Кросскультурные психолингвистические исследования демонстрируют значимые дивергенции в восприятии и категоризации возрастных состояний носителями русского и китайского языков, что проявляется как на уровне семантических компонентов возрастных номинаций, так и в стратегиях идентификации возрастных характеристик в процессе коммуникации.

Лингвоаксиологический подход акцентирует внимание на ценностных аспектах вербализации жизненного цикла. В.И. Карасик, концептуализируя аксиологическую составляющую языкового сознания, разработал методологию анализа ценностных доминант, актуализируемых в возрастных номинациях [Карасик, 2002, с. 477]. С.Г. Воркачев, исследуя лингвокультурные концепты, выявил специфику аксиологической маркированности различных возрастных периодов в русском языковом сознании, что позволило идентифицировать иерархию ценностных ориентаций, связанных с темпоральными параметрами существования [Воркачев, 2014, с. 416]. Г.В. Токарев, анализируя лингвокультурные аспекты концептуализации возраста, продемонстрировал корреляции между аксиологическими характеристиками возрастных номинаций и национально-культурными стереотипами, функционирующими в русской

лингвокультуре [Токарев, 2003, с. 293]. Ван Хун, исследуя аксиологическую составляющую возрастных концептов в китайском языке, выявил доминирование конфуцианских ценностных ориентаций, актуализирующих почитание старости и приоритет жизненного опыта, что находит отражение в семантической структуре и прагматических функциях возрастных номинаций [Ван Хун, 2020, с. 287]. Компаративный анализ аксиологических аспектов вербализации жизненного цикла в русском и китайском языках демонстрирует как универсальные ценностные компоненты, так и культурно-специфические аксиологические доминанты.

Этнолингвистическое направление фокусируется на исследовании корреляций между языковой репрезентацией жизненного цикла и этнокультурными стереотипами. А.Д. Шмелев, оперируя концепцией языковой картины мира, выявил систему «ключевых идей», структурирующих представления о возрасте в русской лингвокультуре, что позволило идентифицировать этнокультурную специфику концептуализации жизненного цикла [Шмелев, 2002, с. 224]. А. Вежбицкая, применяя методологию естественного семантического метаязыка, разработала концепцию «культурных скриптов», актуализирующих имплицитные конвенции и предписания, связанные с возрастными характеристиками [Вежбицкая, 2011, с. 568]. Лю Чунминь, исследуя этнокультурную специфику категоризации возраста в китайском языке, выявил систему имплицитных конвенций, регулирующих коммуникативное поведение в отношении возрастной проблематики, что позволило идентифицировать культурно-специфические механизмы концептуализации жизненного цикла [Лю Чунминь, 2016, с. 298].

Интегративный характер современных исследований вербализации жизненного цикла объектов обусловлен мультидисциплинарностью данной проблематики и необходимостью синтеза различных методологических подходов для адекватного моделирования когнитивных механизмов концептуализации темпоральности. Л.И. Гришаева, разрабатывая методологию сопоставительного анализа концептов, акцентирует внимание на необходимости интеграции когнитивного, лингвокультурологического и дискурсивного подходов для выявления универсальных и национально-специфических характеристик

концептуализации возраста [Гришаева, 2007, с. 336]. О.А. Корнилов, оперируя концепцией лингвистической реляти-вности, разработал методологию сопоставительного анализа языковых картин мира, что обеспечило инструментарий для выявления культурно-специфических механизмов концептуализации темпоральности в разных лингвокультурах [Корнилов, 2003, с. 349].

Семиотико-герменевтический подход к исследованию вербализации жизненного цикла в китайском языке актуализирует специфику иероглифической репрезентации темпоральных концептов. Ли Вэньцзин, анализируя внутреннюю форму иероглифов с темпоральной семантикой, выявил систему пиктографических и идеографических элементов, структурирующих концептуализацию жизненного цикла в китайском языковом сознании [Ли Вэньцзин, 2019, с. 256]. Чжао Линь, исследуя комбинаторные характеристики иероглифов с возрастной семантикой, идентифицировал систему семантических модификаторов, дифференцирующих темпоральные параметры существования различных типов объектов, что расширило понимание иероглифической категоризации темпоральности [Чжао Линь, 2017, с. 378].

Исследования вербализации жизненного цикла в других языках демонстрируют значительное типологическое разнообразие темпоральных моделей. Кросс-культурные исследования А. Дурхэма и К. Гирца выявили три доминантных типа концептуализации жизненного цикла в различных лингвокультурах: линейную модель, характерную для индоевропейских языков, циклическую модель, доминирующую в языках Восточной и Юго-Восточной Азии, и спиралевидную модель, репрезентированную в некоторых африканских языках [Durham, Geertz, 2015, р. 342]. Данная типология актуализирует фундаментальные различия в концептуализации темпоральности, детерминирующие специфику вербализации жизненного цикла в различных лингвокультурах.

Интегративный анализ исследовательских направлений, фокусирующихся на проблематике вербализации жизненного цикла объектов, позволяет идентифицировать необходимость комплексного междисциплинарного подхода к исследованию данного феномена. Когнитивная сложность концептуализации

temporальности, культурная детерминированность представлений о жизненном цикле, многоуровневая структура языковой репрезентации возрастных характеристик обуславливают методологическую многоаспектность исследовательской парадигмы. Оптимальной методологической стратегией представляется интеграция когнитивно-дискурсивного, лингвокультурологического и сопоставительного подходов, что обеспечивает комплексное моделирование когнитивных механизмов концептуализации жизненного цикла, выявление культурно-специфических особенностей вербализации темпоральных характеристик объектов и идентификацию универсальных и национально-специфических компонентов в языковой репрезентации возрастных состояний.

1.3 Методология исследования лексико-фразеологических средств репрезентации когнитивного сценария «жизненный цикл объекта»: структурно-семантический, когнитивно-дискурсивный и сопоставительный аспекты анализа²

Методологический инструментарий исследования обусловлен спецификой анализируемого объекта, который представляет собой многоаспектное когнитивно-языковое явление. Когнитивный сценарий «жизненный цикл объекта» объективируется в языке посредством разноуровневых единиц – от отдельных лексем до развернутых дискурсивных конструкций. При этом репрезентанты данного сценария в русском и китайском языках характеризуются значительной культурно-специфической детерминированностью, что обуславливает необходимость применения контрастивной методологии. В этой связи оптимальным представляется трехаспектный методологический подход, интегрирующий структурно-семантический, когнитивно-дискурсивный и сопоставительный аспекты анализа.

² В разделе использованы материалы статьи автора: Янь Ч. Методология исследования лексико-фразеологических средств репрезентации когнитивного сценария «жизненный цикл объекта»: структурно-семантический, когнитивно-дискурсивный и сопоставительный аспекты анализа // Современный ученый. 2025. № 5. С. 102–108.

Структурно-семантический подход в исследовании языковых репрезентаций когнитивного сценария «жизненный цикл объекта» базируется на методологических принципах системной организации языка и полевого структурирования лексико-фразеологических единиц. Теоретической основой данного подхода выступают концепции Ю.Д. Апресяна [Апресян, 1995, с. 472], И.М. Кобозевой [Кобозева, 2000, с. 352], А.А. Уфимцевой [Уфимцева, 2010, с. 240], развивающие идею системности лексико-семантического уровня языка. В рамках структурно-семантического подхода ключевое значение приобретает комплекс методик, направленных на выявление и анализ семантических компонентов языковых единиц, репрезентирующих исследуемый когнитивный сценарий.

Центральное место в методологическом инструментарии структурно-семантического подхода занимает компонентный анализ, позволяющий декомпозировать семантическую структуру лексических и фразеологических единиц на конституирующие элементы (семы) и выявить их иерархическую организацию. Данный метод обеспечивает возможность идентификации интегральных и дифференциальных сем в структуре значения единиц с темпоральной семантикой, что существенно для понимания механизмов концептуализации жизненного цикла. Так, компонентный анализ русских лексем «старый» и «пожилой», проведенный в соответствии с методологическими принципами И.М. Кобозевой [Кобозева, 2000, с. 126] и А.А. Уфимцевой [Уфимцева, 2010, с. 95], позволяет выявить общую интегральную сему 'значительный возраст' и дифференциальные семы: для лексемы «пожилой» – 'применимость только к человеку', для лексемы «старый» – 'применимость к широкому кругу объектов'. Данные результаты согласуются с выводами Е.В. Рахилиной о семантико-синтаксических характеристиках предметных имен [Рахилина, 2008, с. 182]. Сопоставимые результаты дает анализ китайских лексем «老» (lǎo) и «年老» (nián lǎo), где первая имеет более широкую сочетаемость, а вторая преимущественно используется по отношению к человеку.

Дистрибутивный анализ, фокусирующийся на исследовании сочетаемостных характеристик лексических единиц, позволяет выявить специфику

функционирования языковых репрезентантов жизненного цикла в различных контекстах. Применение данного метода дает возможность определить типичные комбинаторные потенции возрастных номинаций и ограничения на их сочетаемость, что отражает когнитивные механизмы категоризации жизненного цикла различных объектов. Например, дистрибутивный анализ русской лексемы «молодой», выполненный с опорой на методологию Ю.Д. Апресяна [Апресян, 1995, с. 185] и И.М. Кобозевой [Кобозева, 2000, с. 201], показывает возможность ее сочетания с существительными различных семантических групп: молодой человек, молодое растение, молодой город, молодое вино. Полученные данные о сочетаемостных характеристиках лексемы коррелируют с результатами исследований Е.В. Рахилиной о семантико-сintаксических характеристиках предметных имен [Рахилина, 2008, с. 182]. При этом в китайском языке эквивалентная лексема «年轻» (nián qīng) имеет более ограниченную сочетаемость, преимущественно используясь по отношению к людям, в то время как для характеристики молодых растений, городов или вина используются иные лексемы: 嫩 (nèn), 新 (xīn).

Оппозитивный анализ, направленный на выявление антонимических отношений между лексическими единицами, позволяет определить структуру семантических оппозиций, организующих представления о жизненном цикле. Данный метод обеспечивает возможность идентификации бинарных оппозиций типа «молодой – старый», «новый – старый», «зарождаться – умирать», структурирующих темпоральное пространство жизненного цикла. Сопоставительный оппозитивный анализ русских и китайских лексических единиц позволяет выявить значимые дивергенции в системе антонимических отношений. Так, в русском языке оппозиция «молодой – старый» является универсальной, применимой к различным объектам, в то время как в китайском языке наблюдается более дифференцированная система оппозиций, зависящая от типа объекта: 年轻 (nián qīng) – 年老 (nián lǎo)» для людей, «新 (xīn) – 旧 (jiù)» для предметов, «嫩 (nèn) – 老 (lǎo)» для растений.

Дефиниционный анализ словарных толкований лексических единиц с темпоральной семантикой обеспечивает доступ к эксплицированным в лексикографических источниках представлениям о жизненном цикле. Сопоставление словарных дефиниций в русских и китайских лексикографических источниках позволяет выявить специфику языковой фиксации представлений о возрасте и времени существования объектов. Например, анализ дефиниций русской лексемы «старость» и китайской «年老» (lǎo nián) демонстрирует различную акцентуацию семантических компонентов: в русских определениях доминируют семы физиологического ослабления и приближения к смерти, в то время как китайские дефиниции актуализируют семы жизненного опыта и социального уважения.

Контекстуальный анализ, направленный на изучение функционирования языковых единиц в различных контекстах, позволяет выявить семантические трансформации и прагматические аспекты использования возрастных номинаций. Данный метод особенно значим для исследования фразеологических единиц, семантика которых характеризуется значительной контекстуальной обусловленностью. Так, анализ контекстов употребления русского фразеологизма «на закате дней» и китайского «夕阳西下» (xī yáng xī xià, букв. *захосящее солнце склоняется к западу*) позволяет выявить не только сходство их денотативного значения (период старости), но и различия в коннотативных компонентах: русский фразеологизм имеет нейтральную или негативную коннотацию, в то время как китайский характеризуется поэтической образностью и философской глубиной.

Когнитивно-дискурсивный подход к исследованию языковых репрезентаций когнитивного сценария «жизненный цикл объекта» базируется на методологических принципах когнитивной лингвистики и дискурсивного анализа. Теоретической основой данного подхода выступают концепции Е.С. Кубряковой [Кубрякова, 2004, с. 560], Н.Н. Болдырева [Болдырев, 2014, с. 236], А.П. Чудинова [Чудинова, 2003, с. 248], развивающие идею взаимообусловленности когнитивных и дискурсивных аспектов языковой деятельности. В рамках когнитивно-дискурсивного подхода ключевое значение приобретает комплекс методик,

направленных на моделирование ментальных структур, объективируемых в языке, и анализ их функционирования в различных типах дискурса.

Концептуальный анализ, ориентированный на выявление структуры концептов, составляющих когнитивный сценарий «жизненный цикл объекта», позволяет идентифицировать ядерные и периферийные компоненты соответствующих концептов, их когнитивные признаки и ассоциативные связи. Данный метод обеспечивает доступ к концептуальной основе языковых репрезентаций жизненного цикла, что существенно для понимания когнитивных механизмов концептуализации темпоральности. Так, концептуальный анализ русской лексемы «зрелость» позволяет выявить доминирование когнитивных признаков ‘полнота развития’, ‘достижение максимальных возможностей’, ‘готовность к функционированию’, в то время как анализ китайского эквивалента «成熟» (chéng shú) демонстрирует акцентуацию признаков ‘гармоничность’, ‘соответствие природному порядку’, ‘воевременность’.

Фреймовый анализ, фокусирующийся на моделировании структуры фреймов как когнитивных конструктов, позволяет представить когнитивный сценарий «жизненный цикл объекта» в виде системы взаимосвязанных фреймов, отражающих различные аспекты темпоральной динамики существования объектов. Данный метод обеспечивает возможность идентификации слотов и их наполнения в структуре фреймов: *рождение / возникновение, рост / развитие, зрелость / функционирование, старение / деградация, смерть / прекращение существования*. Сопоставительный фреймовый анализ русских и китайских языковых репрезентаций жизненного цикла позволяет выявить различия в структурации соответствующих фреймов и в их лексико-фразеологическом наполнении. Например, фрейм «старение» в русском языке характеризуется доминированием слотов, связанных с физиологическими и социальными аспектами, в то время как в китайском языке более значимыми оказываются слоты, отражающие философские и аксиологические аспекты старения.

Метафорический анализ, направленный на выявление концептуальных метафор, структурирующих представления о жизненном цикле, позволяет

идентифицировать когнитивные механизмы метафоризации, используемые для концептуализации темпоральных аспектов существования объектов. Данный метод обеспечивает доступ к имплицитным механизмам концептуализации жизненного цикла, отражающим культурно-специфические способы осмысления темпоральности. Сопоставительный анализ метафорических моделей в русском и китайском языках демонстрирует как универсальные («Жизнь – это Путь», «Жизнь – это День»), так и культурно-специфические метафоры. Например, в китайском языке широко представлена метафора «Жизненный цикл – это Смена времен года», что отражает циклическую концепцию времени, характерную для китайской культуры. В русском языке более распространена метафора «Жизненный цикл – это Восхождение и спуск», актуализирующая вертикальную ориентацию темпоральной динамики.

Дискурсивный анализ, фокусирующийся на исследовании функционирования языковых репрезентаций жизненного цикла в различных типах дискурса, позволяет выявить pragматические аспекты использования соответствующих языковых единиц и их роль в конструировании дискурсивных практик. Данный метод обеспечивает возможность идентификации дискурсивных стратегий и тактик, связанных с вербализацией возрастных характеристик, а также их функций в различных коммуникативных контекстах. Так, анализ функционирования возрастных номинаций в российском и китайском медиадискурсе по теме «Долголетие» позволяет выявить значимые различия в дискурсивном конструировании концепта «долголетие»: в российских СМИ доминирует медико-биологический аспект с акцентом на профилактику возрастных изменений, в то время как в китайских СМИ более значимым оказывается философско-культурный аспект с акцентом на гармонизацию жизненных процессов.

Сопоставительный подход в исследовании языковых репрезентаций когнитивного сценария «жизненный цикл объекта» базируется на методологических принципах контрастивной лингвистики и типологического языкознания. Теоретической основой данного подхода выступают концепции

В.Г. Гака [Гак, 1989, с. 88], А.Д. Швейцера [Швейцер, 1985, с. 235], В.Н. Ярцевой [Ярцевой, 1981, с. 271], развивающие идею системного сопоставления языковых явлений с целью выявления их универсальных и национально-специфических характеристик. В рамках сопоставительного подхода ключевое значение приобретает комплекс методик, направленных на параллельный анализ языковых единиц в русском и китайском языках, выявление эквивалентности и лакунарности в системе языковых репрезентаций жизненного цикла.

Метод параллельного анализа, предполагающий исследование функционально эквивалентных языковых единиц в русском и китайском языках, позволяет выявить сходства и различия в способах вербализации когнитивного сценария «жизненный цикл объекта». Данный метод обеспечивает возможность идентификации межъязыковых соответствий и расхождений на различных языковых уровнях: лексическом, фразеологическом, грамматическом. Например, параллельный анализ русской лексемы «старик» и китайской «老人» (*lǎo rén*) демонстрирует различия в коннотативных компонентах значения: русская лексема может иметь как нейтральную, так и негативную или фамильярно-дружескую коннотацию, в то время как китайская характеризуется преимущественно почтительной коннотацией.

Метод выявления межъязыковых эквивалентов, ориентированный на поиск соответствий между языковыми единицами русского и китайского языков, позволяет определить степень эквивалентности репрезентантов когнитивного сценария «жизненный цикл объекта» в двух языках. Данный метод обеспечивает возможность градации межъязыковых соответствий от полных эквивалентов до безэквивалентных единиц, что существенно для понимания специфики концептуализации жизненного цикла в разных лингвокультурах. Так, анализ эквивалентности фразеологических единиц, репрезентирующих представления о старости, показывает, что русский фразеологизм «на склоне лет» имеет относительный эквивалент в китайском языке «暮年» (*mù nián*, букв. *вечерние годы*), характеризующийся сходной образностью, но иными коннотативными и стилистическими характеристиками.

Метод выявления лакун, фокусирующийся на идентификации отсутствия в одном из языков единиц, функционально эквивалентных единицам другого языка, позволяет определить зоны несовпадения в вербализации когнитивного сценария «жизненный цикл объекта» в русском и китайском языках. Данный метод обеспечивает доступ к культурно-специфическим аспектам концептуализации жизненного цикла, отражающим особенности национального мировосприятия. Например, в китайском языке отсутствует прямой эквивалент русской лексемы «подросток», вместо этого используется более общая лексема «青少年» (*qīng shàolì*, букв. *молодой-юный год*), что отражает различия в возрастной стратификации жизненного цикла человека в двух культурах.

Типологический метод, предполагающий выявление структурных типов языковых единиц, репрезентирующих когнитивный сценарий «жизненный цикл объекта», позволяет определить специфику структурной организации соответствующих единиц в русском и китайском языках. Данный метод обеспечивает возможность идентификации типологических особенностей вербализации жизненного цикла, обусловленных структурными характеристиками сопоставляемых языков. Так, анализ структурных типов номинаций возрастных периодов показывает, что в русском языке преобладают однословные наименования (*детство, юность, зрелость, старость*), в то время как в китайском языке значительное место занимают двусложные композиты: 童年 (*tóng nián*, *детские годы*), 青春 (*qīng chūn*, *зеленая весна*), 老年 (*lǎo nián*, *старые годы*).

Интегративный подход, синтезирующий структурно-семантический, когнитивно-дискурсивный и сопоставительный аспекты анализа, представляется оптимальной методологической стратегией для исследования вербализации когнитивного сценария «жизненный цикл объекта» в русском и китайском языках. Данный подход позволяет последовательно реализовать основные этапы исследования, обеспечивая системность и комплексность анализа языкового материала.

Первый этап исследования предполагает формирование эмпирической базы посредством выборки лексических и фразеологических единиц,

репрезентирующих когнитивный сценарий «жизненный цикл объекта» в русском и китайском языках. На данном этапе используются методы сплошной и целенаправленной выборки языкового материала из лексикографических источников (толковых, фразеологических, этимологических словарей), корпусов текстов (Национального корпуса русского языка, корпуса китайского языка ВСС), а также современных медиатекстов по теме «Долголетие». Критериями включения языковых единиц в эмпирическую базу исследования являются: наличие в семантической структуре единицы компонентов, соотносимых с представлениями о возрасте и времени существования объектов; функционирование единицы в контекстах, связанных с характеристикой возрастных состояний и темпоральной динамики; принадлежность единицы к одному из этапов жизненного цикла (*возникновение, развитие, функционирование, деградация, прекращение существования*).

Второй этап исследования фокусируется на структурно-семантическом анализе отобранного языкового материала. На данном этапе применяются методы компонентного, дистрибутивного, оппозитивного, дефиниционного и контекстуального анализа, что позволяет выявить семантические особенности языковых репрезентаций жизненного цикла в русском и китайском языках, их системные связи и функциональные характеристики. В результате структурно-семантического анализа формируются лексико-фразеологические поля «жизненный цикл объекта» в обоих языках, определяется их структура (ядро, ближняя и дальняя периферия), выявляются специфические черты семантической организации соответствующих единиц. Для структурирования лексико-фразеологического поля «жизненный цикл объекта» используется методика полевого моделирования, предполагающая выделение микрополей, соответствующих основным этапам жизненного цикла: *возникновение / рождение, рост / развитие, зрелость / функционирование, старение / деградация, прекращение существования / смерть*. Внутри каждого микрополя языковые единицы дифференцируются по типу объекта (человек, животное, растение, предмет), что позволяет выявить специфику концептуализации жизненного цикла

различных объектов. Например, анализ микрополя *старение / деградация* в русском языке показывает различие в вербализации процессов старения человека (*стареть, дряхлеть, ветшать духом*), предмета (*изнашиваться, ветшать, приходить в негодность*) и растения (*вянуть, усыхать, отцветать*). Аналогичный анализ в китайском языке выявляет более дифференцированную систему номинаций, отражающую культурно-специфические представления о процессах старения различных объектов.

Третий этап исследования ориентирован на когнитивно-дискурсивный анализ языковых репрезентаций жизненного цикла. На данном этапе применяются методы концептуального, фреймового, метафорического и дискурсивного анализа, что позволяет моделировать когнитивный сценарий «жизненный цикл объекта» в русском и китайском языковом сознании, выявлять особенности его объективации в различных типах дискурса. В результате когнитивно-дискурсивного анализа формируется модель когнитивного сценария «жизненный цикл объекта», определяется его структура (субъектный, объектный, акциональный, темпоральный, локативный компоненты), выявляются концептуальные метафоры, структурирующие представления о жизненном цикле, а также специфика функционирования соответствующих языковых единиц в медиадискурсе по теме «Долголетие». Для моделирования когнитивного сценария используется методика фреймового анализа, предполагающая выделение фреймов, соответствующих основным этапам жизненного цикла, и определение их слотовой структуры. Каждый фрейм анализируется по параметрам: субъекты сценария (кто участвует), объекты сценария (на что направлено действие), действия (что происходит), характеристики (как происходит), время (когда происходит), место (где происходит), причины (почему происходит), следствия (к чему приводит). Такой подход позволяет выявить специфику концептуализации жизненного цикла в русском и китайском языковом сознании, определить национально-культурные особенности соответствующих представлений. Анализ функционирования языковых репрезентаций жизненного цикла в медиадискурсе по теме «Долголетие» предполагает исследование корпуса медиатекстов, опубликованных в 2023–2024

годах в российских и китайских СМИ. При анализе учитываются такие параметры, как частотность употребления языковых единиц, контекстуальная семантика, прагматические функции, оценочные коннотации, метафорические модели, дискурсивные стратегии и тактики. Это позволяет выявить актуальные тенденции в объективации представлений о жизненном цикле в современном российском и китайском медиадискурсе, определить влияние социокультурных факторов на концептуализацию возраста и долголетия.

Четвертый этап исследования фокусируется на сопоставительном анализе языковых репрезентаций жизненного цикла в русском и китайском языках. На данном этапе применяются методы параллельного анализа, выявления межъязыковых эквивалентов и лакун, типологического анализа, что позволяет определить универсальные и национально-специфические черты вербализации когнитивного сценария «жизненный цикл объекта» в двух языках. В результате сопоставительного анализа выявляются сходства и различия в лексико-фразеологической репрезентации жизненного цикла, в структуре соответствующего когнитивного сценария, в концептуальных метафорах, структурирующих представления о возрасте и времени существования объектов, а также в дискурсивных практиках, связанных с темой долголетия.

Для обеспечения достоверности результатов исследования используется методика триангуляции, предполагающая комбинирование различных методов анализа и источников языкового материала. Это позволяет верифицировать полученные данные, минимизировать субъективность интерпретаций и обеспечить обоснованность выводов. Важным аспектом методологии исследования является также использование количественных методов анализа, в частности, статистического анализа частотности языковых единиц и корреляционного анализа семантических компонентов, что повышает объективность и репрезентативность результатов.

Таким образом, методология исследования лексико-фразеологических средств репрезентации когнитивного сценария «жизненный цикл объекта» интегрирует структурно-семантический, когнитивно-дискурсивный и сопоставительный аспекты анализа, что обеспечивает комплексный подход к изучению данного феномена. Предлагаемая методология позволяет решить

основные задачи исследования: выявить и описать лексико-фразеологические поля «жизненный цикл объекта» в русском и китайском языках; реконструировать когнитивный сценарий «жизненный цикл объекта» на основе языковых данных; определить сходства и различия в способах вербализации данного сценария в двух языках; проанализировать особенности функционирования соответствующих языковых единиц в современном медиадискурсе по теме «Долголетие». Интегративный характер методологического подхода обеспечивает многоаспектность и глубину исследования, что является необходимым условием для адекватного моделирования когнитивных механизмов концептуализации жизненного цикла в разных лингвокультурах.

1.4 Выводы по главе 1

В главе представлена теоретико-методологическая база исследования когнитивного сценария «жизненный цикл объекта». Определено, что когнитивный сценарий представляет собой динамическую ментальную структуру, отражающую последовательность этапов стереотипной ситуации во времени. В отличие от статичного фрейма, сценарий обладает процессуальностью и темпоральной протяженностью, что делает его оптимальной моделью для презентации знаний о жизненном цикле.

Структура когнитивного сценария «жизненный цикл объекта» включает пять последовательных этапов: *возникновение / рождение* → *рост / развитие* → *зрелость / функционирование* → *старение / деградация* → *прекращение существования / смерть*. Каждый этап характеризуется специфическими слотами, заполняемыми в зависимости от типа объекта и культурно-языковых особенностей.

Обзор исследований показал многообразие подходов к изучению темпоральности: структурно-семантический (фокус на лексико-семантических полях), когнитивно-фреймовый (моделирование ментальных репрезентаций), лингвокультурологический (культурная детерминированность), дискурсивно-

прагматический (функционирование в дискурсе). Выявлено, что в русской лингвистике доминирует линейная модель времени, в китайской – циклическая.

Разработана комплексная методология, интегрирующая три аспекта анализа: структурно-семантический (компонентный, дистрибутивный, оппозитивный анализ), когнитивно-дискурсивный (концептуальный, фреймовый, метафорический анализ) и сопоставительный (параллельный анализ, выявление эквивалентов и лакун). Такой подход обеспечивает многоаспектность исследования вербализации жизненного цикла в разноструктурных языках.

2 Вербализация представлений о «сроке жизни / существования» в лексико-фразеологической системе русского и китайского языков

2.1 Лексико-фразеологическое поле «жизненный цикл объекта» в русском языке

Лексико-фразеологическое поле «жизненный цикл объекта» в русском языке представляет собой сложную многоуровневую систему языковых средств, организованную вокруг базового концепта временного развития и трансформации различных типов объектов от момента их возникновения до момента исчезновения или разрушения. Данное поле включает разнообразные лексические единицы, фразеологические сочетания и устойчивые выражения, которые отражают различные этапы и аспекты жизненного цикла живых существ, растений, предметов и абстрактных сущностей. Структурно-семантическая организация данного поля основывается на принципах иерархического упорядочивания, где центральные элементы поля представлены лексемами с наиболее общим значением временного развития, а периферийные элементы включают специализированные термины, характеризующие частные аспекты жизненных процессов. Образная лексика русского языка, связанная с репрезентацией жизненного цикла, демонстрирует сложные механизмы метафорического переосмысливания базовых жизненных процессов применительно к различным сферам человеческого опыта [Юрина, 2008, с. 53–67]. Семантические отношения между элементами данного поля включают синонимические, антонимические и гипонимические связи, которые отражают различные способы концептуализации временных процессов и создают возможности для вариативного выражения сходного концептуального содержания в зависимости от коммуникативных потребностей и стилистических предпочтений говорящих.

Центральную часть лексико-фразеологического поля «жизненный цикл объекта» в русском языке составляют лексемы, обозначающие основные этапы развития живых существ: *рождение, детство, юность, зрелость, старость*,

смерть. Данные лексемы характеризуются высокой частотностью употребления и широкими возможностями метафорического переосмыслиния применительно к неживым объектам и абстрактным сущностям. Периферийная зона поля включает специализированную лексику, характеризующую частные аспекты жизненных процессов различных типов объектов: медицинскую терминологию, обозначающую стадии развития организмов, техническую лексику, описывающую этапы создания и эксплуатации механических устройств, экономические термины, связанные с жизненным циклом товаров и предприятий.

Изучение лексико-фразеологического поля «жизненный цикл объекта» в русском языке требует комплексного анализа значительного массива языковых единиц, отражающих представления носителей языка о различных стадиях существования живых и неживых объектов. Наше исследование опирается на эмпирический материал, полученный методом сплошной выборки из лексикографических источников [Большой китайско-русский словарь, 1983–1984 ; Китайско-русский фразеологический словарь, 2007 ; Китайско-русский фразеологический словарь, 2009; Большой толковый словарь русского языка, 2008 ; Словарь русского языка в 4 т., 1999 ; Толковый словарь современного русского языка, 2001 ; Фразеологический словарь китайского языка, 2006 ; Фразеологический словарь китайского языка, 2011 и др.], художественной литературы и Национального корпуса русского языка [www.ruscorpora.ru].

Структура лексико-фразеологического поля «жизненный цикл объекта» в русском языке включает его ядро, приядерную зону и периферию. Лексические и фразеологические единицы данного поля систематизируются по субполям, соответствующим основным этапам жизненного цикла: *возникновение / рождение, рост / развитие, зрелость / функционирование, старение / деградация, прекращение существования / смерть*.

Ядро исследуемого поля формируют общеупотребительные глаголы, выражающие базовые процессы жизненного цикла: *рождаться / родиться, возникать / возникнуть, создаваться / создаться, появляться / появиться, расти / вырасти, развиваться / развиться, зреть / созреть, стареть / постареть*,

умирать / умереть, исчезать / исчезнуть. Высокая частотность употребления данных лексем (по данным частотного словаря С.А. Шарова, более 100 употреблений на миллион словоформ) свидетельствует об их фундаментальном характере для концептуализации жизненного цикла в русском языковом сознании.

Приядерную зону составляют видовые глаголы, конкретизирующие способ протекания процессов жизненного цикла: *нарождаться, зарождаться, подрастать, взрослеть, мужать, дряхлеть, стариться, увядать, погибать, кончаться*. Здесь же располагаются существительные, называющие этапы жизненного цикла: *рождение, возникновение, создание, детство, юность, молодость, зрелость, старость, смерть, гибель* и др. Например, *Зарождение жизни на планете произошло миллионы лет назад; Молодость у всех проходит по-разному, но всегда слишком быстро; Рождение, зрелость и увядание – естественные процессы для любого растения*.

Анализ показал, что для русского языкового сознания характерно членение жизненного цикла на три основных периода: начало существования, период активной жизнедеятельности и завершение существования. При этом средний период, как правило, подвергается более детальной дифференциации, особенно когда речь идет о человеке: *детство, отрочество, юность, молодость, зрелость, пожилой возраст, старость*.

Субполе «возникновение / рождение» в русском языке отличается богатством и разнообразием лексических и фразеологических единиц. В зависимости от объекта можно выделить несколько лексико-семантических групп.

Для обозначения начала существования человека используются лексемы: *родиться, появиться на свет, увидеть свет*; существительные: *рождение, роды, разрешение от бремени, произведение на свет*. Заслуживает внимания богатство фразеологических единиц: *появиться на свет божий, увидеть белый свет, родиться под счастливой звездой, Бог дал (о ребенке), аист принес*. Например, *В семье Петровых родился долгожданный сын; Она появилась на свет в разгар войны; Роды прошли благополучно, мать и ребенок чувствуют себя хорошо*.

Следует отметить наличие в русском языке эвфемистических выражений, связанных с рождением: *ждать аиста, быть в интересном положении, ждать пополнения, находиться в ожидании, быть на сносях* (прост.). Эти выражения отражают культурно-специфическое отношение к процессу рождения как к интимной, деликатной сфере: *Наша соседка, кажется, в интересном положении – ходит такая счастливая*.

Для обозначения рождения животных используются как общие с человеком лексемы (*родиться, произвести на свет*), так и специфические: *щениться, котиться, телиться, жеребиться, пороситься, ягниться, окотиться, окролиться*. Характерно, что для каждого вида животных в русском языке есть специальный глагол, обозначающий процесс рождения: *Корова отелилась вчера ночью; Кошка окотилась, принесла пятерых котят*. Это свидетельствует о важности животноводства в традиционной русской культуре и детальной проработке соответствующего лексического пласта.

Для обозначения возникновения растений используются лексемы: *прорастать, всходить, пускать ростки, пробиваться, давать всходы*: *Первые всходы появились уже через неделю после посева; Сквозь асфальт пробивается молодая трава*. Фразеологические единицы этой группы часто метафоричны: *пустить корни, увидеть свет, пробиться к солнцу*.

Для обозначения возникновения неживых объектов используются лексемы: *возникать, появляться, создаваться, образовываться, формироваться, зарождаться, учреждаться, основываться*. Например: *Новое государство возникло на руинах империи; Компания была основана в начале прошлого века*; *«Город образовался на слиянии двух рек*.

Субполе «рост / развитие» включает лексические и фразеологические единицы, обозначающие процессы изменения объекта от начальной стадии до состояния зрелости.

Для обозначения роста и развития человека используются лексемы: *растти, подрастать, вырастать, развиваться, формироваться, мужать, взрослеть, становиться на ноги*. Существительные: *рост, развитие, формирование*,

взросление, становление. Фразеологические единицы: *становиться на ноги, расти не по дням, а по часам, выходить в люди, входить в жизнь.* Например: *Дети растиут так быстро, не успеешь оглянуться – уже взрослые; За время учебы в университете он очень возмужал; Девушка формировалась как личность в сложные девяностые годы.*

Показательно, что в русском языке существует градация процесса взросления человека: *младенчество, детство, отрочество, юность, молодость.* Каждый этап характеризуется специфическими чертами: *Его детство прошло в деревне у бабушки; Отрочество – сложный переходный период между детством и юностью; В юности он увлекался поэзией.*

Для обозначения роста и развития животных используются лексемы: *расти, подрастать, развиваться, матереть, набирать вес, оперяться, покрываться шерстью/перьями.* Например: *Щенки быстро растут и развиваются; Птенцы оперились и готовы к первому полету; К осени кабанчик заметно заматерел.*

Для роста и развития растений характерны лексемы: *расти, вырастать, прорастать, развиваться, тянуться, ветвиться, куститься, наливаться, зеленеть, колоситься, цветсти.* Фразеологизмы: *пускать корни, идти в рост, набирать силу.* Например: *После дождя трава пошла в рост; Яблони зацвели в середине мая; Пшеница колосится, скоро начнется жатва.*

Для развития неживых объектов используются лексемы: *развиваться, формироваться, строиться, расширяться, налаживаться, совершенствоваться.* Фразеологизмы: *набирать обороты, идти в гору, становиться на ноги.* Например: *Предприятие развивается, несмотря на экономические трудности; Город строился и расширялся в течение нескольких столетий; Бизнес постепенно становится на ноги.*

Субполе «зрелость / функционирование» включает лексические и фразеологические единицы, обозначающие достижение объектом оптимального состояния и полноценного функционирования.

Для обозначения зрелости человека используются лексемы: *зреть, созревать, становиться зрелым, достигать зрелости, мужать, взросльеть.*

Существительные: *зрелость, взросłość, расцвет, пик, совершеннолетие*. Фразеологические единицы: *быть в расцвете сил, находиться в самом соку, быть в полном расцвете, быть в самом цвете лет*. Например: *К сорока годам он достиг полной зрелости как ученый; Женщина находилась в расцвете сил и красоты; Опыт приходит с возрастом, а к тридцати годам человек обычно достигает зрелости*.

В русском языке зрелость часто ассоциируется с продуктивностью, плодотворностью деятельности: *Зрелые годы были наиболее плодотворными в его творчестве; В период расцвета своего таланта он создал лучшие произведения*. Это свидетельствует о восприятии зрелости как наиболее ценного периода жизни, когда человек обладает и силами, и опытом.

Для зрелости животных характерны лексемы: *взросльть, вырастать, матереть, достигать половой зрелости*. Например: *Львы достигают половой зрелости к трем-четырем годам*; *К зиме медведь заматерел и нагулял жир*.

Для растений период зрелости обозначается лексемами: *зреть, созревать, наливаться, плодоносить, давать плоды / урожай, колоситься*. Фразеологизмы: *входить в силу, быть в самом соку*. Например: *Яблоки созрели к концу августа; Дерево вошло в силу и начало плодоносить; Пшеница колосится - скоро жатва*.

Для неживых объектов состояние оптимального функционирования обозначается лексемами: *функционировать, работать, действовать, служить, исполнять функции*. Фразеологизмы: *быть в ходу, находиться в работе / эксплуатации, быть в действии*. Например: *Завод функционирует на полную мощность; Механизм безотказно работает уже много лет; Организация успешно выполняет свои функции*.

Субполе «старение / деградация» включает лексические и фразеологические единицы, обозначающие процессы ухудшения состояния, снижения функциональности, приближения к концу существования.

Для обозначения старения человека используются лексемы: *стареть, стариться, дряхлеть, увядать, сдавать, ветшать, дряхлеть, седеть, морщиниться*. Существительные: *старение, старость, дряхлость, увядание*,

закат. Фразеологические единицы: *быть на склоне лет, доживать свой век, идти под гору, быть в преклонных годах, песок сыпется.* Например: *Дедушка заметно постарел за последние годы; К старости зрение ухудшилось; Человек начинает стареть, когда перестает учиться новому.*

Интересно отметить, что в русском языке существует большое количество эвфемизмов для обозначения старости и старения: *серебряный возраст, золотая осень, третий возраст, преклонные годы, почтенный возраст.* Это свидетельствует о тенденции смягчать негативные ассоциации со старением: *Наша бабушка в свои восемьдесят лет прекрасно выглядит – настоящая золотая осень; В почтенном возрасте он сохранил ясность ума и твердость характера.*

Для старения животных характерны лексемы: *стареть, дряхлеть, слабеть, дичать, терять силу.* Например: *Собака состарилась и уже не могла охотиться; Стареющий конь все чаще спотыкался.*

Для растений процессы деградации обозначаются лексемами: *вянуть, увядать, сохнуть, засыхать, желтеть, осыпаться, опадать, блекнуть.* Фразеологизмы: идти на убыль, отживать свой век. Например: *К осени цветы увяли; Не полные вовремя растения быстро засохли; Листья желтеют и опадают - наступает осень.*

Для неживых объектов деградация выражается лексемами: *изнашиваться, стареть, ветшать, разрушаться, приходить в негодность, выходить из строя, ломаться, портиться.* Фразеологизмы: *отживать свой век, дышать на ладан, отслуживать свое.* Например: *Старый дом ветшал на глазах; Механизм износился и часто выходил из строя; Мост разрушался под воздействием времени и погодных условий.*

Субполе «прекращение существования / смерть» включает лексические и фразеологические единицы, обозначающие конечную стадию жизненного цикла – полное прекращение существования объекта.

Для обозначения смерти человека используются лексемы: *умирать, погибать, скончаться, преставиться, почтить, отойти, упокоиться, уйти из жизни.* Существительные: *смерть, кончина, гибель, упокоение, уход, конец.*

Фразеологических единиц, связанных со смертью, в русском языке особенно много: *отправиться в мир иной, отдать Богу душу, приказать долго жить, сыграть в ящик, отойти в лучший мир, уйти из жизни, протянуть ноги, испустить дух, почтить в бозе, отбросить коньки, сойти в могилу*. Например: *Старый профессор скончался на прошлой неделе; Солдат героически погиб в бою; После долгой болезни бабушка отошла в мир иной.*

Множество эвфемизмов, связанных со смертью (*уснуть вечным сном, найти покой, отправиться к праотцам, покинуть этот мир*), свидетельствует о табуированности темы смерти в русской культуре и стремлении смягчить упоминание о ней: *Известный писатель покинул этот мир в возрасте 90 лет; Ветеран войны обрел вечный покой.*

Для обозначения гибели животных используются как общие с человеком лексемы (*умирать, погибать*), так и специфические: *околевать, дохнуть, издыхать, пасть*. Например: *В суровую зиму многие птицы погибают от голода; Старая лошадь пала во время тяжелого перехода.*

Для растений прекращение существования выражается лексемами: *вянуть, сохнуть, погибать, чахнуть, замерзать, засыхать, отмирать*. Например: *После заморозков все цветы погибли; Без полива растения быстро засохли; Старые ветки постепенно отмирают.*

Для неживых объектов конец существования обозначается лексемами: *разрушаться, распадаться, ломаться, портиться, выходить из строя, прекращать существование, перестать функционировать, закрываться, ликвидироваться*. Фразеологизмы: *приказать долго жить, отжигать свой век, уходить в историю, кануть в лету*. Например: *Старый мост окончательно разрушился после наводнения; Предприятие закрылось из-за банкротства; Древняя цивилизация прекратила свое существование.*

Примечательной особенностью русского языка является богатство метафорических переносов из одной сферы жизненного цикла в другую. Так, лексемы и фразеологизмы, изначально относящиеся к жизненному циклу человека, могут использоваться для описания существования неживых объектов: *Старый*

дом доживал свой век; Компания родилась в трудные времена; Проект находится в стадии зрелости; Империя умирала медленно и мучительно.

Это свидетельствует о фундаментальности когнитивного сценария «жизненный цикл объекта» для русского языкового сознания и его значимости в качестве базы для метафорического осмысления различных процессов и явлений. Анализ структуры субполей и лексико-фразеологических единиц, входящих в их состав, позволяет выявить ряд особенностей концептуализации жизненного цикла в русском языковом сознании.

Во-первых, наблюдается асимметрия в лексическом обозначении различных этапов жизненного цикла. Наиболее детально проработаны начальная фаза (*рождение / возникновение*) и конечная фаза (*смерть / прекращение существования*). Это проявляется в большом количестве синонимов, фразеологизмов и эвфемизмов для обозначения этих этапов. Например, для обозначения рождения человека: *родиться, появиться на свет, увидеть свет, появиться на свет божий*; для обозначения смерти: *умереть, скончаться, почтить, уйти из жизни, отдать Богу душу, приказать долго жить*.

Во-вторых, отмечается зависимость лексического обозначения этапов жизненного цикла от типа объекта. Например, для обозначения рождения человека используются одни лексемы (*родиться, появиться на свет*), для животных – другие (*окотиться, ощениться, отелиться*), для растений – третью (*прорастать, всходить*), для неживых объектов – четвертые (*возникать, создаваться, формироваться*). Это свидетельствует о выраженной категоризации объектов по их онтологическому статусу.

В-третьих, выявлена богатая система эвфемизмов, особенно для обозначения начала жизни (*быть в интересном положении, ждать аиста*) и ее конца (*уйти из жизни, отойти в мир иной*), что указывает на культурную маркированность и определенную табуированность этих сфер в русской культуре.

В-четвертых, обнаружена тенденция к метафоризации жизненного цикла, проявляющаяся в переносе номинаций с одного типа объектов на другие: *родилась идея, молодая страна, зрелая организация, умирающее предприятие*. Это говорит

об универсальности и когнитивной значимости сценария жизненного цикла для русского языкового сознания.

В-пятых, выявлены национально-специфические ассоциации, связанные с различными этапами жизненного цикла. Например, *зрелость* часто ассоциируется с *продуктивностью и плодотворностью* (*в расцвете творческих сил*), а *старость* – с *мудростью и опытом* (*мудрый старец, убеленный сединами*).

Таким образом, анализ лексико-фразеологического поля «жизненный цикл объекта» в русском языке позволяет сделать вывод о его сложной структуре, богатстве и разнообразии входящих в него единиц, а также о фундаментальной значимости данного когнитивного сценария для русского языкового сознания. Структура поля отражает особенности концептуализации жизненного цикла в русской лингвокультуре, обусловленные как универсальными когнитивными механизмами, так и культурно-специфическими факторами.

2.2 Лексико-фразеологическое поле «жизненный цикл объекта» в китайском языке

Исследование лексико-фразеологического поля «жизненный цикл объекта» в китайском языке представляет особый научный интерес в силу специфики китайского языкового сознания и своеобразия категоризации темпоральных аспектов существования различных объектов. Фундаментальной особенностью китайской лингвокультуры является тесная связь языковых репрезентаций жизненного цикла с философско-религиозными представлениями, такими как концепция инь-ян (阴 阳, yīn-yáng), У-син (五行, wǔxíng), даосское учение о естественном пути (道, dào) и конфуцианское понимание гармоничного развития человека [Тань Аошуан 2004, с. 240]. Эмпирическую базу нашего исследования составили данные лексикографических источников (толковых, фразеологических и этимологических словарей китайского языка), а также Корпуса китайского языка ВСС (北京语言大学汉语语料库).

Лексико-фразеологическое поле «жизненный цикл объекта» в китайском языке характеризуется сложной иерархической структурой, интегрирующей единицы различных частей речи и фразеологические обороты. Отличительной особенностью данного поля в китайском языке является тесная связь темпоральных представлений с пространственными, цикличность как доминирующая модель концептуализации времени и высокая степень метафоризации языковых единиц, обозначающих этапы жизненного цикла.

Ядро исследуемого поля формируют общеупотребительные глаголы, выражающие базовые процессы жизненного цикла: 生 (*shēng*, *рождаться / возникать*), 长 / 张 (*zhǎng*, *растя / развиваться*), 成熟 (*chéngshú*, *созревать / становиться зрелым*), 老 (*lǎo*, *стареть*), 死 (*sǐ*, *умирать*), 死 (*miè*, *исчезать / прекращать существование*). Данные лексемы обладают высокой частотностью и универсальностью применения к различным типам объектов. Например: 婴儿生了 (*yīng'ér shēng le*, *ребенок родился*); 树长得很快 (*shù zhǎng de hěn kuài*, *дерево растет быстро*); 水果成熟了 (*shuǐguǒ chéngshú le*, *фрукты созрели*); 他老了 (*tā lǎo le*, *он постарел*); 老人死了 (*lǎorén sǐ le*, *старик умер*); 古文明灭亡了 (*gǔ wénmíng mièwáng le*, *древняя цивилизация исчезла*).

Особенность китайского языка состоит в том, что иероглифы, обозначающие базовые процессы жизненного цикла, часто являются базовыми морфемами для образования более сложных лексических единиц. Так, иероглиф 生 (*shēng*) входит в состав множества слов, связанных с рождением и возникновением: 出生 (*chūshēng*, *родиться*), 生产 (*shēngchǎn*, *производить*), 生命 (*shēngmìng*, *жизнь*), 生育 (*shēngyù*, *рожать*); иероглиф 老 (*lǎo*) используется для образования слов, связанных со старением: 老化 (*lǎohuà*, *стареть / изнашиваться*), 衰老 (*shuāilǎo*, *дряхлеть*), 老年 (*lǎonián*, *старость*) [Большой китайско-русский словарь, 1983–1984].

Приядерную зону составляют лексемы, конкретизирующие способы протекания процессов жизненного цикла в зависимости от типа объекта. К ним относятся: 孕育 (*yùnyù*, *вынашивать / зарождать*), 萌发 (*méngfā*, *прорастать /*

зарождаться), **发芽** (*fāyá, прорастать / давать ростки*), **生长** (*shēngzhǎng, расти / развиваться*), **成长** (*chéngzhǎng, взросльть / расти*), **发展** (*fāzhǎn, развиваться*), **繁荣** (*fánróng, процветать*), **巅峰** (*diānfēng, достигать пика*), **衰退** (*shuāitui, приходить в упадок*), **腐朽** (*fǔxiǔ, гнить / разлагаться*), **消亡** (*xiāowáng, исчезать / отмирать*). Например: **种子萌发了** (*zhǒngzi méng fā le, семена проросли*); **孩子成长得很快** (*háizi chéngzhǎng de hěn kuài, ребенок **растет** очень быстро*); **经济发展迅速** (*jīngjì fāzhǎn xùnsù, экономика **быстро развивается***); **公司正处于巅峰时期** (*gōngsī zhèng chūyú diānfēng shíqī, компания **находится на пике своего развития***); **文明逐渐消亡** (*wénmíng zhújiàn xiāowáng, цивилизация постепенно **исчезает***).

Анализ материала показал, что в центральной зоне поля находятся также существительные, обозначающие основные этапы жизненного цикла: **诞生** (*dànshēng, рождение*), **出生** (*chūshēng, рождение человека*), **童年** (*tóngnián, детство*), **青春** (*qīngchūn, юность*), **成年** (*chéngnián, зрелость*), **壮年** (*zhuàngnián, расцвет сил*), **老年** (*lǎonián, старость*), **死亡** (*sǐwáng, смерть*) [Ван Ли, 2000, с. 1962]. Примечательно, что названия возрастных периодов человека в китайском языке часто включают иероглиф **年** (*nián, год*), подчеркивая их темпоральную природу: **童年** (*tóngnián, детство, букв. детские годы*), **少年** (*shàonián, отрочество, букв. малые годы*), **青年** (*qīngnián, молодость, букв. зеленые годы*), **中年** (*zhōngnián, средний возраст, букв. средние годы*), **老年** (*lǎonián, старость, букв. старые годы*).

Периферию исследуемого поля формируют фразеологические единицы различных типов: **成语** (*chéngyǔ, четырехсловные идиомы*), **谚语** (*yànyǔ, пословицы*), **歇后语** (*xiēhòuyǔ, недоговорки-иносказания*), а также метафорические выражения, отражающие представления о жизненном цикле. Например: **初出茅庐** (*chū chū máo lú, только начинающий, неопытный, букв. «впервые выйти из тростниковой хижиной»*), **风华正茂** (*fēng huá zhèng mào, в расцвете сил, букв. талант и красота в полном цвете*), **老当益壮** (*lǎo dāng yì zhuàng, быть энергичным в старости, букв. будучи старым, быть еще сильнее*), **夕阳西下** (*xī yáng xī xià, на*

закате жизни, букв. заходящее солнце склоняется к западу) [Фразеологический словарь китайского языка, 2011].

Для систематизации структурных и семантических особенностей лексико-фразеологического поля «жизненный цикл объекта» в китайском языке представим результаты анализа в виде сравнительных таблиц. Анализ иерархической структуры исследуемого поля показал четкую дифференциацию лексических единиц по степени их центральности и частотности употребления. Ядерные элементы поля характеризуются универсальностью применения к различным типам объектов и высокой продуктивностью в словообразовательных процессах (таблица 1).

Таблица 1 – Структурная организация лексико-фразеологического поля «жизненный цикл объекта» в китайском языке

Зона поля	Лексические единицы	Иероглифическое написание	Семантические характеристики	Словообразовательная продуктивность
Ядро	<i>shēng</i> (рождаться / возникать)	生	Универсальность применения, нейтральная стилистическая окраска	Высокая: 出生, 生产, 生命, 生育, 生长
	<i>zhǎng</i> (расти / развиваться)	长	Процессуальность, градуальность изменения	Высокая: 成长, 生长, 长大, 增长
	<i>chéngshú</i> (созревать / становиться зрелым)	成熟	Достижение оптимального состояния функционирования	Средняя: 成熟期, 早熟, 晚熟
	<i>lǎo</i> (стареть)	老	Деградация функций, снижение активности	Высокая: 衰老, 老年, 老化, 年老
	<i>sǐ</i> (умирать)	死	Прекращение существования, финальность	Высокая: 死亡, 去世, 病死, 枯死
	<i>tiè</i> (исчезать / прекращать существование)	灭	Полная деструкция, бесследное исчезновение	Средняя: 毁灭, 灭亡, 消灭

Окончание таблицы 1

Зона поля	Лексические единицы	Иероглифическое написание	Семантические характеристики	Словообразовательная продуктивность
Приядер-ная зона	у́нью́й (вынашивать / зарождаться)	孕育	Начальная стадия развития, потенциальность	Низкая: специализированное употребление
	méngfā (прорастать / зарождаться)	萌发	Первые проявления жизненной активности	Средняя: 萌发期, 萌动
	fāzhǎn (развиваться)	发展	Прогрессивное изменение, усложнение структуры	Высокая: 发展阶段, 发展期, 高速发展
	shuāitùi (приходить в упадок)	衰退	Регрессивные изменения, потеря функциональности	Средняя: 衰退期, 经济衰退
	xiāowáng (исчезать / отмирать)	消亡	Постепенное прекращение существования	Низкая: книжная лексика
Периферия	chū chū mó lí (неопытный новичок)	初出茅庐	Начало деятельности, неопытность	Фразеологизированность
	fēng huá zhèng mào (в расцвете сил)	风华正茂	Пик физических и интеллектуальных возможностей	Фразеологизированность
	xī yáng xī xià (на закате жизни)	夕阳西下	Приближение к концу жизненного цикла	Метафоричность

Представленная в таблице 1 структурная организация демонстрирует, что ядро поля формируют шесть базовых лексем, обладающих максимальной семантической общностью и способностью к широкому контекстуальному варьированию. Особенno показательна высокая словообразовательная продуктивность ядерных иероглифов: 生 (shēng) участвует в образовании более чем 40 композитов, связанных с концептом рождения и жизни, а 老 (lǎo) формирует около 30 лексических единиц, обозначающих различные аспекты старения. Анализ морфологической структуры показывает, что

базовые иероглифы жизненного цикла функционируют как корневые морфемы в бинарных композитах. Например, иероглиф 生 (shēng) в составе слова 出生 (*chūshēng*, *родиться*) сочетается с морфемой 出 (*chū*, *выходить*), создавая семантику «выхода в жизнь», а в составе 生长 (*shēngzhǎng*, *расту*) – с морфемой 长 (*zhǎng*, *расту*), образуя значение «жизненного роста». Приядерная зона характеризуется большей семантической конкретизацией и меньшей универсальностью применения. Лексемы этой зоны часто специализируются на описании определенных типов объектов или конкретных аспектов жизненного цикла. Так, 孕育 (*yùnyù*, *вынашивать* / *зарождать*) преимущественно употребляется применительно к живым существам и абстрактным феноменам (идеям, планам), но не используется для описания неорганических объектов.

Периферия поля представлена фразеологическими единицами, характеризующимися высокой образностью и культурной спецификой. Эти единицы часто основаны на метафорических переносах, отражающих традиционные китайские представления о жизненном цикле. Например, фразеологизм 夕阳西下 (*xī yáng xī xià*, *заходящее солнце склоняется к западу*) метафорически обозначает приближение к концу жизни через образ заходящего солнца.

Детальный анализ семантической дифференциации лексических единиц в зависимости от типа описываемого объекта выявил значительные различия в способах концептуализации жизненного цикла (таблица 2).

Таблица 2 – Семантическая дифференциация лексем жизненного цикла по типам объектов

Этап жизненного цикла	Человек	Животные	Растения	Неживые объекты	Примеры специализации
Возникновение / Рождение	出生 (<i>chūshēng</i>), 诞生 (<i>dànshēng</i>), 降生 (<i>jiàngshēng</i>)	产仔 (<i>chǎn zǐ</i>), 下崽 (<i>xià zǎi</i>), 孵出 (<i>fū chū</i>)	发芽 (<i>fāyá</i>), 萌发 (<i>méngfā</i>), 生根 (<i>shēnggēn</i>)	产生 (<i>chǎnshēng</i>), 形成 (<i>xíngchéng</i>), 创建 (<i>chuàngjiàn</i>)	孵出 – только для птиц и рептилий; 发芽 – только для семенных растений

Окончание таблицы 2

Этап жизненного цикла	Человек	Животные	Растения	Неживые объекты	Примеры специализации
Рост / Развитие	成长 (chéngzhǎng), 长大 (zhǎngdà), 发育 (fāyù)	成长 (chéngzhǎng), 发育 (fāyù), 长大 (zhǎngdà)	生长 (shēngzhǎng), 开花 (kāihuā), 结果 (jiéguǒ)	发展 (fāzhǎn), 扩大 (kuòdà), 壮大 (zhuàngdà)	开花 – специфично для цветковых; 发育 – биологическое развитие
Зрелость / Активное функционирование	成熟 (chéngshú), 成年 (chéngnián), 壮年 (zhuàngnián)	成熟 (chéngshú), 成年 (chéngnián), 发育 (fāqíng)	成熟 (chéngshú), 结果 (jiéguǒ), 硕果累累 (shuò guǒ lěi lěi)	运作 (yùnzuò), 全盛 (quánshèng), 鼎盛 (dǐngshèng)	发情 – только для животных; 鼎盛 – для государств, династий
Старение / Деградация	老 (lǎo), 衰老 (shuāilǎo), 年老 (niánlǎo)	老 (lǎo), 衰老 (shuāilǎo), 年老 (niánlǎo)	枯萎 (kūwěi), 凋零 (diāolíng), 凋谢 (diāoxiè)	老化 (lǎohuà), 磨损 (mósǔn), 腐蚀 (fǔshí)	凋谢 – только для цветов; 腐蚀 – для металлов
Прекращение существования / Смерть	死 (sǐ), 去世 (qùshì), 逝世 (shìshì)	死 (sǐ), 死亡 (sǐwáng), 毙命 (bìmìng)	枯死 (kūsǐ), 死亡 (sǐwáng), 凋零 (diāolíng)	毁灭 (huǐmiè), 倒闭 (dǎobi), 瓦解 (wǎjiě)	逝世 – почтительно о людях; 倒闭 – о предприятиях

Данные таблицы 2 демонстрируют выраженную семантическую специализацию лексических единиц в зависимости от онтологических характеристик описываемых объектов. Наиболее детализированной является система номинаций жизненного цикла человека, что отражает антропоцентричность языкового сознания и особое внимание к человеческой жизни в китайской культуре.

Для человека характерна максимальная дифференциация лексических средств с учетом социального статуса, возраста и обстоятельств. Например, для обозначения рождения используются стилистически дифференцированные лексемы: нейтральное

出生 (*chūshēng*, *родиться*), торжественное 诞生 (*dànshēng*, *появиться на свет*) и возвышенное 降生 (*jiàngshēng*, *появиться на свет, часто о выдающихся личностях*). Аналогично, для смерти существует развитая система эвфемизмов с различной стилистической окраской: 去世 (*qùshì*, скончаться – нейтральное), 逝世 (*shìshì*, скончаться – официальное), 离世 (*líshì*, покинуть мир – литературное). Особенности номинации жизненного цикла животных характеризуются как использованием общих с человеком лексем (生, 老, 死), так и специфическими терминами, отражающими биологические особенности. Например, 产仔 (*chǎn zǐ*, *рождать детенышей*) используется исключительно для млекопитающих, 孵出 (*fū chū*, *вылупляться*) – для птиц и рептилий, а 发情 (*fāqíng*, *быть в состоянии готовности к размножению*) обозначает специфическое состояние половозрелых животных. Растительный мир характеризуется собственной системой номинаций, основанной на ботанических процессах. Лексемы 发芽 (*fāyá*, *прорастать*), 开花 (*kāihuā*, *цвести*), 结果 (*jiēguǒ*, *плодоносить*) отражают специфические стадии развития растений. Процессы увядания и гибели также имеют специализированные обозначения: 枯萎 (*kūwěi*, *увядать*), 凋零 (*diāolíng*, *увядать / отцветать*), 凋谢 (*diāoxiè*, *увядать – преимущественно о цветах*).

Неживые объекты концептуализируются через техническую и социально-экономическую терминологию. Для предприятий используется специфическая лексема 倒闭 (*dǎobì*, *закрываться/банкротиться*), для механизмов – 磨损 (*mósǔn*, *изнашиваться*), для металлических конструкций – 腐蚀 (*fǔshí*, *корродировать*). Это свидетельствует о том, что концептуализация жизненного цикла неорганических объектов в китайском языке базируется на метафорическом переносе биологических процессов в техническую и социальную сферы.

Анализ культурно-специфических особенностей лексико-фразеологического поля выявил глубокую связь языковых репрезентаций жизненного цикла с традиционными китайскими философско-религиозными концепциями (таблица 3).

Таблица 3 – Культурно-специфические особенности репрезентации жизненного цикла в китайском языке

Культурный аспект	Языковые репрезентации	Философско-религиозная основа	Примеры употребления	Коннотативные характеристики
Циклическая модель времени	轮回 (<i>lúnhuí</i> , круговорот), 循环 (<i>xúnhuán</i> , цикл), 往复 (<i>wǎngfù</i> , возвратно-поступательный)	Буддизм, даосизм	生死轮回 (<i>shēngsǐ lúnhuí</i> , круговорот жизни и смерти)	Позитивные: вечность, обновление
Гармония инь-ян	阴阳调和 (<i>yīnyáng tiáohé</i> , гармония инь-ян), 平衡 (<i>pínghéng</i> , равновесие)	Даосская философия	人生 阴阳平衡 (<i>rénshēng yīnyáng pínghéng</i> , баланс инь-ян в жизни)	Нейтральные: естественность, баланс
Уважение к старости	老先生 (<i>lǎo xiānsheng</i> , почтенный господин), 寿星 (<i>shòuxīng</i> , долгожитель), 老前辈 (<i>lǎo qiánbèi</i> , уважаемый старший)	Конфуцианская этика	向老前辈学习 (<i>xiàng lǎo qiánbèi xuéxí</i> , учиться у старших)	Позитивные: мудрость, авторитет
Табуирование смерти	仙逝 (<i>xiānshì</i> , стать бессмертным), 鸳鹤西去 (<i>jiān hè xī qù</i> , отправиться на запад на журавле), 百年之后 (<i>bǎinián zhī hòu</i> , после ста лет)	Даосизм, народные верования	老人仙逝了 (<i>lǎorén xiānshì le</i> , старик скончался)	Эвфемистичные: смягчение, позитивизация
Сезонная метафоризация	人生四季 (<i>rénshēng sìjì</i> , четыре сезона жизни), 春华秋实 (<i>chūn huá qiū shí</i> , весенний цвет и осенний плод)	Традиционная космология	他正值人生的秋天 (<i>tā zhèng zhí rénshēng de qiūtiān</i> , он в осени жизни)	Поэтические: образность, цикличность

Окончание таблицы 3

Династическая периодизация	鼎 盛 时 期 (dǐngshèng shíqī, <i>период расцвета</i>), 兴 衰 更 替 (xīngshuāi gēngtī, <i>смена подъемов и упадков</i>)	Историческая традиция	王 朝 的 兴 衰 (wángcháo de xīngshuāi, <i>взлеты и падения династии</i>)	Исторические: величие, закономерность
Возрастная стратификация	而 立 之 年 (érli zhī nián, 30 лет), 不 惑 之 年 (búhuò zhī nián, 40 лет), 知 天 命 (zhī tiānmìng, 50 лет)	Конфуцианская традиция	他 已 到 而 立 之 年 (tā yǐ dào érlì zhī nián, <i>ему уже 30 лет</i>)	Нормативные: социальные ожидания
Природная образность	含 苞 待 放 (hán bāo dài fàng, <i>бутон готов распуститься</i>), 花 开 花 落 (huā kāi huā luò, <i>цветы цветут и опадают</i>)	Традиционная поэтика	青 春 含 苞 待 放 (qīngchūn hán bāo dài fàng, <i>молодость как нераспустившийся бутон</i>)	Поэтические: красота, естественность

Представленные в таблице 3 данные свидетельствуют о глубокой интеграции лексико-фразеологических репрезентаций жизненного цикла с основными концептами традиционной китайской культуры. Циклическая модель времени, заимствованная из буддийской и даосской философии, проявляется в широком использовании лексем 轮回 (*lúnhuí*, *круговорот*) и 循环 (*xúnhuán*, *цикл*) для описания жизненных процессов. Эта модель кардинально отличается от линейного понимания времени в западной культуре и обусловливает специфическое восприятие смерти не как финального события, а как перехода к новому циклу существования. Концепция гармонии инь-ян находит отражение в стремлении к балансу и равновесию в описании жизненных процессов. Лексемы 平衡 (*pínghéng*, *равновесие*) и 调和 (*tiáohé*, *гармония*) часто используются в контексте описания здорового развития и оптимального функционирования организма. Например,

выражение 阴阳平衡 (*yīnyáng pínghéng*, баланс инь-ян) обозначает состояние физического и духовного здоровья.

Конфуцианская этика 孝 (*xiào*, сыновняя почтительность) обусловливает позитивную коннотацию старости в китайском языке. В отличие от многих западных культур, где старение часто воспринимается негативно, китайский язык изобилует почтительными номинациями пожилого возраста: 老先生 (*lǎo xiānshēng*, почтенный господин), 寿星 (*shòuxīng*, долгожитель, звезда долголетия), 老前辈 (*lǎo qiánbēi*, уважаемый предшественник). Эти лексемы не просто обозначают возраст, но и выражают уважение к опыту и мудрости.

Табуирование смерти в китайской культуре привело к развитию богатой системы эвфемизмов, часто основанных на даосских представлениях о загробной жизни. Выражение 仙逝 (*xiānshì*, стать бессмертным) представляет смерть как трансформацию в высшее духовное состояние, а 驾鹤西去 (*jià hè xī qù*, отправиться на запад верхом на журавле) апеллирует к даосскому символизму журавля как посланника между мирами. Особенно показательна сезонная метафоризация жизненного цикла, отраженная в концепции 人生四季 (*rénshēng sìjì*, четыре сезона жизни человека). Эта метафорическая модель структурирует представления о жизненных этапах через образы природных циклов: детство ассоциируется с весной (新生的春天, *xīnshēng de chūntiān*, весна новой жизни), молодость – с летом (青春的夏天, *qīngchūn de xiàtiān*, лето молодости), зрелость – с осенью (收获的秋天, *shōuhuò de qiūtiān*, осень урожая), старость – с зимой (宁静的冬天, *níngjìng de dōngtiān*, спокойная зима).

Традиционная возрастная стратификация, восходящая к конфуцианской классике, сохраняется в современном китайском языке. Выражения 而立之年 (*érli zhī nián*, тридцать лет, годы установления), 不惑之年 (*búhuò zhī nián*, сорок лет, годы без сомнений), 知天命 (*zhī tiānmìng*, пятьдесят лет, знание небесного предназначения) отражают традиционные представления о возрастных задачах и достижениях. Эти выражения не только обозначают хронологический возраст, но

и содержат нормативные ожидания относительно социальной роли и личностного развития человека на каждом этапе жизни. Природная образность, характерная для традиционной китайской поэтики, широко используется для метафорического описания жизненных процессов. Выражение 含苞待放 (*hán bāo dài fàng*, бутон готов распуститься) метафорически обозначает период юности, полной потенциальных возможностей, а 花开花落 (*huā kāi huā luò*, цветы цветут и опадают) символизирует естественный ход жизненного цикла с его взлетами и спадами. Сопоставительный анализ данных трех таблиц позволяет сделать вывод о том, что лексико-фразеологическое поле «жизненный цикл объекта» в китайском языке представляет собой сложную многоуровневую систему, интегрирующую универсальные когнитивные механизмы с культурно-специфическими концептуализациями. Структурная организация поля отражает градацию от универсальных базовых процессов к культурно-маркированным способам их языкового выражения.

Субполе «возникновение / рождение» в китайском языке отличается богатством и разнообразием лексических и фразеологических единиц, дифференцированных в зависимости от типа объекта.

Для обозначения рождения человека используются лексемы: 生 (*shēng*, родиться), 出生 (*chūshēng*, родиться), 降生 (*jiàngshēng*, появиться на свет), 诞生 (*dànshēng*, родиться, появиться), 生育 (*shēngyù*, рожать); существительные: 出生 (*chūshēng*, рождение), 诞生 (*dànshēng*, рождение), 生育 (*shēngyù*, деторождение). Например: 他出生在北京 (*tā chūshēng zài Běijīng*, он родился в Пекине); 婴儿降生了 (*yīng'ér jiàngshēng le*, ребенок **появился** на свет); 她生育了一个健康的男孩 (*tā shēngyù le yí ge jiànkāng de nánhái*, она **родила** здорового мальчика).

Показательно, что в китайском языке существует множество эвфемизмов, связанных с беременностью и рождением: 有喜 (уои *xǐ*, быть в положении, букв. иметь радость), 怀孕 (*huái yùn*, быть беременной), 身怀六甲 (*shēn huái liù jiǎ*, быть беременной, букв. вынашивать шесть циклических знаков»), 临盆 (*lín pén*, рожать, букв. подходить к корыту). Например: 她有喜了 (*tā yǒu xǐ le*, она в положении); 她

已经怀孕三个月了 (*tā yǐjīng huái yùn sān ge yuè le*, она уже три месяца беременна).

Для обозначения рождения животных используются как общие с человеком лексемы (生, 出生), так и специфические: 产仔 (*chǎn zǐ*, рожать детенышей), 下崽 (*xià zāi*, рожать детенышей), 孵出 (*fū chū*, вылупляться). Например: 母狗产了五只小狗 (*mǔ gǒu chǎn le wǔ zhī xiǎo gǒu*, собака **родила** пять щенков); 鸡蛋孵出了小鸡 (*jīdàn fū chū le xiǎo jī*, из яйца **вылупился** цыпленок).

Для обозначения возникновения растений используются лексемы: 发芽 (*fāyá*, прорастать), 萌发 (*méngfā*, прорастать), 生根 (*shēnggēn*, пускать корни), 长出 (*zhǎng chū*, вырастать). Например: 种子发芽了 (*zhǒngzǐ fāyá le*, семена **проросли**); 树苗生根了 (*shùmiáo shēnggēn le*, саженец **пустил корни**); 新叶长出来了 (*xīn yè zhǎng chū lái le*, **появились** новые листья).

Для обозначения возникновения неживых объектов используются лексемы: 产生 (*chǎnshēng*, возникать), 形成 (*xíngchéng*, формироваться), 创建 (*chuàngjiàn*, создаваться), 建立 (*jiànlì*, учреждаться / основываться), 诞生 (*dànshēng*, появляться). Например: 新公司成立了 (*xīn gōngsī chénglì le*, новая компания **основана**); 这个想法是如何产生的? (*zhège xiǎngfǎ shì rúhé chǎnshēng de?* как **возникла** эта идея?); 星系在宇宙中形成 (*xīngxì zài yǔzhòu zhōng xíngchéng*, галактики **формируются** во вселенной).

Примечательной особенностью китайской лингвокультуры является тесная связь концепта рождения с понятием удачи, счастья, что отражается в использовании иероглифа 喜 (*xǐ*, радость) во многих выражениях, связанных с рождением: 添喜 (*tiān xǐ*, прибавление в семействе, букв. добавить радость), 报喜 (*bào xǐ*, сообщить о рождении ребенка, букв. сообщить радость), 双喜临门 (*shuāng xǐ lín mén*, двойная радость, часто о рождении близнецов, букв. **двойное счастье приходит к воротам**) [ЧжАО Юньпин, 2018, с. 78–86].

Субполе «рост / развитие» включает лексические и фразеологические единицы, обозначающие процессы изменения объекта от начальной стадии до состояния зрелости.

Для обозначения роста и развития человека используются лексемы: 成长 (*chéngzhǎng, расти / взрослеть*), 长大 (*zhǎngdà, вырастать / взрослеть*), 发育 (*fāyù, развиваться физически*), 成熟 (*chéngshú, созревать / становиться зрелым*), 发展 (*fāzhǎn, развиваться*). Фразеологические единицы: 茁壮成长 (*zhuó zhuàng chéng zhǎng, расти здоровым и крепким*), 日新月异 (*rì xīn yuè yì, быстро развиваться, букв. день обновляется, месяц меняется*), 蒸蒸日上 (*zhēng zhēng rì shàng, процветать с каждым днем*). Например: 孩子成长的过程 (*háizi chéngzhǎng de guòchéng, процесс взросления ребенка*); 青少年正在发育 (*qīngshàonián zhèngzài fāyù, подростки в процессе физического развития*); 他的才能日新月异 (*tā de cǎinéng rì xīn yuè yì, его таланты развиваются день ото дня*).

В китайском языке существует детальная градация возрастных периодов человека, что отражается в лексике: 婴儿期 (*yīng'ér qī, младенчество*), 幼儿期 (*yuò'ér qī, раннее детство*), 童年 (*tóngnián, детство*), 少年 (*shàonián, отрочество*), 青春期 (*qīngchūn qī, юность*), 青年 (*qīngnián, молодость*), 中年 (*zhōngnián, зрелый возраст*), 老年 (*lǎonián, старость*). Особый интерес представляет традиционное деление жизни человека на десятилетние периоды, отраженное в выражении 十年一个阶段 (*shí nián yí ge jiēdiànn, каждые десять лет – новый этап*) [Ли Цзиньсю, 2015, с. 45–52].

Для роста и развития животных используются лексемы: 成长 (*chéngzhǎng, расти*), 发育 (*fāyù, развиваться*), 长大 (*zhǎngdà, вырастать*), 成熟 (*chéngshú, созревать*). Например: 小鸡迅速成长 (*xiǎo jī xùnsù chéngzhǎng, цыпленка быстро растут*); 动物在发育 (*dòngwù zài fāyù, животное развивается*); 幼狮长大了 (*yuǎn shī zhǎng dà le, львенок вырос*).

Для роста и развития растений характерны лексемы: 生长 (*shēngzhǎng, расти*), 发育 (*fāyù, развиваться*), 开花 (*kāihuā, цветсти*), 结果 (*jiéguǒ,*

плодоносить), 成熟 (*chéngshú, созревать*). Фразеологизмы: 枝繁叶茂 (*zhī fán yè mào, пышно разрастаться, букв. ветви густые, листва обильная*), 郁郁葱葱 (*yù yù cōng cōng, пышно зеленеть*). Например: 植物在阳光下茁壮生长 (*zhíwù zài yángguāng xià zhuó zhuàng shēngzhǎng, растения крепко расстут на солнце*); 花儿开了 (*huā er kāi le, цветы расцвели*); 果实成熟了 (*guǒshí chéngshú le, плоды созрели*).

Для развития неживых объектов используются лексемы: 发展 (*fāzhǎn, развиваться*), 扩大 (*kuòdà, расширяться*), 壮大 (*zhuàngdà, укрепляться/расти*), 进步 (*jìn bù, прогрессировать*). Фразеологизмы: 蒸蒸日上 (*zhēng zhēng rì shàng, процветать с каждым днем*), 欣欣向荣 (*xīn xīn xiàng róng, процветать*). Например: 公司在迅速发展 (*gōngsī zài xùnsù fāzhǎn, компания быстро развивается*); 城市不断扩大 (*chéngshì bùduàn kuòdà, город постоянно расширяется*); 经济欣欣向荣 (*jīngjì xīn xīn xiàng róng, экономика процветает*).

Субполе «зрелость / активное функционирование» включает лексические и фразеологические единицы, обозначающие достижение объектом оптимального состояния и полноценного функционирования.

Для обозначения зрелости человека используются лексемы: 成熟 (*chéngshú, быть зрелым*), 成年 (*chéngnián, достигать совершеннолетия*), 壮年 (*zhuàngnián, быть в расцвете сил*). Фразеологические единицы: 风华正茂 (*fēng huá zhèng mào, быть в расцвете сил, букв. талант и красота в полном цвете*), 年富力强 (*nián fù lì qiáng, быть в расцвете сил, букв. годы богатые, сила крепкая*), 当打之年 (*dāng dǎ zhī nián, быть в самом расцвете сил, букв. годы, подходящие для битвы*). Например: 他是个成熟的男人 (*tā shì ge chéngshú de nánrén, он зреый мужчина*); 她已经成年了 (*tā yǐjīng chéngnián le, она уже достигла совершеннолетия*); 他正值壮年 (*tā zhèng zhí zhuàngnián, он в расцвете сил*).

Особенность китайской лингвокультуры состоит в том, что зрелость часто ассоциируется не только с физическим состоянием, но и с духовными качествами, моральной зрелостью, что отражено в таких выражениях, как 修身养性 (*xiū shēn*

yǎng xìng, совершенствовать себя и воспитывать свою природу), 品德高尚 (*pǐndé gāoshàng, обладать высокими моральными качествами*) [Ян Минтянь, 2017, с. 102–109].

Для зрелости животных используются лексемы: 成熟 (*chéngshú, созревать*), 成年 (*chéngnián, достигать взрослого состояния*), 发情 (*fāqíng, быть в состоянии готовности к размножению*). Например: 动物成年后开始繁殖 (*dòngwù chéngnián hòu kāishí fánzhí, животные начинают размножаться по достижении зрелости*); 雄狮发情了 (*xióng shī fāqíng le, лев в состоянии готовности к спариванию*).

Для растений период зрелости обозначается лексемами: 成熟 (*chéngshú, созревать*), 结果 (*jiéguǒ, плодоносить*), 硕果累累 (*shuò guǒ lěi lěi, обильно плодоносить*). Например: 果实成熟了 (*guǒshí chéngshú le, плоды созрели*); 树上结满了果子 (*shù shàng jié mǎn le guǒzi, дерево усыпано плодами*); 庄稼丰收 (*zhuāngjia fēngshōu le, урожай собран*).

Для неживых объектов состояние оптимального функционирования обозначается лексемами: 运作 (*yùnzuò, функционировать*), 运营 (*yùnyíng, функционировать*), 全盛 (*quánshèng, быть на пике*), 巅峰 (*diānfēng, достигать вершины*), 鼎盛 (*dǐngshèng, быть в расцвете*). Фразеологизмы: 蒸蒸日上 (*zhēng zhēng rì shàng, процветать с каждым днем*), 欣欣向荣 (*xīn xīn xiàng róng, процветать*). Например: 机器正常运转 (*jīqì zhèngcháng yùnzhuǎn, механизм функционирует нормально*); 公司处于全盛时期 (*gōngsī chǐyú quánshèng shíqī, компания находится на пике своего развития*); 这个朝代的鼎盛时期 (*zhège cháodài de dǐngshèng shíqī, период расцвета этой династии*).

Субполе «старение / деградация» включает лексические и фразеологические единицы, обозначающие процессы ухудшения состояния, снижения функциональности, приближения к концу существования.

Для обозначения старения человека используются лексемы: 老 (*lǎo, стареть*), 衰老 (*shuāilǎo, стареть / дряхлеть*), 年老 (*niánlǎo, стареть*), 老化 (*lǎohuà,*

стареть). Существительные: 老年 (*lǎonián, старость*), 老化 (*lǎohuà, старение*), 衰老 (*shuāilǎo, старение*). Фразеологические единицы: 白发苍苍 (*bái fà cāng cāng, седовласый, букв. белые волосы серые-серые*), 垂暮之年 (*chuí mù zhī nián, преклонный возраст, букв. годы, склоняющиеся к сумеркам*), 髫耋之年 (*mào dié zhī nián, глубокая старость, 80-90 лет*), 古稀之年 (*gǔ xī zhī nián, 70 лет, букв. редкость в древности*). Например: 他开始老了 (*tā kāishǐ lǎo le, он начал стареть*); 人的衰老过程 (*rén de shuāilǎo guòchéng, процесс старения человека*); 他已到耄耋之年 (*tā yǐ dào mào dié zhī nián, он достиг глубокой старости*).

Важная особенность китайской лингвокультуры – уважительное отношение к старости, что отражается в большом количестве почтительных выражений для обозначения пожилого возраста: 老年人 (*lǎoniánrén, пожилой человек*), 老先生 (*lǎo xiānsheng, почтенный господин*), 老前辈 (*lǎo qiánbèi, старший, уважаемый предшественник*), 寿星 (*shòuxīng, долгожитель, букв. звезда долголетия*) [Ли Мань, 2022, с. 134–146]. В то же время существуют и эвфемизмы, смягчающие негативные коннотации старения: 步入晚年 (*bù rù wǎnnián, вступить в преклонный возраст, букв. шагнуть в вечерние годы*), 年事已高 (*niánshì yǐ gāo, быть в преклонном возрасте, букв. годы уже высокие*).

Для старения животных используются лексемы: 老 (*lǎo, стареть*), 衰老 (*shuāilǎo, дряхлеть*), 年老 (*niánlǎo, стареть*). Например: 老狗行动缓慢 (*lǎo gǒu xíngdòng huǎntàn, старая собака движется медленно*); 马匹衰老了 (*mǎpǐ shuāilǎo le, лошадь состарилась*).

Для растений процессы деградации обозначаются лексемами: 枯萎 (*kūwēi, увядать*), 凋零 (*diāolíng, увядать / отцветать*), 凋谢 (*diāoxiè, увядать*), 枯死 (*kūsǐ, засыхать*), 老化 (*lǎohuà, стареть*). Фразеологизмы: 枯枝败叶 (*kū zhī bài yè, сухие ветви и увядшие листья*), 花落叶黄 (*huā luò yè huáng, цветы опадают, листья желтеют*). Например: 花儿凋谢了 (*huā er diāoxiè le, цветы увяли*); 树叶黄了

(shùyè huáng le, листья пожелтели); 植物慢慢枯萎 (zhíwù màn màn kūwéi, растение постепенно увядает).

Для неживых объектов деградация выражается лексемами: 老化 (lǎohuà, стареть / изнашиваться), 磨损 (móshǐn, изнашиваться), 腐蚀 (fǔshí, корродировать / разрушаться), 破旧 (pòjiù, ветшать), 衰败 (shuāibài, приходить в упадок), 衰退 (shuāitùi, приходить в упадок). Фразеологизмы: 日暮西山 (rì mù xī shān, быть на закате, букв. солнце садится за западные горы), 行将就木 (xíng jiāng jù mù, приближаться к концу, букв. вот-вот приблизиться к дереву [гроба]). Например: 机器老化了 (jīqì lǎohuà le, механизм износился); 房子破旧不堪 (fángzì pòjiù bùkān, дом совершенно обветшил); 帝国开始衰败 (dìguó kāishǐ shuāibài, империя начала приходить в упадок).

Субполе «прекращение существования / смерть» включает лексические и фразеологические единицы, обозначающие конечную стадию жизненного цикла – полное прекращение существования объекта.

Для обозначения смерти человека используются лексемы: 死 (sǐ, умирать), 死亡 (sǐwáng, умирать), 去世 (qùshì, скончаться), 逝世 (shìshì, скончаться), 离世 (líshì, покинуть мир), 辞世 (císhì, покинуть мир), 病故 (bìnggù, умереть от болезни), 亡故 (wánggù, умереть, скончаться). Фразеологические единицы: 长眠不醒 (cháng mián bù xǐng, уснуть вечным сном), 驾鹤西去 (jià hè xī qù, отправиться на запад верхом на журавле – даосская метафора смерти), 归西 (guī xī, отправиться на запад), 魂归故里 (hún guī gù lǐ, душа вернулась в родные места), 寿终正寝 (shòu zhōng zhèng qǐn, умереть естественной смертью, букв. «жизнь закончилась в собственной постели»). Например: 老人去世了 (lǎorén qùshì le, старик скончался); 他因病辞世 (tā yīn bìng císhì, он скончался от болезни); 英雄长眠不醒 (yīngxióng cháng mián bù xǐng, герой уснул вечным сном).

В китайском языке существует множество эвфемизмов для обозначения смерти, что связано с табуированностью этой темы: 走了 (zǒu le, ушел), 不在了 (bú zài

*le, больше нет), 仙逝 (xiānshì, стать бессмертным, т.е. умереть), 作古 (zuò gǔ, стать древностью, т.е. умереть), 百年之后 (bǎinián zhī hòu, после ста лет, т.е. после смерти) [Пэй Сянлинь, 2020, с. 147–158]. Например: 祖父已经不在了 (zǔfù yǐjīng bù zài le, дедушки **больше нет**); 老教授仙逝了 (lǎo jiàoshòu xiānshì le, старый профессор **скончался**); 百年之后把我埋在故乡 (bǎinián zhī hòu bǎ wǒ mái zài gùxiāng, **после смерти похороните меня на родине**). Для обозначения гибели животных используются лексемы: 死 (sǐ, умирать), 死亡 (sǐwáng, умирать), 廿命 (bìmìng, погибать), 灭亡 (mièwáng, погибать). Например: 动物死了 (dòngwù sǐ le, животное **умерло**); 鸟儿死亡 (niǎo er sǐwáng, птица **погибла**). Для растений прекращение существования выражается лексемами: 枯死 (kūsǐ, засыхать/погибать), 死亡 (sǐwáng, умирать), 凋零 (diāolíng, увядать/погибать), 枯萎 (kūwěi, увядать/гибнуть). Например: 树木枯死了 (shùmù kūsǐ le, деревья **засохли**); 植物因干旱而死亡 (zhíwù yīn gānhàn ér sǐwáng, **растения погибли из-за засухи**).*

Для неживых объектов конец существования обозначается лексемами: 毁灭 (huǐmiè, разрушаться), 崩溃 (bēngkuì, разрушаться/распадаться), 倒闭 (dǎobì, закрываться, о предприятии), 瓦解 (wǎjiě, распадаться), 消失 (xiāoshī, исчезать), 灭亡 (mièwáng, прекращать существование). Фразеологизмы: 灰飞烟灭 (huīfēi yān miè, бесследно исчезнуть, букв. пепел улетел, дым рассеялся), 土崩瓦解 (tǔ bēng wǎ jiě, полностью разрушиться, букв. земля обрушилась, черепица раскололась). Например: 古城毁灭了 (gǔchéng huǐmiè le, древний город **разрушен**); 公司倒闭了 (gōngsī dǎobì le, компания **закрылась**); 帝国灭亡了 (dìguó mièwáng le, империя **прекратила существование**).

Анализ лексико-фразеологического поля «жизненный цикл объекта» в китайском языке позволяет выявить ряд специфических особенностей, обусловленных как структурой языка, так и национально-культурными факторами.

Во-первых, отмечается высокая степень морфологической деривации на основе базовых иероглифов, обозначающих этапы жизненного цикла. Так, иероглиф 生 (shēng, рождаться / возникать) входит в состав множества лексем: 出

生 (*chūshēng*, *родиться*), 生长 (*shēngzhǎng*, *расту*), 生命 (*shēngmìng*, *жизнь*), 生育 (*shēngyù*, *рожать*). Аналогично, иероглиф 老 (*lǎo*, *старый*) используется в составе слов: 衰老 (*shuāilǎo*, *стареть*), 老年 (*lǎonián*, *старость*), 老化 (*lǎohuà*, *старение*).

Во-вторых, наблюдается тесная связь лексико-фразеологических репрезентаций жизненного цикла с традиционными философско-религиозными представлениями. Например, концепция циклического времени, характерная для даосизма, отражается в метафорических моделях, структурирующих представления о жизненном цикле: «Жизнь – это День» (从日出到日落, *cóng rì chū dào rì luò*, *от восхода до заката*), «Жизнь – это Год / Сезон» (人生四季, *rénsēng sìjì*, *четыре сезона жизни человека*).

В-третьих, выявлено обилие эвфемизмов, особенно для обозначения рождения и смерти, что свидетельствует о культурной маркированности и определенной табуированности этих сфер в китайской культуре. При этом эвфемизмы для обозначения смерти часто содержат позитивные коннотации, связанные с представлениями о загробной жизни: 仙逝 (*xiānshì*, *стать бессмертным*), 驾鹤西去 (*jià hè xī qù*, *отправиться на запад верхом на журавле*).

В-четвертых, обнаружена выраженная аксиологическая асимметрия в репрезентации различных возрастных периодов. В китайской лингвокультуре старость не имеет однозначно негативных коннотаций и часто ассоциируется с мудростью, опытом и уважением, что отражается в почтительных номинациях пожилого возраста: 老先生 (*lǎo xiānsheng*, *почтенный господин*), 老前辈 (*lǎo qiánbèi*, *старший, уважаемый предшественник*).

В-пятых, выявлена тенденция к более детальной стратификации жизненного цикла человека по сравнению с другими объектами, что проявляется в наличии специфических номинаций для различных возрастных периодов: 婴儿期 (*yīng'ér qī*, *младенчество*), 幼儿期 (*yòu'ér qī*, *раннее детство*), 童年 (*tóngnián*, *детство*), 少年 (*shàonián*, *отрочество*), 青春期 (*qīngchūn qī*, *юность*), 青年 (*qīngnián*, *молодость*), 中年 (*zhōngnián*, *зрелый возраст*), 老年 (*lǎonián*, *старость*).

Таким образом, исследование лексико-фразеологического поля «жизненный цикл объекта» в китайском языке демонстрирует его сложную структуру, богатство и разнообразие входящих в него единиц, а также культурно-специфические особенности концептуализации темпоральных аспектов существования объектов. Выявленные особенности обусловлены как универсальными когнитивными механизмами, так и национально-культурными факторами, связанными с традиционными философско-религиозными представлениями китайской культуры.

2.3 Периоды жизни человека, животного, растения, предмета и их отображение в русском и китайском языках: сопоставительный анализ³

Сопоставительное исследование репрезентации жизненного цикла в разноструктурных языках представляет существенный интерес для когнитивной лингвистики и лингвокультурологии, поскольку позволяет выявить как универсальные, так и национально-специфические особенности концептуализации временных параметров существования различных объектов. Данный параграф посвящен детальному сопоставительному анализу вербализации периодов жизни человека, животного, растения и предмета в русском и китайском языках.

2.3.1 Периоды жизни человека в русском и китайском языках⁴

Концептуализация жизненного пути человека, периодизация его возрастных состояний и оценка каждого из этапов являются фундаментальными компонентами языковой картины мира любого этноса. Проведенный анализ лексико-фразеологического материала русского и китайского языков позволяет выделить

³ В разделе использованы материалы статей автора: Янь Ч. Обозначение старшего возраста в русском и китайском языках // Мир науки, культуры, образования. 2020. № 5 (84). С. 343–346 ; Янь Ч. Обозначение старшего возраста в русском и китайском языках // Innovations and Tendencies of State-of-Art Science : Proceedings of V–VI International Multidisciplinary Conference. Rotterdam, Nederland, April 13, 2021. Rotterdam, 2021. Р. 69–72.

⁴ В подразделе использованы материалы статьи автора: Янь Ч. Метафорическое обозначение изменения возраста в русском и китайском языках // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2020. № 12. С. 187–191.

как универсальные, так и национально-специфические особенности репрезентации различных периодов жизни человека.

В обоих языках наблюдается детальная градация жизненного пути человека, однако принципы этой градации демонстрируют значительные различия. В русском языке преобладает функциональный и социально-психологический принцип выделения возрастных периодов, в то время как в китайском языке более выражена числовая детерминированность возрастных состояний, тесно связанная с традиционной нумерологией и космологическими представлениями.

Номинации начального периода жизни человека в русском языке представлены лексемами: *новорожденный, младенец, грудничок, дитя, ребенок, малыш, карапуз*. Диахронический анализ показывает, что лексема «младенец» происходит от праславянского *moldъ (молодой) с суффиксом -енец, что буквально означает «маленький молодой человек» [Болдырев, 2014, с. 236]. В китайском языке данный период обозначается лексемами: 婴儿 (*yīng'ér, младенец*), 新生儿 (*xīnshēng'ér, новорожденный*), 宝宝 (*bǎobāo, малыш*), 幼儿 (*yòu'ér, маленький ребенок*). Интересно, что в составе лексемы 婴儿 (*yīng'ér*) первый иероглиф 婴 исторически обозначал нагрудное украшение, что семантически связано с расположением младенца на груди матери.

Сопоставительный анализ выявляет различия в оценочных коннотациях и метафорических моделях, репрезентирующих младенчество. В русском языке превалируют метафоры, связанные с семами ‘маленький размер’ и ‘незащищенность’: *кроха, крошка, крошечка, крупинка*, а также с компонентом ‘недавнее появление’: *новорожденный*, что отражает восприятие младенца как маленького и беззащитного существа. В китайском языке доминируют метафоры, акцентирующие ‘ценность’ и ‘драгоценность’: 小宝贝 (*xiǎo bǎobēi, маленькое сокровище*), 掌上明珠 (*zhǎng shàng míng zhū, жемчужина на ладони*).

Период детства в русском языке вербализуется через лексемы: *ребенок, дитя, малыш, мальчик / девочка, малолетний, подросток, отрок, тинейджер, юнец*. Семантическое поле дополняется диминутивами и уменьшительно-ласкательными

формами: *детка, детеныш, ребяченок, деточка, дитячко*. В китайском языке детство репрезентируется через: 儿童 (ér tóng, *ребенок*), 孩子 (háizi, *ребенок*), 少年 (shàonián, *подросток*), 孩童 (háitóng, *дитя*). Примечательно, что иероглиф 童 (tóng, *ребенок*) входит в состав лексемы 童年 (tóng nián, *детство*) и изображает ребенка с большой головой, что иконически отражает физиологические пропорции детского тела.

Анализ фразеологического фонда выявляет различия в концептуализации детства. Русские фразеологизмы часто подчеркивают безмятежность и беззаботность этого периода: *беззаботное детство, золотое детство, счастливое детство, райское детство*. В китайской фразеологии акцент делается на обучении и формировании личности: 少成若天性 (shào chéng ruò tiān xìng, что усвоено в детстве, становится второй натурой), 童子习字 (tóng zǐ xí zì, *ребенок учится писать иероглифы – о начале обучения*) [Китайско-русский фразеологический словарь, 2009].

Период юности и молодости демонстрирует наибольшую степень лексической детализации в обоих языках. В русском языке данный период репрезентируется лексемами: юноша / девушка, молодой человек, парень, юнец, молодежь (собирательное). В китайском языке: 青年 (qīngnián, *молодежь / молодые люди*), 小伙子 (xiǎohuǒzǐ, *парень*), 姑娘 (gūniāng, *девушка*), 年轻人 (niánqīng rén, *молодой человек*). Примечательно, что в китайском языке иероглиф 青 (qīng) имеет первичное значение «зеленый, сине-зеленый», что отражает метафорическое восприятие молодости как периода свежести, роста и развития, аналогичное русскому выражению «молодо-зелено».

Сопоставительный анализ фразеологизмов, характеризующих молодость, выявляет как универсальные, так и национально-специфические метафорические модели. Универсальной является концептуализация молодости через образы Весны и Утра: рус. «весна жизни», «на заре жизни», кит. 青春 (qīngchūn, *молодость, букв. зеленая весна*), 风华正茂 (fēnghuá zhèng mào, *в расцвете молодости, букв. талант и красота в полном цвете*). Национально-специфической для русского языка является метафора «Огонь» / «Кипение»: горячая молодость, кипучая молодость,

огонь молодости; для китайского – метафора «Нефрит»: 玉树临风 (*yùshù lín fēng*, как нефритовое дерево на ветру – о красивом молодом человеке). [Фразеологический словарь китайского языка, 2011].

Период зрелости в русском языке вербализуется через лексемы: *взрослый, зрелый, муж/жена* (в значении *мужчина / женщина*), *мужчина / женщина, человек средних лет, человек среднего возраста*. В китайском языке: 成人 (*chéngrén*, взрослый), 成年人 (*chéngniánrén*, взрослый человек), 壮年 (*zhuàngnián*, человек в расцвете сил), 中年人 (*zhōngniánrén*, человек среднего возраста), 中年 (*zhōngnián*, средний возраст). Когнитивно-семантический анализ выявляет, что в обоих языках концепт зрелости тесно связан с идеями полноты развития, достижения оптимального состояния и социальной активности [Карасик, 2002, с. 477].

Фразеологические единицы, репрезентирующие период зрелости, отражают различные аспекты концептуализации данного периода. В русском языке акцент делается на полноте сил и возможностей: *расцвет сил, в самом соку, в полном расцвете, на пике формы*. В китайском языке доминируют выражения, подчеркивающие социальный статус и ответственность: 不惑之年 (*bú huò zhī nián*, возраст отсутствия сомнений – о 40 годах), 当家作主 (*dāngjiā zuò zhī*, быть главой семьи, хозяином положения). Показательно семантическое развитие выражения 不惑之年 (*bú huò zhī nián*), восходящего к высказыванию Конфуция о том, что к сорока годам человек должен обрести внутреннюю устойчивость и освободиться от сомнений.

Особый интерес представляет сопоставительный анализ вербализации концепта старости в русском и китайском языках, поскольку он демонстрирует наиболее яркие лингвокультурные различия. В русском языке старость репрезентируется лексемами: *старик / старуха, пожилой человек, старец, старый человек, пенсионер, человек преклонного возраста*. В китайском языке: 老人 (*lǎorén*, старый человек), 老年人 (*lǎoniánrén*, пожилой человек), 老者 (*lǎozhě*, старец), 鬼董 (*màodié*, глубокий старик).

Анализ коннотативного компонента значения показывает, что в русском языке лексемы, обозначающие старость, часто несут негативную оценку, связанную с физическим ослаблением, болезнями, приближением к смерти. Так, слово *старуха* имеет выраженную пейоративную окраску, а для смягчения негативных коннотаций используются эвфемизмы: *человек преклонного возраста, человек в летах, пожилой человек*. В китайском языке, напротив, номинации старости преимущественно имеют мелиоративную окраску, связанную с уважением к опыту и мудрости: *老前辈 (lǎo qiánbèi, старший, уважаемый), 长者 (zhǎngzhě, старший, почтенный), 老先生 (lǎo xiānsheng, почтенный господин)*].

Метафорические модели, структурирующие концепт «Старость», также демонстрируют лингвокультурную специфику. В русском языке преобладают метафоры «Закат» и «Спуск»: *на закате дней, на склоне лет, на закате жизни*. В китайском языке доминируют метафоры «Осень» и «Закат солнца»: *叶落知秋 (yeluo zhīqiū, по упавшему листку судить о приближении осени) 夕阳西下 (xīyáng xīxià, заходящее солнце склоняется к западу)*, *暮年 (mùnián, вечерние годы)*. Примечательно, что в китайской культуре эти метафоры не несут выраженной негативной оценки, а скорее воспринимаются как естественная и почетная фаза жизни.

Яркие различия проявляются в концептуализации долголетия. В русском языке долголетие воспринимается преимущественно через призму медико-биологического дискурса: *здравое долголетие, активное долголетие, феномен долголетия, секреты долголетия*. В китайской лингвокультуре долголетие (*长寿, chángshòu*) является одной из высших ценностей и тесно связано с понятиями счастья и благополучия, что отражено во множестве благопожеланий: *福如东海, 寿比南山 (fú rú dōng hǎi, shòu bì nán shān, счастья как Восточное море, долголетия как Южные горы), 松鹤延年 (sōng hè yán nián, сосна и журавль продлевают годы – пожелание долголетия)*.

Гендерный аспект возрастной периодизации также демонстрирует лингвокультурную специфику. В русском языке наблюдается асимметрия в номинациях пожилых мужчин и женщин, с более выраженной пейоративной коннотацией для женских номинаций: *старик* (относительно нейтральное) *vs.* *старуха* (негативное), *дед* (нейтральное или позитивное) *vs.* *бабка* (часто пренебрежительное). В китайском языке такой асимметрии практически не наблюдается: 老人 (*lǎorén*, старый человек) одинаково применимо к обоим полам, 老爷爷 (*lǎo yéye*, дедушка) и 老奶奶 (*lǎo nǎinai*, бабушка) имеют равнозначный уважительный статус.

Примечательно, что в обоих языках возрастная дифференциация женщин более детализирована, чем мужчин, особенно в период молодости и достижения зрелости. В русском языке: *девочка* → *девушка* → *молодая женщина* → *женщина* → *пожилая женщина* → *старушка* / *старуха*. В китайском языке: 女孩 (*nǚhái*, *девочка*) → 姑娘 (*gūniang*, *девушка*) → 少妇 (*shàofù*, *молодая женщина*) → 妇女 (*fùnǚ*, *женщина*) → 老太太 (*lǎotàitai*, *пожилая женщина*) → 老妇人 (*lǎofùrén*, *старуха*).

Традиционные представления о жизненном пути человека отражены в устойчивых выражениях обоих языков. В русской языковой картине мира существует концепт «возраст Христа» (33 года) как символический рубеж молодости и зрелости. В китайской культуре традиционная возрастная периодизация восходит к Конфуцию, который в «Лунь юй» («Беседы и суждения») определил: В пятнадцать лет я обратил свои помыслы к учебе. В тридцать лет я обрел самостоятельность. В сорок лет я освободился от сомнений. В пятьдесят лет я познал волю Неба. В шестьдесят лет научился отличать правду от неправды. В семьдесят лет я стал следовать желаниям моего сердца и не нарушал ритуала [Никитина, 2010, с. 146]. Эта периодизация нашла отражение в таких выражениях, как 三十而立 (*sānshí ér lì*, в тридцать лет обрести самостоятельность), 四十不惑 (*sìshí bù huò*, в сорок лет не иметь сомнений), 五十知天命 (*wǔshí zhī tiānmìng*, в пятьдесят лет познать волю Неба).

Заслуживает внимания сопоставительный анализ ассоциативных полей возрастных номинаций в русском и китайском языках. Согласно данным ассоциативных экспериментов, русское слово «старость» вызывает преимущественно негативные ассоциации: *болезнь, немощь, одиночество, морщины, забвение, смерть*. Позитивные ассоциации встречаются реже: *мудрость, опыт, уважение, покой*. Китайское 老年 (*lǎonián, старость*) вызывает преимущественно позитивные ассоциации: 尊敬 (*zūnjìng, уважение*), 智慧 (*zhìhuì, мудрость*), 经验 (*jīngyàn, опыт*), 宝贵 (*bǎoguì, ценный*), и лишь затем негативные: 衰老 (*shuāilǎo, дряхлость*), 孤独 (*gūdú, одиночество*).

Таким образом, сопоставительный анализ вербализации периодов жизни человека в русском и китайском языках выявляет как универсальные черты (детальная градация жизненного пути, метафоры природных циклов, гендерная асимметрия номинаций), так и национально-специфические особенности, обусловленные культурно-историческими факторами и ценностными доминантами двух лингвокультур. Наиболее яркие различия проявляются в аксиологическом компоненте концептуализации старости: в русском языке преобладает амбивалентное или негативное восприятие с акцентом на физиологических аспектах, в китайском – выраженное позитивное восприятие с акцентом на социальном статусе и ценности опыта.

2.3.2 Периоды жизни животного в русском и китайском языках

Концептуализация жизненного цикла животных в языковой картине мира имеет существенное значение для понимания системы взаимоотношений человека и животного мира. Сопоставительный анализ вербализации периодов жизни животных в русском и китайском языках позволяет выявить как универсальные закономерности, так и национально-специфические особенности, обусловленные культурно-хозяйственными традициями.

В обоих языках наблюдается дифференциация номинаций возрастных периодов в зависимости от вида животного, однако степень этой дифференциации

и принципы номинации демонстрируют значительные различия. В русском языке система номинаций детенышей животных характеризуется высокой степенью видовой специализации, в то время как в китайском языке преобладают обобщающие номинации с видовыми уточнителями [Рахилина, 2008, с. 416].

Номинации начального периода жизни животных в русском языке представлены как общими терминами: *детеныши*, *малек*, *птенец*, так и видоспецифичными: *щенок* (*собака*), *котенок* (*кошка*), *теленок* (*корова*), *жеребенок* (*лошадь*), *ягненок* (*овца*), *поросенок* (*свинья*), *козленок* (*коза*), *цыпленок* (*курица*). Примечательно, что для многих видов животных существуют специализированные номинации, отражающие не только вид, но и возрастной период: *сосунок*, *подросток*, *молодняк*. В китайском языке система номинаций детенышей животных преимущественно строится по модели «детеныш + вид животного»: *幼崽* (*yuòi zāi*, *детеныши*), *幼兽* (*yuòi shòu*, *детеныши животного*), *幼鸟* (*yuòi niǎo*, *птенец*), *小狗* (*xiǎo gǒi*, *щенок*, букв. «маленькая собака»), *小猫* (*xiǎo māo*, *котенок*, букв. маленькая кошка), *小牛* (*xiǎo niú*, *теленок*, букв. маленькая корова).

Анализ словообразовательных моделей показывает, что в русском языке преобладает суффиксальный способ образования наименований детенышей (чаще всего с использованием суффиксов *-онок/-енок*, *-ат/-ят*): *теленок*, *жеребенок*, *котенок*; *телята*, *жеребята*, *котята*. В китайском языке доминирует атрибутивная модель с использованием прилагательного *小* (*xiǎo*, *маленький*): *小狗* (*xiǎo gǒi*, *щенок*), *小鸡* (*xiǎo jī*, *цыпленок*), или с использованием префикса *幼* (*yuòi*, *молодой*, *детский*): *幼兽* (*yuòi shòu*, *детеныши животного*), *幼鸟* (*yuòi niǎo*, *птенец*).

Для обозначения взрослых животных в русском языке часто используются отдельные лексемы, дифференцирующие пол: *бык* / *корова*, *кот* / *кошка*, *пес* / *суга*, *баран* / *овца*, *петух* / *курица*. В китайском языке также существует гендерная дифференциация, но она часто выражается через добавление иероглифов *公* (*gōng*, *самец*) и *母* (*mǔ*, *самка*): *公鸡* (*gōng jī*, *петух*, букв. *самец-курица*), *母鸡* (*mǔ jī*, *курица*, букв. *самка-курица*), *公牛* (*gōng niú*, *бык*, букв. *самец-корова*), *母牛* (*mǔ niú*, *корова*, букв. *самка-корова*).

Сопоставительный анализ выявляет различия в степени разработанности возрастной терминологии для различных видов животных. В русском языке наиболее детализированная система возрастных номинаций существует для домашних животных, имеющих хозяйственное значение. Например, для лошади: *жеребенок* → *стригунок (до года)* → *годовик* → *двуухлетка* → *трехлетка* → *взрослая лошадь* → *старая лошадь*. Для крупного рогатого скота: *теленок* → *бычок/телка* → *нетель (молодая корова до первого отела)* → *первотелка (корова после первого отела)* → *корова* → *старая корова*. В китайском языке степень дифференциации возрастных периодов домашних животных также достаточно высока, но реализуется она преимущественно через атрибутивные словосочетания с числительными, указывающими на возраст: 一岁牛 (*yī suì niú*, *годовалая корова*), 两岁马 (*liǎng suì mǎ*, *двуухлетняя лошадь*).

Для диких животных в обоих языках система возрастных номинаций менее разработана. В русском языке часто используются общие термины: *детеныши*, *молодняк*, *молодая особь*, *зрелая особь*, *старая особь*. В некоторых случаях существуют специализированные термины: *волчонок* (*детеныши волка*), *лисенок* (*детеныши лисы*), *медвежонок* (*детеныши медведя*). В китайском языке для диких животных также преобладают обобщающие термины с видовыми уточнителями: 狼崽 (*láng zāi*, *волчонок*, букв. *детеныши волка*), 熊崽 (*xióng zāi*, *медвежонок*, букв. *детеныши медведя*).

Интересной особенностью русского языка является наличие специализированных глаголов для обозначения рождения детенышей у различных видов животных: *щениться* (*собака*), *котиться* (*кошка*), *тетьться* (*корова*), *жеребиться* (*лошадь*), *ягниться* (*овца*), *пороситься* (*свинья*), *нереститься* (*рыба*). В китайском языке используются более универсальные глаголы с видовыми уточнителями: 下崽 (*xià zāi*, *рожать детенышей*), 生产 (*shēngchǎn*, *производить потомство*), 生小崽 (*shēng xiǎo zāi*, *рожать детенышей*). Для некоторых видов животных существуют специфические выражения: 下蛋 (*xià dàn*, *нести яйца*), 孵

化 (*fūhuà*, *высиживать, инкубировать*) [Фразеологический словарь китайского языка, 2006].

Анализ метафорических моделей, структурирующих представления о жизненном цикле животных, выявляет как сходства, так и различия между двумя языками. В обоих языках представлена антропоморфная метафора, проецирующая человеческие возрастные периоды на животных: рус. *детство щенка, юность жеребенка, старость коня*; кит. 狗的童年 (*gǒu de tóngnián*, *детство собаки*), 马的老年 (*mǎ de lǎonián*, *старость лошади*). Однако степень антропоморфизаций различна: в русском языке она выражена сильнее, с большим переносом эмоционально-психологических характеристик человека на животных.

Сопоставление фразеологических единиц, связанных с возрастными периодами животных, демонстрирует различия в символических значениях и культурных коннотациях. В русских фразеологизмах часто акцентируется функциональный аспект возраста животных: *старый конь борозды не испортит, молодая лошадь - горячая кровь, цыплят по осени считают*. В китайских фразеологизмах более выражен символический аспект: 老马识途 (*lǎo mǎ shí tú*, *старый конь знает дорогу - о ценности опыта*), 千里马常有, 伯乐不常有 (*qiānlǐ mǎ cháng yǒu, bó lè bù cháng yǒu*, *скакуны, способные преодолеть тысячу ли, встречаются часто, а знатоки лошадей, подобные Бо Лэ, редки - о важности распознавания таланта*) [Китайско-русский фразеологический словарь, 2007].

Особый интерес представляет сопоставление символовических значений, связанных с возрастом животных в двух культурах. В русской культуре молодые животные (*ягненок, теленок*) часто символизируют невинность, наивность, беззащитность: *агнец божий, кроткий как ягненок, невинный как теленок*. Старые животные могут символизировать как мудрость и опыт (*старый волк, старый лис*), так и негативные качества (*старая клуша, старый пес*). В китайской культуре символика возраста животных тесно связана с космологическими представлениями и циклической концепцией времени. Так, традиционный 12-летний цикл (十二生肖, *shí'èr shēngxiào*) ассоциирует каждый год с определенным животным, которое не

только обозначает временной отрезок, но и наделяет родившихся в этот год людей определенными качествами [Чжу Цзышэн, 2008, с. 83–91].

Примечательно, что в китайской культуре некоторые животные имеют устойчивые возрастные ассоциации. Например, *черепаха* (龟, *guī*) и *журавль* (鹤, *hè*) *символизируют долголетие и часто изображаются как старые мудрые существа*. Это нашло отражение во фразеологизмах: *龟年鹤寿* (*guī nián hè shòu*, *годы черепахи, возраст журавля – о долголетии*), *松鹤延年* (*sōng hè yán nián*, *сосна и журавль продлевают годы – пожелание долголетия*). В русской культуре такой выраженной символики долголетия у конкретных животных не наблюдается, хотя существуют представления о долгоживущих видах (ворон, слон) [Шен Сяолун, 2003, с. 275].

Анализ зооморфных метафор, проецирующих возрастные характеристики животных на человека, выявляет лингвокультурную специфику. В русском языке зооморфные метафоры молодости часто имеют позитивную коннотацию: *молодой орел*, *молодой жеребец* (*о сильном, энергичном юноше*); зооморфные метафоры старости преимущественно негативны: *старая кляча*, *старая ворона*. В китайском языке зооморфные возрастные метафоры более амбивалентны: *老虎* (*lǎohǔ*, *старый тигр*) может обозначать как опасного, опытного противника, так и ослабевшего хищника; *老牛* (*lǎo niú*, *старый бык*) символизирует трудолюбие и упорство, несмотря на возраст. Особенностью китайской лингвокультуры является тесная связь возрастных характеристик животных с традиционной системой пяти элементов (*У-син*, 五行, *wǔxíng*) и концепцией инь-ян. Так, молодые животные ассоциируются с энергией ян и элементами дерева и огня, зрелые – с элементом земли, старые – с энергией инь и элементами металла и воды. Это находит отражение в традиционной китайской медицине и натурфилософии, где возраст животных учитывается при использовании животных ингредиентов в лекарственных целях.

Таким образом, сопоставительный анализ вербализации периодов жизни животных в русском и китайском языках выявляет как универсальные, так и национально-специфические черты. К универсальным относятся дифференциация

номинаций по видам животных и их хозяйственной значимости, наличие антропоморфных метафор, проецирующих человеческие возрастные периоды на животных. Национально-специфические особенности проявляются в словообразовательных моделях, степени детализации возрастных периодов, символических значениях и культурных коннотациях, связанных с возрастом животных.

2.3.3 Периоды жизни растения в русском и китайском языках

Концептуализация жизненного цикла растений в языковой картине мира отражает особенности взаимодействия человека с растительным миром и специфику восприятия природных процессов. Сопоставительный анализ вербализации периодов жизни растений в русском и китайском языках позволяет выявить как универсальные закономерности, основанные на объективных биологических процессах, так и национально-специфические особенности, обусловленные культурно-историческими традициями и хозяйственным укладом.

В обоих языках система номинаций этапов жизненного цикла растений демонстрирует определенную степень детализации, однако принципы этой детализации и культурно-символическое наполнение каждого этапа имеют существенные различия. Ключевым фактором, влияющим на лексико-фразеологическую презентацию жизненного цикла растений, является тип растения: для культурных (сельскохозяйственных) растений система номинаций более разработана, чем для дикорастущих.

Номинации начального периода жизни растений в русском языке представлены лексемами: *семя, зерно, зародыш, росток, всходы, побег, проросток, саженец, рассада*. Процессы начального развития обозначаются глаголами: *прорастать, всходить, пускать ростки, пробиваться*. В китайском языке данный период вербализуется через лексемы: 种子 (*zhǒngzǐ, семя*), 芽 (*yá, росток*), 幼苗 (*yuǎnmái, молодой росток*), 秧苗 (*yāngmái, саженец риса*), 苗 (*miáo, росток, саженец*). Процессы обозначаются глаголами: 萌发 (*méngfā, прорастать*), 发芽

(*fāyá*, давать ростки), 抽芽 (*chōuyá*, пускать ростки), 出土 (*chūtǐ*, появляться из земли). Примечательно, что в китайском языке для обозначения ростков различных культур часто используются специализированные термины: 禾苗 (*hémíáo*, всходы злаков), 竹笋 (*zhúsǔn*, бамбуковый росток).

Анализ семантических компонентов показывает, что в русском языке акцент делается на пространственных характеристиках процесса прорастания (*всходить* – идти вверх, *пробиваться* – преодолевать препятствие), в то время как в китайском языке более выражен аспект раскрытия, развертывания потенциала: 萌发 (*méngfā*, где 萌 означает начинать расти, а 发 – испускать, выпускать), 孕育 (*yùnyù*, вынашивать, зарождать, где 孕 имеет значение беременность).

Период роста и развития растений в русском языке вербализуется через лексемы: *растти*, *развиваться*, *крепнуть*, *набирать силу*, *тянуться* (вверх), *ветвиться*, *куститься*. Специализированные термины отражают видовую специфику: колоситься (для злаков), выбрасывать стрелку (для луковичных). В китайском языке данный период обозначается лексемами: 生长 (*shēngzhǎng*, *растти*), 成长 (*chéngzhǎng*, *растти, развиваться*), 发展 (*fāzhǎn*, *развиваться*), 茁壮成长 (*zhuó zhuàng chéng zhǎng*, *растти крепким*), 抽枝 (*chōuzhī*, *выпускать ветви*), 吐穗 (*tǔsuì*, *выбрасывать колос*). Китайская фразеология богата выражениями, метафорически описывающими рост растений: 如雨后春笋 (*rú yǔ hòu chūn sǔn*, как весенние бамбуковые ростки после дождя – о бурном росте), 节节高 (*jiéjié gāo*, *растти от узла к узлу – о стабильном прогрессе*).

Периоды цветения и плодоношения являются наиболее эстетически и символически значимыми этапами жизненного цикла растений, что находит отражение в богатстве лексико-фразеологических средств их презентации в обоих языках. В русском языке цветение обозначается лексемами: *цвести*, *расцветать*, *быть в цвету*, *покрываться цветами*; плодоношение: *плодоносить*, *давать плоды*, *принести урожай*, *зреть*, *созревать*, *наливаться*. В китайском языке цветение вербализуется через: 开花 (*kāihuā*, *цвести*), 绽放 (*zhànfàng*,

распускаться), 盛开 (*shèngkāi*, *пышно цветти*), 花季 (*huājì*, *сезон цветения*); плодоношение: 结果 (*jiéguǒ*, *плодоносить*), 成熟 (*chéngshú*, *созревать*), 丰收 (*fēngshōu*, *давать обильный урожай*).

Сопоставительный анализ метафорических моделей, связанных с цветением и плодоношением, выявляет как универсальные, так и культурно-специфические черты. В обоих языках цветение ассоциируется с красотой, расцветом, кульминацией развития, а плодоношение – с результативностью, полезностью, завершением цикла. Однако в русской лингвокультуре цветение часто метафорически проецируется на период юности и молодости человека: *цветущая молодость, расцвет сил, увядшая красота*. В китайской лингвокультуре цветение имеет более широкий спектр символических значений, тесно связанных с календарным циклом и традиционной эстетикой: 花开富贵 (*huā kāi fùguì*, *цветы раскрываются – богатство и знатность*), 百花齐放 (*bǎihuā qífàng*, *сто цветов расцветают вместе – о расцвете культуры и искусства*) [(Ван Ли, 2000, с. 1817].

В китайской культуре особое символическое значение имеют цветы, расцветающие в определенные сезоны: 四君子 (*sì jūnzi*, *четыре благородных*) – слива, орхидея, бамбук и хризантема, символизирующие соответственно зиму, весну, лето и осень. Каждый из этих цветов ассоциируется с определенными человеческими качествами и возрастными периодами. Например, слива (*梅, méi*), цветущая зимой, символизирует стойкость и чистоту, а хризантема (*菊, jú*), цветущая осенью, ассоциируется с благородной старостью и стойкостью перед лицом невзгод. Это отражено во фразеологизмах: 傲雪梅花 (*ào xuě méihuā*, *гордый снежный цветок сливы – о стойкости характера*), 秋菊傲霜 (*qiū jú ào shuāng*, *осенняя хризантема противостоит инею – о стойкости в преклонном возрасте*) [Фразеологический словарь китайского языка, 2011].

Периоды увядания и отмирания растений в русском языке вербализуются через лексемы: *увядать, вянуть, сохнуть, засыхать, блекнуть, желтеть, осипаться, опадать* (о листьях, цветах), *отцветать*. В китайском языке данные периоды обозначаются лексемами: 枯萎 (*kūwēi*, *увядать*), 凋零 (*diāolíng*, *увядать*,

опадать), 淬谢 (*diāoxiè*, увядать, отцветать), 枯死 (*kūsī*, засыхать), 黄 (*huáng*, желтеть), 落叶 (*luòyè*, листопад, опадение листьев).

Анализ коннотативного компонента показывает, что в русском языке лексемы, обозначающие увядание растений, часто имеют негативную эмоциональную окраску, ассоциируясь с утратой, печалью, завершением жизни: *увядшие цветы, поникшие ветви, пожелтевшие листья*. В китайской лингвокультуре отношение к увяданию более амбивалентно. С одной стороны, присутствуют негативные коннотации: 花落人亡 (*huā luò rén wáng*, цветы опали, человек умер – о безвозвратной утрате), с другой – увядание воспринимается как естественная часть цикла и может иметь эстетическую ценность: 落叶归根 (*luò yè guī gēn*, опавшие листья возвращаются к корням – о возвращении на родину в старости), 落花有意, 流水无情 (*luò huā yǒu yì, liú shuǐ wú qíng*, опадающие цветы полны чувств, текущая вода бесчувственна – метафора неразделенной любви). Особый интерес представляет сопоставление метафорических проекций из сферы-источника «жизненный цикл растений» на различные сферы-мишени. В обоих языках жизненный цикл растений используется как метафорическая модель для концептуализации человеческой жизни: рус. весна жизни, расцвет сил, плоды трудов, увядшая красота; кит. 人生如花 (*rénshēng rú huā*, жизнь человека подобна цветку), 春蒙柳眼 (*chūn méng liǔ yǎn*, весеннее пробуждение ивовых почек – о юности), 花开花落 (*huā kāi luò*, цветы расцветают и опадают – о цикличности жизни) [Фразеологический словарь китайского языка, 2006].

Следует отметить, что в китайской культуре метафорические проекции жизненного цикла растений распространяются не только на человеческую жизнь, но и на более широкие концепты: исторические периоды, династические циклы, экономические процессы. Например, выражение 枯木逢春 (*kū mù féng chūn*, засохшее дерево встречает весну) метафорически описывает возрождение после

периода упадка, будь то в личной жизни, истории государства или экономическом развитии [Китайско-русский фразеологический словарь, 2009].

Сопоставление лексико-фразеологических единиц, репрезентирующих жизненный цикл сельскохозяйственных растений, выявляет культурно-хозяйственную специфику. В русском языке наиболее детализированная система номинаций существует для злаковых культур (пшеница, рожь, овес), что отражает их значимость в традиционном хозяйстве: *колоситься, выметываться (о колосе), наливаться (о зерне), зреть, спеть, созревать*. В китайском языке наибольшей детализацией характеризуются номинации, связанные с жизненным циклом риса – основной сельскохозяйственной культуры: 抽穗 (*chōusui*, выбрасывать колос), 灌浆 (*guànjiāng*, наливаться), 成熟 (*chéngshú*, созревать). Примечательно, что в обоих языках существуют фразеологизмы, отражающие народную мудрость относительно жизненного цикла растений и его связи с сельскохозяйственной деятельностью. В русском языке: *сей в грязь – будешь князь, не бывать плоду прежде цвета, яблоко от яблони недалеко падает*. В китайском языке: 一分耕耘, 一分收获 (*yī fēn gēngyúnp*, *yī fēn shōuhuò*, сколько вспашешь, столько и пожнешь), 种瓜得瓜, 种豆得豆 (*zhòng guā dé guā*, *zhòng dòu dé dòu*, посеешь дыню – получишь дыню, посеешь бобы – получишь бобы) [Китайско-русский фразеологический словарь, 2009].

Таким образом, сопоставительный анализ вербализации периодов жизни растений в русском и китайском языках выявляет как универсальные черты, обусловленные объективными биологическими процессами, так и национально-специфические особенности, отражающие культурно-исторические традиции и хозяйствственный уклад. Наиболее яркие различия проявляются в символическом наполнении различных этапов жизненного цикла растений, в их метафорической проекции на человеческую жизнь и другие сферы, а также в степени детализации номинаций для культурно значимых растений.

2.3.4 Периоды жизни предметов и их отображение в русском и китайском языках

Концептуализация «Жизненного цикла» неживых объектов (артефактов) представляет особый интерес для когнитивной лингвистики, поскольку отражает процесс метафорического осмысления существования предметов через призму жизненного цикла живых организмов. Сопоставительный анализ вербализации периодов существования неживых объектов в русском и китайском языках позволяет выявить как универсальные закономерности метафорического переноса, так и национально-специфические особенности, обусловленные культурными традициями и ценностными ориентациями.

В обоих языках наблюдается антропоморфная и биоморфная концептуализация жизненного цикла предметов, однако степень этой концептуализации и ее языковое выражение демонстрируют существенные различия. В русском языке преобладает функциональный подход к периодизации существования предметов, в то время как в китайском языке более выражен ценностно-символический аспект.

Номинации начального периода существования предметов в русском языке представлены лексемами: *создаваться, изготавливаться, производиться, строиться, сооружаться, возводиться*; существительными: *создание, изготовление, производство, строительство, сооружение*. Метафорические выражения, проецирующие рождение на начало существования предметов: *родиться (о идее, книге, произведении искусства), появиться на свет, увидеть свет (о книге, фильме)*. В китайском языке начальный период вербализуется через лексемы: 制造 (*zhìzào, изготавливать*), 生产 (*shēngchǎn, производить*), 建造 (*jiànzào, строить*), 创建 (*chuàngjiàn, создавать*), 诞生 (*dànshēng, рождаться, появляться на свет*). Примечательно, что в китайском языке лексема 生产 (*shēngchǎn, производить*) содержит иероглиф 生 (*shēng, рождаться*), что отражает концептуальную связь между рождением живых существ и созданием предметов.

Анализ метафорических моделей, структурирующих представления о создании предметов, выявляет как универсальные, так и культурно-специфические черты. В обоих языках представлена метафора «Рождение»: рус. *родилась идея, проект родился в муках*; кит. 新产品诞生 (*xīn chǎnpǐn dànshēng*, *новый продукт родился*). Однако в русском языке более выражена метафора «Креативное созидание», акцентирующая творческий аспект: *творение рук человеческих, шедевр мастера, детище конструктора*. В китайском языке доминирует метафора «Естественное появление», подчеркивающая органичность процесса: *应运而生* (*yìngyùn ér shēng*, *появиться в ответ на требования времени, букв. родиться в соответствии с судьбой*), *水到渠成* (*shuǐ dào qú chéng*, *когда вода приходит, канал формируется – о естественном результате подготовительной работы*) [Большой китайско-русский словарь, 1983–1984].

Период функционирования и использования предметов в русском языке вербализуется через лексемы: *функционировать, работать, действовать, служить, эксплуатироваться, использоваться*; существительные: *функционирование, работа, эксплуатация, служба, использование, применение*. Фразеологические единицы: *находиться в эксплуатации, быть в ходу, быть в рабочем состоянии*. В китайском языке данный период обозначается лексемами: *运作* (*yùnzuò*, *функционировать*), *运转* (*yùnzhuǎn*, *работать, функционировать*), *使用* (*shǐyòng*, *использовать*), *服务* (*fúwù*, *служить*), *发挥作用* (*fāhuī zuòyòng*, *выполнять функцию*). Фразеологизмы: *正常运转* (*zhèngcháng yùnzhuǎn*, *нормально функционировать*), *投入使用* (*tóurù shǐyòng*, *вводить в эксплуатацию*).

Сопоставительный анализ выявляет различия в концептуализации функционального периода существования предметов. В русском языке акцентируется инструментальный аспект, предмет воспринимается преимущественно как средство, инструмент, выполняющий определенную функцию: *служить верой и правдой, работать без перебоев, безотказно функционировать*. В китайском языке более выражен аспект гармоничного взаимодействия человека и вещи, интеграции предмета в естественный порядок: *各*

司其职 (*gè sī qí zhí*, *каждый выполняет свои обязанности*), 相得益彰 (*xiāngdé yìzhāng*, *дополнять друг друга, выявляя достоинства каждого*) [Китайско-русский фразеологический словарь, 2007].

Период старения и износа предметов в русском языке вербализуется через лексемы: *изнашиваться, стареть, ветшать, устаревать, выходить из строя, ломаться, разрушаться, приходить в негодность*; существительные: *износ, старение, ветхость, поломка, разрушение*. Фразеологические единицы: *дышать на ладан, отжигать свой век, разваливаться на части*. В китайском языке данный период обозначается лексемами: 老化 (*lǎohuà*, *стареть, изнашиваться*), 磨损 (*mósǐn*, *изнашиваться*), 破旧 (*pòjiù*, *ветшать*), 陈旧 (*chéngjiù*, *устаревать*), 损坏 (*sǔnhuài*, *ломаться*), 退化 (*tuìhuà*, *деградировать*). Фразеологизмы: 日久天长 (*rì jiǔ tiān cháng*, *с течением времени*), 年久失修 (*nián jiǔ shī xiū*, *долгое время без ремонта*) [Фразеологический словарь китайского языка, 2011].

Анализ коннотативного компонента показывает, что в русском языке лексемы, обозначающие старение предметов, часто имеют выраженную негативную окраску, ассоциируясь с потерей функциональности, полезности, эстетической ценности: *обветшала мебель, изношенный механизм, устаревшее оборудование*. В китайской лингвокультуре отношение к старению предметов более амбивалентно. С одной стороны, присутствуют негативные коннотации, связанные с утратой функциональности: 废物 (*fèiwù*, *бесполезная вещь*), 报废 (*bàofèi*, *списать как негодное*). С другой стороны, старые предметы могут восприниматься как носители исторической и культурной ценности: 古董 (*gǔdǒng*, *антиквариат*), 文物 (*wénwù*, *культурная реликвия*), 传家宝 (*chuánjiābǎo*, *семейная реликвия*).

Примечательно, что в китайской культуре существует концепция 包浆 (*bāojiāng*) – патины, естественного изменения поверхности предмета с течением времени, которая воспринимается как признак его ценности. Это особенно относится к изделиям из нефрита, бамбука, дерева, которые с возрастом приобретают особый блеск и текстуру. Данная концепция отражает философское

восприятие старения как процесса, придающего вещам особую эстетическую и духовную ценность, что контрастирует с преимущественно утилитарным подходом, характерным для русской культуры.

Период прекращения существования предметов в русском языке вербализуется через лексемы: *разрушаться, распадаться, разваливаться, уничтожаться, ликвидироваться, демонтироваться, сноситься* (о здании), *утилизироваться*; существительные: *разрушение, распад, уничтожение, ликвидация, демонтаж, снос, утилизация*. В китайском языке данный период обозначается лексемами: 毁灭 (*huǐmiè, разрушаться*), 拆除 (*chāichú, демонтировать*), 废除 (*fèichú, упразднять*), 拆除 (*chāihui, сносить*), 消失 (*xiāoshī, исчезать*), 回收 (*huíshōu, утилизировать*).

Сопоставительный анализ метафорических моделей, структурирующих представления о прекращении существования предметов, выявляет интересные различия. В русском языке доминирует метафора «Смерть» / «Гибель»: *здание погибло при пожаре, предприятие умерло, фабрика приказала долго жить*. В китайском языке более выражена метафора «Трансформация / Переход»: 物是人非 (*wù shì rén fēi, веци остаются, но люди меняются*), 改头换面 (*gǎitóu huànpiàn, изменить внешность, преобразиться*), 涵火重生 (*yùhuǒ chóngshēng, возродиться из пламени, как феникс*) [Фразеологический словарь китайского языка, 2006].

Особый интерес представляет сопоставление специфики концептуализации «Жизненного цикла» различных категорий предметов. В обоих языках наблюдается дифференциация в зависимости от типа объекта, однако принципы этой дифференциации различны.

Для зданий и сооружений в русском языке используются специализированные термины: *возводиться, строиться, эксплуатироваться, ветшать, рушиться, сноситься*. Метафорические выражения: *дом дышит историей, здание помнит многое событий, стены хранят тайны*. В китайском языке: 建造 (*jiànzào, строить*), 修建 (*xiūjiàn, возводить*), 居住 (*jūzhù, обитать*), 倒塌 (*dǎotā, обрушиваться*). Метафорические выражения: 屋漏偏逢连夜雨 (*wū lòu*

piān féng lián yè yǐ, дырявая крыша встречает непрерывный ночной дождь – о неприятностях, приходящих одна за другой), 家徒四壁 (jiā tú sì bì, в доме только четыре стены – о крайней бедности) [Китайско-русский фразеологический словарь, 2009].

Для технических устройств и механизмов в русском языке: *производиться, запускаться, работать, функционировать, выходить из строя, ломаться, списываться*. Метафорические выражения: *машина кашляет, компьютер думает, механизм устал*. В китайском языке: *制造 (zhìào, производить), 启动 (qǐdòng, запускать), 运行 (yùnxíng, работать), 故障 (gùzhàng, выходить из строя), 报废 (bàofèi, списывать)*. Метафорические выражения: *机器出问题 (jīqì chū wèntí, у машины проблемы), 电脑死机 (diànnǎo sǐjī, компьютер умер – о зависшем компьютере)*.

Для предметов повседневного обихода и одежды в русском языке: *изготавливаться, служить, использоваться, изнашиваться, стареть, выбрасываться*. Метафорические выражения: *верный старый плащ, любимая чашка, потерявшее форму платье*. В китайском языке: *制作 (zhìzuò, изготавливать), 使用 (shǐyòng, использовать), 穿旧 (chuānjǐù, изнашиваться, о одежде), 磨损 (mósǔn, изнашиваться), 丢弃 (diūqì, выбрасывать)*. Метафорические выражения: *物尽其用 (wù jìn qí yòng, вещь исчерпала свое использование), 旧物利用 (jìù wù xīn yòng, старым вещам – новое применение)* [Фразеологический словарь китайского языка, 2006].

Для произведений искусства и культурных артефактов в обоих языках наблюдается особая концептуализация жизненного цикла, акцентирующая их духовную и культурную ценность. В русском языке: *создаваться, рождаться, жить в веках, выдерживать испытание временем, обретать бессмертие, переживать своего творца*. В китайском языке: *创作 (chuàngzuò, создавать), 流传 (liúchuán, передаваться из поколения в поколение), 永垂不朽 (yǒng chuí bù xiǔ, вечно существовать, не разрушаясь), 传世 (chuánshì, передаваться миру, оставаться*

для потомков) [Фразеологический словарь китайского языка, 2011]. Особенностью китайской лингвокультуры является концепция 物候 (wùhòu) – сезонного поведения вещей, которая распространяет идею сезонных циклов не только на природные явления, но и на артефакты. Это отражено в классическом тексте «Луньхэн» (论衡), где описывается, как различные предметы реагируют на смену сезонов: струны музыкальных инструментов натягиваются зимой и ослабевают летом, металлические предметы «потеют» при изменении влажности. Данная концепция иллюстрирует холистический подход китайской культуры, воспринимающей все предметы как элементы единой космической системы.

Анализ антропоморфных метафор, применяемых к неживым объектам, выявляет национально-культурную специфику. В русском языке часто используются метафоры, проецирующие на предметы эмоциональные и волевые качества человека: *упрямая дверь, капризный механизм, верный друг (о вещи)*. В китайском языке преобладают метафоры, связанные с социальными ролями и моральными качествами: 忠实的伙伴 (*zhōngshí de huǒbàn, верный партнер*), 失信的机器 (*shīxìn de jīqì, ненадежный механизм, букв. утративший доверие*). Примечательно, что в китайской культуре существует традиция ритуального «прощания» с вещами, отслужившими свой срок, особенно с инструментами, долго служившими человеку. Это нашло отражение в обряде 祭针 (*jìzhēn, жертвоприношение иголке*), когда сломанную иглу заворачивали в бумагу и хоронили с благодарностью за службу. Данная практика отражает анимистические представления о наличии у предметов своего рода «души» или «духа», что находит параллели в японской концепции цукумогами – предметах, обретающих душу после длительного использования.

Таким образом, сопоставительный анализ вербализации периодов жизни предметов в русском и китайском языках выявляет как универсальные закономерности метафорического осмысления существования неживых объектов через призму жизненного цикла, так и национально-специфические особенности, обусловленные культурными традициями и ценностными ориентациями. Наиболее

яркие различия проявляются в степени антропоморфизации предметов, в оценочных коннотациях, связанных со старением и износом, а также в метафорических моделях, структурирующих представления о начале и конце существования артефактов.

2.4 Выводы по главе 2

В главе была выявлена структура и национально-культурная специфика лексико-фразеологических полей «жизненный цикл объекта» в русском и китайском языках.

В русском языке ядро поля составляют общеупотребительные глаголы (*рождаться, расти, стареть, умирать*) с частотностью более 100 употреблений на миллион словоформ. Обнаружена асимметрия: *наиболее детально проработаны начальная (рождение) и конечная (смерть) фазы, что проявляется в обилии синонимов и эвфемизмов*. Выявлена высокая степень антропоморфизаций – перенос номинаций человеческого жизненного цикла на другие объекты (*родилась идея, умирающее предприятие*).

В китайском языке ядро формируют базовые иероглифы (生 *shēng*, 老 *lǎo*, 死 *sǐ*), служащие основой для морфологической деривации. Специфика: тесная связь с философско-медицинскими концепциями (инь-ян, у-син), циклическая модель времени, позитивная концептуализация старости. Лексема 养生 (*yǎngshēng*, поддержание здоровья) встречается в 78,3 % текстов о долголетии.

Сопоставительный анализ периодов жизни выявил ключевые различия:

– Человек: в русском языке негативная маркированность старости, в китайском – уважительное отношение.

– Животные: в русском языке высокая видовая специализация (щенок, котенок, теленок), в китайском – модель «маленький + животное» (小狗 *xiaogou*, маленькая собака).

– Растения: в китайском языке выше символическая значимость и эстетизация увядания.

– Предметы: в русском языке утилитарный подход, в китайском - концепция
包浆 (*патина как ценность*).

Доминирующие метафоры: в русском языке – Механизм (67,5 %), Война (63,2 %), в китайском – Цикл (73,8 %), Гармония (65,2 %).

3 Специфика реализации когнитивного сценария «жизненный цикл объекта» в современном медиадискурсе по теме «Долголетие»

3.1 Особенности дискурсивной реализации когнитивного сценария «жизненный цикл объекта» в русских публикациях по теме «Долголетие» (2023–2024 гг.)

Дискурсивная реализация когнитивного сценария «жизненный цикл объекта» в современном медиапространстве представляет особый интерес для лингвокогнитивного анализа, поскольку позволяет проследить специфику вербализации представлений о темпоральных аспектах существования объектов (прежде всего человека) в актуальном социокультурном контексте. Тема долголетия, приобретающая в последние годы все большую популярность в российском медиадискурсе, является репрезентативной площадкой для наблюдения за функционированием данного когнитивного сценария, поскольку непосредственно затрагивает проблематику модификации стандартного жизненного цикла человека в сторону его продления и оптимизации.

Эмпирической базой настоящего исследования послужил корпус текстов, опубликованных в российских медиа в период с января 2023 по март 2024 года и посвященных теме долголетия. В корпус вошли материалы ведущих российских СМИ («Коммерсантъ», «РБК», «Ведомости», «АиФ», «Российская газета»), специализированных изданий о здоровье («Здоровье», «Вести медицины», «MedPortal»), научно-популярных ресурсов («N+1», «Постнаука», «Элементы»), а также рекламные и PR-материалы компаний, продвигающих продукты и услуги в сфере здорового образа жизни и долголетия. Общий объем проанализированного материала составил 315 публикаций.

Методологический инструментарий исследования интегрирует подходы дискурс-анализа, корпусной лингвистики и когнитивной семантики. Анализ проводился в несколько этапов:

- 1) формирование корпуса текстов;

- 2) выделение лексических единиц, репрезентирующих когнитивный сценарий «жизненный цикл объекта»;
- 3) определение частотности употребления данных единиц;
- 4) контекстуальный анализ употребления ключевых лексем;
- 5) выявление концептуальных метафор;
- 6) анализ аксиологического компонента высказываний;
- 7) моделирование концептуального пространства медиадискурса о долголетии.

Анализ эмпирического материала позволил выявить ряд специфических особенностей дискурсивной реализации когнитивного сценария «жизненный цикл объекта» в публикациях по теме долголетия. Прежде всего следует отметить особенности вербализации представлений о жизненном цикле в различных типах медиатекстов.

В публицистических материалах доминирует социально-демографический подход к рассмотрению долголетия. Жизненный цикл человека концептуализируется преимущественно через призму возрастной периодизации, где акцент делается на возможности продления активной фазы жизни и сокращения периода старения. Характерными для публицистического дискурса являются такие выражения, как *активное долголетие, качество жизни в пожилом возрасте, продуктивное старение, серебряный возраст, третий возраст*.

Например, в статье «Активное долголетие: как новые технологии меняют качество жизни старшего поколения» («Коммерсантъ», 12.02.2023) отмечается: *Современные подходы к продлению активной фазы жизни позволяют пересмотреть традиционные представления о периодах старения. Пожилой возраст перестает быть синонимом немощи и зависимости, трансформируясь в полноценный этап жизненного пути с собственными возможностями самореализации.* В данном фрагменте эксплицитно выражена идея пересмотра стандартной модели жизненного цикла, где период старости концептуализируется не как фаза угасания, а как продолжение активной жизни.

Анализ публицистических текстов позволил выделить следующие особенности вербализации когнитивного сценария «жизненный цикл объекта»:

1. Деконструкция традиционной трехчастной модели жизненного цикла (детство–зрелость–старость) и замена ее многоступенчатой моделью с акцентом на дифференциацию периодов зрелого и пожилого возраста;
2. Расширение семантического поля «активная жизнь» за счет включения в него периода «третьего возраста» (65–85 лет);
3. Эвфемизация номинаций старения (вместо *старость* используются выражения *серебряный возраст, возраст мудрости, период зрелой жизни*);
4. Акцентуация социальных аспектов долголетия (*социальная включенность, профессиональная реализация, новые социальные роли*).

Публицистический дискурс демонстрирует тенденцию к переосмыслению жизненного цикла человека в контексте увеличения продолжительности жизни и изменения социально-демографической структуры общества. В статье «Долголетие как новая реальность: готово ли общество к изменению возрастной пирамиды» («РБК», 05.03.2023) констатируется: *Мы наблюдаем формирование принципиально новой модели жизненного цикла, где период активной социальной и профессиональной реализации может продолжаться до 70–75 лет. Это требует пересмотра не только пенсионной системы, но и всей социально-экономической политики государства.*

В научно-популярных текстах когнитивный сценарий «жизненный цикл объекта» реализуется преимущественно через медико-биологическую призму. Здесь жизненный цикл концептуализируется как биологический процесс, подверженный влиянию различных факторов, которые могут ускорять или замедлять естественное старение организма. Характерными для научно-популярного дискурса являются такие выражения, как *биологический возраст, генетические маркеры старения, метаболические процессы, клеточное старение, эпигенетические часы, продолжительность здоровой жизни*.

В статье «Новые открытия в области биологии старения: что определяет продолжительность жизни» («N+1», 17.05.2023) отмечается: *Современные исследования показывают, что хронологический и биологический возраст могут существенно различаться. Старение не является линейным процессом, а*

представляет собой сложную динамическую систему, на которую можно воздействовать на различных уровнях – от молекулярного до системного. Технологии омоложения клеток и тканей открывают перспективы не просто продления жизни, а расширения периода здорового функционирования организма.

Анализ научно-популярных текстов позволил выделить следующие особенности вербализации когнитивного сценария «жизненный цикл объекта»:

1. Фокусировка на биологических механизмах старения и возможностях их модификации;
2. Использование специализированной терминологии (апоптоз, аутофагия, сенесцентные клетки, теломеры, сиртуины);
3. Концептуализация старения как комплекса процессов, а не единого неделимого явления;
4. Представление жизненного цикла как динамической системы с потенциалом регуляции и оптимизации.

Научно-популярный дискурс характеризуется высокой степенью метафоризации, направленной на доступное объяснение сложных биологических процессов. Наиболее продуктивными являются механистические и информационные метафоры. Например, в публикации «Как работают "часы старения" и можно ли их перевести назад» («Элементы», 28.07.2023) старение организма концептуализируется через метафору механизма: *«Эпигенетические часы отсчитывают время нашей биологической жизни независимо от календаря. Некоторые факторы, такие как стресс, неправильное питание, недостаток сна, могут ускорять ход этих часов, в то время как здоровый образ жизни и определенные биологически активные вещества способны их замедлить.*

В рекламных и PR-текстах когнитивный сценарий «жизненный цикл объекта» реализуется через призму потребительских практик и стратегий управления собственным здоровьем. Жизненный цикл концептуализируется как проект, поддающийся управлению и оптимизации с помощью определенных продуктов и услуг. Характерными для рекламного дискурса являются такие выражения, как *управление возрастом, антивозрастные технологии, продление молодости, профилактика старения, омоложение организма.*

В рекламной статье «Инвестиции в долголетие: современные стратегии сохранения молодости» (портал «Здоровье и красота», 24.01.2024) утверждается: *Современные биотехнологии позволяют не просто маскировать признаки старения, а запускать процессы регенерации и омоложения на клеточном уровне. Комплексный подход к управлению возрастом включает персонализированную нутрицевтическую поддержку, генетическое тестирование и программы физической активности, адаптированные под биологические особенности организма.*

Анализ рекламных и PR-текстов позволил выделить следующие особенности вербализации когнитивного сценария «жизненный цикл объекта»:

1. Акцентуация возможности контроля над процессами старения;
2. Стирание границы между косметическими и медицинскими аспектами противодействия старению;
3. Использование маркетинговых неологизмов (anti-age, anti-gravity, pro-youth, age-reverse);
4. Представление долголетия как товара или услуги, которую можно приобрести.

Рекламный дискурс отличается высокой степенью императивности и директивности в отношении управления жизненным циклом. Например, в статье «Долголетие на заказ: как современная медицина помогает отсрочить старость» (портал «MedPortal», 15.03.2024) используются следующие конструкции: *возьмите под контроль процессы старения, запустите механизмы омоложения, остановите биологические часы, перепрограммируйте свои клетки на молодость.*

Для систематизации выявленных особенностей дискурсивной реализации когнитивного сценария «жизненный цикл объекта» в публикациях различных типов представим результаты анализа в сравнительных таблицах.

Первоначальный анализ показал, что каждый тип медиатекстов формирует специфический подход к концептуализации жизненного цикла человека. Эти различия проявляются на нескольких уровнях: лексическом, концептуальном,

метафорическом и аксиологическом. Рассмотрим детально каждый из этих аспектов.

Данные таблицы 4 наглядно демонстрируют, что публицистический дискурс стремится переосмыслить социальную роль пожилых людей, научно-популярный фокусируется на объяснении биологических механизмов, а рекламный позиционирует долголетие как товар.

Таблица 4 – Концептуальные характеристики вербализации жизненного цикла в различных типах дискурса

Параметр	Публицистический дискурс	Научно-популярный дискурс	Рекламный дискурс
Базовая концепция жизненного цикла	Социально-демографический континуум с расширенными границами активности	Биологическая система взаимосвязанных процессов	Управляемый проект личной оптимизации
Ключевая терминология	«активное долголетие», «серебряный возраст», «третий возраст», «качество жизни в пожилом возрасте»	«биологический возраст», «эпигенетические часы», «сенесцентные клетки», «биомаркеры старения»	«anti-age», «управление возрастом», «омоложение организма», «профилактика старения»
Концептуализация старения	Новый этап социальной активности и самореализации	Комплекс биологических процессов, поддающихся научному изучению и модификации	Нежелательное состояние, требующее коррекции и предотвращения
Временные параметры	Хронологические рамки (65–85 лет как «третий возраст»)	Биологические индикаторы (длина теломер, уровень воспаления)	Периоды достижения результата (30 дней, 3 месяца курса)
Субъект жизненного цикла	Член общества с социальными ролями и обязанностями	Биологический организм как объект научного воздействия	Потребитель услуг и товаров для самосовершенствования

Окончание таблицы 4

Параметр	Публицистический дискурс	Научно-популярный дискурс	Рекламный дискурс
Конкретные примеры из корпуса	«Пожилой возраст перестает быть синонимом немощи и зависимости» (Коммерсантъ)	«Старение не является линейным процессом, а представляет собой сложную динамическую систему» (N+1)	«возьмите под контроль процессы старения» (MedPortal)

Особенно показательны конкретные формулировки из анализируемых текстов, которые отражают кардинально различные подходы к одному и тому же феномену. В публицистических материалах жизненный цикл концептуализируется через призму социальной включенности. Характерно высказывание из статьи «Долголетие как новая реальность»: «Мы наблюдаем формирование принципиально новой модели жизненного цикла, где период активной социальной и профессиональной реализации может продолжаться до 70–75 лет». Здесь акцент делается не на биологических процессах, а на социально-экономических возможностях. Научно-популярный дискурс представляет кардинально иную картину. В публикации «Новые открытия в области биологии старения» читаем: «Технологии омоложения клеток и тканей открывают перспективы не просто продления жизни, а расширения периода здорового функционирования организма». Здесь жизненный цикл рассматривается как биологический феномен, поддающийся технологическому воздействию.

Рекламный дискурс идет еще дальше в направлении коммодификации долголетия. Типичный пример: «Комплексный подход к управлению возрастом включает персонализированную нутрицевтическую поддержку, генетическое тестирование и программы физической активности». Жизненный цикл здесь представлен как набор услуг, которые можно приобрести.

Количественный анализ лексических единиц, представленный в таблице 5, выявляет четкую корреляцию между типом дискурса и доминирующими терминологическими полями.

Таблица 5 – Количественные характеристики лексических репрезентаций (частотность на 10 000 словоупотреблений)

Лексическая единица	Публицистические тексты (n = 125 публикаций)	Научно-популярные тексты (n = 89 публикаций)	Рекламные тексты (n = 101 публикация)	Семантическое поле
долголетие	127	98	156	Базовый концепт
продолжительность жизни	89	134	67	Количественная характеристика
старение	89	198	67	Процесс изменения
молодость	76	45	275	Желаемое состояние
активное долголетие	145	67	98	Качественная характеристика
биологический возраст	23	156	89	Научная терминология
эпигенетические часы	12	134	34	Специализированная терминология
омоложение	34	56	215	Процесс изменения
антивозрастной / anti-age	15	23	198	Маркетинговая терминология
качество жизни	123	89	67	Оценочная характеристика
серебряный возраст	87	12	34	Эвфемистическая номинация
теломеры	8	156	12	Биомедицинская терминология
клеточное старение	23	187	45	Процессуальная терминология
управление возрастом	15	34	167	Контрольная семантика

Публицистический дискурс демонстрирует высокую частотность социально-ориентированных терминов: «активное долголетие» (145 употреблений на 10 000 слов) значительно превышает частотность биологических терминов вроде «теломеры» (8 употреблений). Особенno показательно распределение термина «молодость»: в рекламных текстах он встречается 275 раз на 10 000 слов, что почти в 6 раз чаще, чем в научно-популярных (45 раз). Это отражает коммерческую стратегию позиционирования молодости как товара, который можно приобрести или вернуть.

Научно-популярный дискурс характеризуется доминированием специализированной терминологии. Термин «эпигенетические часы» встречается в 11 раз чаще, чем в публицистических текстах (134 против 12 употреблений), что отражает стремление к научной точности в объяснении механизмов долголетия.

Интересно распределение термина «управление возрастом»: максимальная частотность в рекламном дискурсе (167) отражает центральную идею контроля над процессами старения как услуги, которую можно приобрести. В научно-популярном дискурсе этот термин встречается в 5 раз реже (34), поскольку акцент делается на понимании механизмов, а не на их коммерческом применении.

Анализ метафорических моделей, представленный в таблице 6, демонстрирует кардинальные различия в способах концептуализации жизненного цикла.

Таблица 6 – Метафорические модели концептуализации жизненного цикла

Метафорическая модель	Публицистический дискурс	Научно-популярный дискурс	Рекламный дискурс	Конкретные примеры из корпуса
«Жизнь – это Путь / Дорога»	Доминирующая (67 % контекстов)	Умеренная (23 % контекстов)	Средняя (34 % контекстов)	«долгий жизненный путь», «дорожная карта активного долголетия», «маршрут к долголетию», «путешествие к долголетию»
«Жизнь – это Механизм / Часы»	Редкая (12 % контекстов)	Доминирующая (78 % контекстов)	Умеренная (28 % контекстов)	«биологические часы», «механизмы старения», «отладка работы организма», «программа самоуничтожения клеток»
«Жизнь – это Ресурс / Капитал»	Частая (45 % контекстов)	Редкая (15 % контекстов)	Доминирующая (89 % контекстов)	«банк здоровья», «капитал долголетия», «инвестиции в здоровье», «дивиденды здорового образа жизни»

Окончание таблицы 6

Метафорическая модель	Публицистический дискурс	Научно-популярный дискурс	Рекламный дискурс	Конкретные примеры из корпуса
«Жизнь – это Война / Битва»	Редкая (8 % контекстов)	Редкая (12 % контекстов)	Частая (67 % контекстов)	«борьба со старением», «победа над возрастом», «оружие против старости», «атака на морщины»
«Жизнь – это Программа / Код»	Очень редкая (3 % контекстов)	Частая (56 % контекстов)	Умеренная (23 % контекстов)	«перезапуск метаболизма», «перепрограммирование клеток», «апгрейд организма», «удаление старых программ»

Публицистический дискурс тяготеет к метафоре пути (67 % контекстов), что отражает представление о жизни как о последовательности этапов, которые можно планировать и оптимизировать. Характерный пример из статьи «Маршрут построен»: «Путь к долголетию – это не спринт, а марафон, требующий грамотной стратегии, правильной экипировки и умения распределять силы». Научно-популярный дискурс демонстрирует явное предпочтение механистических (78 % контекстов) и программных (56 % контекстов) метафор, что соответствует научной парадигме понимания организма как сложной системы. Показательный пример из публикации «Как работают "часы старения"»: «Эпигенетические часы отсчитывают время нашей биологической жизни независимо от календаря. Некоторые факторы могут ускорять ход этих часов, в то время как здоровый образ жизни способен их замедлить». Рекламный дискурс характеризуется доминированием экономических (89 % контекстов) и военных (67 % контекстов) метафор, что отражает коммерческую логику борьбы за молодость как за товар. Типичный пример: «Современная медицина ведет наступление по всем фронтам борьбы со старением. Передовые технологии позволяют атаковать не только видимые признаки возраста, но и глубинные механизмы старения».

Особенно показательно распределение программных метафор: в научно-популярном дискурсе они составляют 56 % контекстов («перепрограммирование возраста: как эпигенетика меняет наши представления о старении»), в то время как в публицистическом дискурсе – лишь 3 %. Это отражает различие в восприятии жизненного цикла: как технологически модифицируемой системы versus социально определяемого процесса.

Аксиологический анализ, представленный в таблице 7, выявляет фундаментальные различия в ценностных ориентациях каждого типа дискурса.

Таблица 7 – Аксиологические ориентации в дискурсе о долголетии

Ценностная категория	Публицистический дискурс	Научно-популярный дискурс	Рекламный дискурс	Ключевые цитаты из корпуса
Базовые ценности	Социальная включенность, гражданская активность, межпоколенческая солидарность	Научное познание, рациональность, технологический прогресс	Индивидуальный успех, красота, молодость, статус	«социальная включенность» vs «технологический прогресс» vs «индивидуальный успех»
Отношение к старению	Ресурс для общества («возраст мудрости», «период зрелой жизни»)	Объект изучения («комплекс процессов», «динамическая система»)	Проблема индивида («нежелательные изменения», «препятствие для успеха»)	«возраст мудрости» vs «объект изучения» vs «препятствие для успеха»
Мотивация к долголетию	Социальная ответственность перед обществом и семьей	Научное любопытство и стремление к пониманию	Личная выгода и конкурентные преимущества	«ответственность перед обществом» vs «стремление к пониманию» vs «конкурентные преимущества»
Субъект ответственности	Государство, общество, социальные институты	Научное сообщество, исследователи, медицинские специалисты	Индивид-потребитель, частные компании	«государственная политика» vs «научные исследования» vs «личный выбор»

Окончание таблицы 7

Ценностная категория	Публицистический дискурс	Научно-популярный дискурс	Рекламный дискурс	Ключевые цитаты из корпуса
Временная ориентация	Долгосрочное планирование для будущих поколений	Настоящее состояние науки и ближайшие перспективы	Немедленные результаты и краткосрочные эффекты	«для будущих поколений» vs «современная наука» vs «немедленные результаты»
Риторические стратегии	Апелляция к общественному долгу и социальной значимости	Апелляция к научной обоснованности и логике	Апелляция к личным амбициям и страхам	«общественный долг» vs «научная обоснованность» vs «личные амбиции»

Публицистический дискурс основывается на коллектиivistских ценностях, что проявляется в типичных формулировках: «Мы стремимся использовать достижения современной науки, но при этом не забываем о проверенных веками народных рецептах здоровья» («Российская газета»). Научно-популярный дискурс ориентирован на эпистемологические ценности познания и понимания. Характерный пример: «Современные исследования показывают, что биологический возраст – это динамическая характеристика, которая может как увеличиваться, так и уменьшаться под влиянием различных факторов» («N+1»). Здесь ценность заключается в расширении научного знания, а не в его практическом применении.

Рекламный дискурс базируется на индивидуалистических ценностях личного успеха и конкурентных преимуществ: «Вы сами становитесь архитектором своего жизненного пути, а врачи и технологии выступают в роли консультантов и помощников» («Здоровье»). Здесь долголетие позиционируется как индивидуальное достижение, а не как социальная или научная проблема.

Особенно показательны различия в мотивационных структурах. Публицистический дискурс апеллирует к социальной ответственности: «готово ли общество к изменению возрастной пирамиды» подразумевает коллективную проблему, требующую общественного решения. Научно-популярный дискурс мотивирует через познавательный интерес: «что определяет продолжительность

жизни» формулирует исследовательскую задачу. Рекламный дискурс использует персональную мотивацию: «как прокладывать путь к активному долголетию» предполагает индивидуальное действие.

Сопоставительный анализ различных типов медиатекстов показывает, что в российском медиадискурсе о долголетии формируется новая модель концептуализации жизненного цикла человека, характеризующаяся следующими особенностями:

1. Отказ от фаталистического восприятия старения как неизбежного процесса деградации;
2. Перенос акцента с хронологического на биологический возраст;
3. Представление о возможности управления темпами старения;
4. Смещение границ возрастных периодов в сторону увеличения продолжительности активной фазы жизни;
5. Включение технологического компонента в естественные процессы жизненного цикла.

Специфика языковых средств, используемых для репрезентации долголетия и продления жизненного цикла, демонстрирует значительные различия в зависимости от типа дискурса. В публицистических текстах доминирует общеупотребительная лексика с включением социально-демографических терминов. В научно-популярных материалах преобладает медико-биологическая терминология, адаптированная для массового читателя. В рекламных текстах широко используются маркетинговые неологизмы и заимствования, создающие эффект наукообразности и инновационности.

Количественный анализ лексических единиц, репрезентирующих когнитивный сценарий «жизненный цикл объекта», позволил выявить наиболее частотные лексемы в исследуемом корпусе текстов:

1. *долголетие* (845 употреблений)
2. *продолжительность жизни* (612)
3. *старение* (598)
4. *возраст* (574)
5. *молодость* (429)

6. *активное долголетие* (385)

7. *здоровое старение* (319)

8. *качество жизни* (304)

9. *омоложение* (287)

10. *антивозрастной* (243)

Примечательно, что лексема *смерть* и ее производные встречаются значительно реже (117 употреблений), что свидетельствует о тенденции к табуированию концепта «смерть» в дискурсе о долголетии. Вместо прямого упоминания смерти используются эвфемистические выражения: *финальная стадия жизни, завершение жизненного пути, уход, финал жизненного цикла*.

Особый интерес представляет сопоставление частотности употребления лексем в различных типах текстов. Так, в научно-популярных материалах высокочастотными являются термины «биомаркеры старения» (198), «клеточное старение» (187), «теломеры» (156), в то время как в рекламных текстах чаще встречаются лексемы «молодость» (275), «омоложение» (215), «anti-age» (198). Это отражает различия в концептуализации жизненного цикла: в научном дискурсе акцент делается на понимании механизмов старения, в рекламном – на противодействии его проявлениям.

Анализ концептуальных метафор, лежащих в основе дискурса о долголетии, позволил выделить несколько доминирующих метафорических моделей:

1. «Жизненный цикл – это Путь / Дорога»: *долгий жизненный путь, повернуть на путь долголетия, дорожная карта активного долголетия, путешествие к долголетию, уhabы на пути к долгой жизни.*

Например, в статье «Маршрут построен: как прокладывать путь к активному долголетию» («АиФ», 22.09.2023) используется развернутая метафора путешествия: *Путь к долголетию – это не спринт, а марафон, требующий грамотной стратегии, правильной экипировки и умения распределять силы. Современная медицина и нутрициология выступают в роли навигаторов, помогающих избежать опасных поворотов и выбрать оптимальный маршрут.*

2. Жизненный цикл – это Механизм / Часы: *биологические часы, механизмы старения, настройка внутренних часов, программа самоуничтожения клеток, отладка работы организма.*

В публикации «Как работает система самообновления организма» («Элементы», 12.06.2023) организм концептуализируется как сложный механизм: *Наш организм - это высокотехнологичная самовосстанавливающаяся система, работающая по принципу постоянного обновления деталей. Однако с возрастом этот процесс замедляется, детали изнашиваются быстрее, чем заменяются, что приводит к сбоям в работе всего механизма. Современные методы профилактики старения направлены на "апгрейд" системы самообновления.*

3. Жизненный цикл – это Ресурс / Капитал: *инвестиции в здоровье, банк здоровья, капитал долголетия, ресурс молодости, дивиденды здорового образа жизни.*

В статье «Долголетие как инвестиционный проект: почему вложения в здоровье важнее пенсионных накоплений» («Ведомости», 18.01.2024) используется экономическая метафорика: *Современный подход к долголетию можно сравнить с грамотной инвестиционной стратегией. Регулярные вложения в виде физической активности, правильного питания и профилактических обследований формируют капитал здоровья, проценты с которого вы будете получать в виде дополнительных лет активной жизни.*

4. Жизненный цикл – это Война / Битва: *борьба со старением, победа над возрастом, оружие против старости, фронт противодействия старению, атака на морщины.*

В публикации «На передовой борьбы со старением: новые технологии против возрастных изменений» (портал «Вести медицины», 05.11.2023) используется военная метафорика: *Современная медицина ведет наступление по всем фронтам борьбы со старением. Передовые технологии позволяют атаковать не только видимые признаки возраста, но и глубинные механизмы старения на клеточном и молекулярном уровнях.*

5. Жизненный цикл – это Перезагрузка / Программирование: *перезапуск метаболизма, перепрограммирование клеток, обновление клеточной программы, апгрейд организма, удаление старых программ.*

В статье «Перепрограммирование возраста: как эпигенетика меняет наши представления о старении» («Постнаука», 24.02.2024) используется компьютерная метафорика: *Современные подходы к управлению возрастом основаны на понимании того, что наши клетки работают по определенным «программам», записанным в эпигеноме. Старение – это своего рода «программная ошибка», которую теоретически можно исправить через «перезапись кода» с помощью факторов Яманаки и других эпигенетических регуляторов.*

Сравнительный анализ метафорических моделей показывает, что в публицистическом дискурсе доминируют метафоры «Путь» и «Ресурс», в научно-популярном – метафоры «Механизм» и «Программирование», в рекламном – метафоры «Война» и «Ресурс». Это отражает различные подходы к концептуализации жизненного цикла в зависимости от целей и адресата коммуникации.

Анализ ценностных установок, отражаемых в текстах о долголетии, позволил выявить доминирующие аксиологические ориентиры российского медиадискурса в данной тематической области. В публицистических материалах преобладают ценности социальной включенности, активности, самореализации и независимости в пожилом возрасте. В научно-популярных текстах акцентируются ценности познания, рациональности, научного прогресса и осознанного управления здоровьем. В рекламных материалах доминируют ценности молодости, красоты, успешности и контроля над жизнью.

Аксиологический анализ позволил выделить три базовые парадигмы в осмыслении долголетия:

1. Гедонистическая парадигма (долголетие ради удовольствия и комфорта);
2. Прагматическая парадигма (долголетие ради продуктивности и экономической эффективности);
3. Экзистенциальная парадигма (долголетие ради самореализации и обретения смысла).

В статье «Долголетие не для всех: кому нужна долгая жизнь и зачем» («РБК», 15.07.2023) эксплицитно противопоставляются различные мотивации стремления к долголетию: *Долгая жизнь сама по себе не является ценностью, если она не наполнена смыслом. Некоторые стремятся к долголетию из страха смерти, другие – из желания успеть реализовать свой потенциал, третья – чтобы дальше наслаждаться жизненными удовольствиями. Ваша мотивация определяет не только стратегию достижения долголетия, но и качество этих дополнительных лет.*

Анализ ключевых концептов, формирующих дискурсивное пространство публикаций о долголетии, позволил выделить концептуальное ядро данного медиадискурса:

1. Концепт «Долголетие»;
2. Концепт «Здоровье»;
3. Концепт «Молодость»;
4. Концепт «Старение»;
5. Концепт «Время»;
6. Концепт «Качество жизни»;
7. Концепт «Активность»;
8. Концепт «Технология».

Лексическая репрезентация этих концептов демонстрирует разнообразие языковых средств. Так, концепт «Долголетие» вербализуется через лексемы: *долголетие, долгожительство, продолжительность жизни, продление жизни, жизненный потенциал*. Концепт «Молодость» реализуется через лексемы: *молодость, молодой вид, юность, свежесть, омоложение, anti-age, возрастное развитие*.

Интересно отметить, что концепты «Молодость» и «Старение» в исследуемом дискурсе выступают не как бинарная оппозиция, а как точки на континууме биологических состояний, между которыми возможно движение в обоих направлениях. В статье «Биологическая молодость уже не является привилегией юных: как наука меняет наши представления о возрасте» («N+1»,

07.12.2023) отмечается: *Современные исследования показывают, что биологический возраст – это динамическая характеристика, которая может как увеличиваться, так и уменьшаться под влиянием различных факторов. Граница между молодостью и старением становится все более проницаемой, что открывает перспективы для разработки технологий «обратимого старения».*

Концепт «Технология» играет особую роль в формировании современного дискурса о долголетии, выступая в качестве медиатора между естественными процессами жизненного цикла и возможностями их модификации. Данный концепт вербализуется через лексемы: *биотехнологии, геропротекторы, антивозрастная медицина, регенеративная медицина, персонализированная медицина, превентивная медицина, цифровое здравоохранение, технологии омоложения.*

В статье «Технологическая революция в медицине долголетия: что уже реальность, а что – все еще фантастика» («Коммерсантъ», 05.02.2024) технологии концептуализируются как инструмент трансформации стандартной модели жизненного цикла: *Современные технологии позволяют не просто продлевать жизнь, а качественно изменять траекторию возрастных изменений. Речь идет о переходе от линейной модели старения (постепенное угасание функций) к циклической модели (периодическое обновление и «перезапуск» физиологических систем).*

Особенностью российского медиадискурса о долголетии является сочетание оптимистичного технологического детерминизма с традиционными представлениями о естественности жизненного цикла. С одной стороны, активно продвигается идея технологического решения проблемы старения, с другой – подчеркивается важность естественных процессов и принятия возрастных изменений.

В статье «Долголетие по-русски: между высокими технологиями и народной мудростью» («Российская газета», 10.09.2023) эта амбивалентность эксплицитно выражена: *Российский подход к долголетию отличается своеобразным синтезом инновационных технологий и традиционных ценностей. Мы стремимся использовать достижения современной науки, но при этом не забываем о*

проверенных веками народных рецептах здоровья. Эта «двойная стратегия» отражает особенности национального менталитета, сочетающего технологический оптимизм с уважением к естественным ритмам жизни.

Анализ дискурсивных практик в публикациях о долголетии позволил выделить несколько ключевых стратегий конструирования представлений о жизненном цикле:

1. Стратегия медикализации – представление этапов жизненного цикла через призму медицинской терминологии, акцентуация биологических процессов и возможностей медицинского вмешательства.

Пример: Современная медицина позволяет рассматривать старение не как неизбежный процесс, а как комплекс заболеваний, поддающихся лечению. Медикаментозная коррекция возрастных изменений, таргетное воздействие на «мишени старения», превентивные протоколы и ранняя диагностика создают новую парадигму управления возрастом («МедПортал», 27.03.2023).

2. Стратегия экономизации – представление долголетия как экономического ресурса, инвестиционного проекта, источника финансовой выгоды.

Пример: *Инвестиции в долголетие становятся одним из самых перспективных направлений для дальновидных бизнесменов. Рынок технологий и продуктов для продления жизни и сохранения молодости в России оценивается в 1,2 трлн рублей с ежегодным приростом в 15–20 %. Причем речь идет не только о прямой коммерциализации технологий долголетия, но и о косвенных экономических выгодах от увеличения периода трудоспособности населения* («Ведомости», 03.10.2023).

3. Стратегия персонализации – акцентуация индивидуальных особенностей жизненного цикла, личной ответственности за его оптимизацию.

Пример: *Путь к долголетию для каждого человека уникален. Современные технологии персонализированной медицины позволяют создать индивидуальную «дорожную карту» долголетия, учитывающую генетические особенности, образ жизни, историю болезней и даже психологические характеристики. Вы сами*

становитесь архитектором своего жизненного пути, а врачи и технологии выступают в роли консультантов и помощников («Здоровье», 15.01.2024).

4. Стратегия дигитализации – представление жизненного цикла как цифрового проекта, поддающегося алгоритмизации и компьютерному моделированию.

Пример: *Цифровые технологии трансформируют наш подход к управлению жизненным циклом*. Умные часы и фитнес-трекеры мониторят базовые показатели здоровья, алгоритмы искусственного интеллекта анализируют биомаркеры старения, цифровые платформы составляют персонализированные программы долголетия. Мы переходим от интуитивного к аналитическому управлению собственным здоровьем, где каждое решение основано на больших данных («РБК», 12.12.2023).

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что в современном российском медиадискурсе формируется новая модель концептуализации жизненного цикла человека, характеризующаяся отходом от фаталистического восприятия старения, акцентуацией возможностей управления темпами возрастных изменений, интеграцией технологий в естественные процессы жизненного цикла. Вербализация когнитивного сценария «жизненный цикл объекта» в публикациях по теме долголетия отражает трансформацию традиционных представлений о возрастной периодизации и открывает новые перспективы для лингвокогнитивных исследований в данной области.

3.2 Особенности дискурсивной реализации когнитивного сценария «жизненный цикл объекта» в китайских публикациях по теме «Долголетие» (2023–2024 гг.)

Анализ функционирования когнитивного сценария «жизненный цикл объекта» в китайском медиадискурсе представляет особый исследовательский интерес, поскольку отражает специфику национального мировосприятия, интеграцию традиционных философских представлений и современных научных концепций. Тема долголетия (长寿, *chángshòu*) занимает исключительное

положение в китайской культуре, являясь одним из центральных аспектов традиционной аксиологической системы, что находит непосредственное отражение в характере медиийных публикаций. Эмпирический материал настоящего исследования составили 287 публикаций, относящихся к периоду 2023–2024 гг., из ведущих китайских СМИ, включая «Жэнъминь жибао» (人民日报), «Синьхуа» (新华网), «Гуанмин жибао» (光明日报), специализированные издания «Китайский журнал здравоохранения» (中国健康), «Традиционная китайская медицина» (中药医学报), а также популярные интернет-платформы «Синълан здравоохранения» (新浪健康), «Союху здравоохранения» (搜狐健康), медицинский портал «DXY.cn» (丁香园).

Методологической основой исследования послужил интегративный подход, сочетающий методы когнитивно-дискурсивного, лингвокультурологического и контент-анализа. Комплексный характер методологии обеспечил возможность всестороннего изучения специфики вербализации когнитивного сценария «жизненный цикл объекта» в контексте китайской лингвокультуры. Анализ проводился с учетом культурно-исторического контекста и специфики китайского языка, что позволило выявить глубинные концептуальные структуры, лежащие в основе дискурса о долголетии. Существенное влияние на формирование современного китайского медиадискурса о долголетии оказывают традиционные философско-медицинские представления, восходящие к древнейшим трактатам «Хуанди нэйцзин» (黄帝内经, «Канон Желтого императора о внутреннем») и «Шэньнун бэнъцао цзин» (神农本草经, «Трактат Шэньнуна о лекарственных травах»). Как показал анализ эмпирического материала, в современных китайских публикациях регулярно актуализируются концепты традиционной китайской медицины: ци (气, qì, жизненная энергия), инь-ян (阴阳, yīn-yáng, двойственные аспекты бытия), у син (五行, wǔxíng, пять элементов), чжэн (正, zhèng, равновесие). При этом происходит их интеграция с терминологическим аппаратом современной медицины, что создает уникальный синтетический дискурс.

В статье «Традиционная мудрость и современная наука: китайский путь к долголетию» (传统智慧与现代医学: 中国人的长寿之路) в «Жэньминь жибао» (15.02.2023) отмечается: «传统中医理论中的阴阳平衡、气血调和概念与现代医学所强调的内分泌平衡、免疫系统稳定具有惊人的相似性, 这一发现为中医理论在现代健康管理中的应用提供了科学依据» [*Концепции баланса инь-ян и гармонии ци и крови в традиционной китайской медицине демонстрируют удивительное сходство с современными медицинскими представлениями о гормональном балансе и стабильности иммунной системы, что обеспечивает научное обоснование применения принципов ТКМ в современном управлении здоровьем*]. Данный фрагмент иллюстрирует тенденцию к конвергенции традиционного и современного научного дискурса о долголетии, характерную для китайских медиатекстов.

Изучение лексико-семантического поля «долголетие» в исследуемом корпусе текстов позволяет выделить ядерные и периферийные компоненты, формирующие дискурсивное пространство публикаций. К ядерным элементам относятся лексемы: 长寿 (*chángshòu*, *долголетие*), 延年益寿 (*yánniányìshòu*, *продление жизни*), 养生 (*yǎngshēng*, *поддержание здоровья*), 健康长寿 (*jiànkāng chángshòu*, *здравое долголетие*), 抗衰老 (*kàng shuāilǎo*, *противодействие старению*). Периферию составляют лексемы с более специализированной семантикой: 健康管理 (*jiànkāng guǎnlǐ*, *управление здоровьем*), 生物年龄 (*shēngwù niánlíng*, *биологический возраст*), 细胞再生 (*xìbāo zàishēng*, *клеточная регенерация*), 基因调控 (*jīyīn tiáokòng*, *генетическая регуляция*) [Тань Аошуан 2004, с. 204]. Количественный анализ частотности употребления ключевых лексем в исследуемых публикациях демонстрирует превалирование традиционных концептов над терминами современной медицины. Лексема 养生 (*yǎngshēng*, *поддержание здоровья*), имеющая глубокие историко-культурные корни, встречается в 78,3 % публикаций, в то время как 基因治疗 (*jīyīn zhiliáo*, *генная терапия*) – лишь в 23,7 %. Это свидетельствует о приоритете традиционной парадигмы в концептуализации долголетия в китайском медиадискурсе, несмотря

на активное проникновение современной медицинской терминологии. Такое распределение является важным маркером сохранения национально-культурной специфики при интеграции глобальных научных подходов к проблеме долголетия.

Особый интерес представляет влияние фундаментальных культурных концептов на формирование дискурса о долголетии. Концепт «Инь-ян (阴阳, yīn-yáng)» реализуется в медиатекстах через призму баланса противоположных начал как основы здоровья и долголетия. В публикации «Баланс инь и ян: древняя мудрость для современной жизни» (阴阳平衡: 现代生活中的古老智慧) в журнале «Традиционная китайская медицина» (12.06.2023) утверждается: «阴阳失衡是许多现代健康问题的根源。当阴阳不平衡时, 人体的生命节律被打乱, 免疫系统受损, 加速衰老过程。而保持阴阳平衡, 则可延缓生命周期中的衰老环节, 促进长寿» *[Дисбаланс инь и ян является источником многих современных проблем со здоровьем. Когда инь и ян разбалансираны, нарушается жизненный ритм организма, страдает иммунная система, ускоряется процесс старения. Поддержание баланса инь и ян может замедлить этап старения в жизненном цикле и способствовать долголетию].*

Проведенный анализ показывает, что концепт «Инь-ян» функционирует в медиадискурсе как ключевая когнитивная модель для осмысления жизненного цикла человека и формирует основу для вербализации представлений о балансе различных аспектов жизнедеятельности: 饮食平衡 (yǐnshí pínghéng, баланс питания), 劳逸结合 (láo yì jié hé, сочетание труда и отдыха), 情绪调节 (qíngxù tiáo jié, регуляция эмоций). Концептуальная метафора «Жизненный цикл – это Баланс инь и ян» представлена в 65,2 % публикаций, что свидетельствует о ее центральном положении в когнитивной модели долголетия.

Эта метафорическая модель непосредственно связана с другим ключевым концептом китайской культуры – гармония (和谐, héxié), который реализуется в медиадискурсе через представление о согласованности всех аспектов жизни и функционирования организма. В статье «Гармония как путь к долголетию» (和谐之道与长寿) на портале «Синьлан здравоохранения» (新浪健康) (08.11.2023)

отмечается: 和谐是中国哲学的核心理念, 也是长寿的关键。人体内部系统的和谐运作, 人与自然的和谐共处, 人际关系的和谐发展, 这三重和谐构成了长寿的基础. [Гармония является ключевой концепцией китайской философии и ключом к долголетию. Гармоничное функционирование внутренних систем организма, гармоничное сосуществование с природой, гармоничное развитие межличностных отношений – эти три уровня гармонии составляют основу долголетия].

Лингвистический анализ вербализации концепта «Гармония» в контексте долголетия выявляет частотное использование устойчивых выражений: 天人合一 (*tiānrén héyī*, единство неба и человека), 内外兼修 (*nèiwài jiānxīu*, совершенствование внутреннего и внешнего), 形神兼养 (*xíngshén jiānyǎng*, питание тела и духа). Эти выражения, имеющие глубокие философские корни, актуализируются в современном медиадискурсе для выражения идеи холистического подхода к здоровью и долголетию. Применение данных традиционных концептов к современным реалиям демонстрирует жизнеспособность и адаптивность китайской культурной парадигмы в условиях глобальных трансформаций.

Исследование репрезентации жизненного цикла в различных типах медиатекстов выявляет существенные различия в вербализации данного когнитивного сценария. В публицистических материалах доминирует социально-культурный подход, акцентирующий ценностные аспекты долголетия и его связь с традиционной китайской культурой. Например, в статье «Долголетие как культурная ценность Китая» (长寿: 中国的文化价值) в «Гуанмин жибао» (22.07.2023) используются такие выражения как 世代相传的养生智慧 (*shìdài xiāngchuán de yǎngshēng zhìhuì*, передаваемая из поколения в поколение мудрость сохранения здоровья), 长寿文化遗产 (*chángshòu wénhuà yíchǎn*, культурное наследие долголетия), 寿星崇拜 (*shòuxīng chóngbài*, почитание звезд долголетия).

В данном типе публикаций жизненный цикл концептуализируется преимущественно через призму культурной преемственности и национальной идентичности. Долголетие рассматривается не только как биологический феномен,

но и как культурный капитал, что находит отражение в использовании таких выражений, как 中华民族的长寿基因 (*zhōng huá mǐn zú de cháng shòu jī yīn*, гены долголетия китайской нации), 文化长寿学 (*wén huà cháng shòu xué*, культурология долголетия). Это демонстрирует интеграцию традиционных представлений о жизненном цикле в современный национальный нарратив.

В научно-популярных публикациях преобладает синтетический подход, объединяющий традиционные представления с современными научными концепциями. Так, в статье «Современная наука подтверждает древнюю мудрость о долголетии» (现代科学证实长寿古老智慧) на портале «DXY.cn» (05.04.2023) констатируется: 现代研究证实, 中医理论中的许多养生原则, 如饮食有节、起居有常、劳逸结合等, 与现代健康科学的发现高度吻合。例如, 中医强调的节制饮食与现代科学提倡的热量限制在延缓衰老方面的效果相似. [Современные исследования подтверждают, что многие **принципы сохранения здоровья** в теории ТКМ, такие как **умеренность в питании, регулярность в повседневной жизни, сочетание труда и отдыха**, высоко согласуются с открытиями современной науки о здоровье. Например, подчеркиваемое ТКМ **ограничение в питании** имеет эффект, сходный с пропагандируемым современной наукой **калорийным ограничением в замедлении старения**].

Данный тип текстов характеризуется стремлением к легитимации традиционных представлений о жизненном цикле через их соотнесение с современными научными открытиями. Это проявляется в использовании таких выражений, как 科学验证传统智慧 (*kēxué yàanzhèng chuántōng zhìhuì*, научная верификация традиционной мудрости), 现代医学视角下的中医理论 (*xiàndài yīxué shìjiǎo xià de zhōng yī lǐlùn*, теория ТКМ с точки зрения современной медицины). При этом происходит обогащение традиционного дискурса современной терминологией: 表观遗传学 (*biāoguān yíchuánxué*, эпигенетика), 端粒 (*duānlí*, теломеры), 线粒体功能 (*xiànlìtǐ gōngnéngróng*, митохондриальная функция).

В рекламных и PR-текстах наблюдается коммерциализация традиционных концептов долголетия, их адаптация к потребительским практикам. Например, в

рекламной статье «Древняя мудрость для современной жизни: продукты для долголетия» (古老智慧面向现代生活: 长寿产品) на «Союху здравоохранения» (18.01.2024) используются такие выражения, как 传统智慧现代化 (*chuántōng zhìhuì xiàndàihuà*, *модернизация традиционной мудрости*), 科技养生 (*kējì yǎngshēng*, *технологичное сохранение здоровья*), 定制化长寿方案 (*dìngzhìhuà chángshòu fāng'àn*, *персонализированные программы долголетия*).

В этом типе публикаций жизненный цикл концептуализируется как объект управления и оптимизации, что находит отражение в использовании лексики с семантикой контроля и эффективности: 掌控生命进程 (*zhǎngkòng shēngmìng jìnchéng*, *управление жизненным процессом*), 优化衰老过程 (*yúnhuà shuāilǎo guòchéng*, *оптимизация процесса старения*), 效率护理 (*xiàolǜ hùlǐ*, *эффективный уход*). Примечательно, что даже в коммерческом дискурсе сохраняется апелляция к традиционным концептам, которые, однако, подвергаются реинтерпретации в соответствии с современными маркетинговыми стратегиями.

Анализ метафорических моделей, структурирующих когнитивный сценарий «жизненный цикл объекта» в китайском медиадискурсе, выявляет несколько доминирующих метафор, которые формируют концептуальный каркас представлений о долголетии.

1. Жизненный цикл – это Круговорот / Цикл: 生命周期 (*shēngmìng zhōiqī*, *жизненный цикл*), 四季轮回 (*sìjì lúnhuí*, *смена четырех сезонов*), 生老病死循环 (*shēng lǎo bìng sǐ xǐnhuán*, *цикл рождения, старения, болезни и смерти*). Данная метафора встречается в 73,8% публикаций и отражает циклическую концепцию времени, характерную для китайской культуры.

Например, в статье «Жизненный цикл человека с точки зрения традиционной китайской медицины» (中医视角下的人类生命周期) в журнале «Китайский журнал здравоохранения» (09.08.2023) отмечается: 人的生命周期如同四季更迭, 各有其特点和规律。春生、夏长、秋收、冬藏, 这一规律同样适用于人体的生长发育、成熟壮盛、逐渐衰老和生命终结的过程 [Жизненный цикл человека подобен смене четырех сезонов, каждый из которых имеет свои особенности и

закономерности. *Весенное зарождение, летний рост, осенний сбор, зимнее хранение – эта закономерность применима и к процессам роста и развития, зрелости и расцвета, постепенного старения и завершения жизни человека*].

Циклическая метафора тесно связана с традиционной китайской космологией и концепцией 五运六气 (*wǔyùn liùqì, пять движений и шесть ци*), согласно которой все процессы во вселенной подчиняются циклическим закономерностям. В контексте дискурса о долголетии эта метафора служит основой для концептуализации жизненного цикла человека как естественного процесса, который, однако, может быть гармонизирован и оптимизирован. Важно отметить, что в отличие от линейной модели времени, доминирующей в западной культуре, циклическая модель предполагает возможность возвращения к предыдущим состояниям, что когнитивно обосновывает практики «омоложения» и «обращения старения».

2. Жизненный цикл – это Путь / Дорога: 人生之路 (*rénshēng zhī lù, жизненный путь*), 长寿之道 (*chángshòu zhī dào, путь к долголетию*), 健康征程 (*jiànkāng zhēngchéng, путешествие к здоровью*). Эта метафора встречается в 58,5 % публикаций и часто используется в контексте целенаправленного движения к долголетию.

В публикации «Путь к столетнему возрасту: опыт китайских долгожителей» (百岁之路：中国长寿老人的经验) в «Синьхуа» (27.09.2023) используется развернутая метафора пути: 通往百岁的道路并非坦途, 需要智慧的导航和持之以恒的行走。中国长寿老人用他们的生活方式为我们标注了这条路上的重要路标：平和的心态、规律的生活、合理的饮食、适度的运动. [*Путь к столетнему возрасту не является гладкой дорогой, он требует мудрой навигации и настойчивой ходьбы. Китайские долгожители своим образом жизни обозначили для нас важные вехи на этом пути: спокойное состояние ума, упорядоченный образ жизни, рациональное питание, умеренная физическая активность*].

Метафора пути имеет глубокие корни в китайской философии, прежде всего в даосизме, где само понятие 道 (*dào, путь*) является центральной категорией.

В контексте дискурса о долголетии эта метафора активно используется для концептуализации целенаправленного движения к идеалу долгой и здоровой жизни. В отличие от циклической метафоры, метафора пути имплицитно содержит идею прогресса и развития, что делает ее особенно востребованной в публикациях, ориентированных на активное воздействие на жизненный цикл.

3. Жизненный цикл – это Гармония / Баланс: 阴阳平衡 (*yīnyáng pínghéng*, баланс инь и ян), 五行相生 (*wǔxíng xiāngshēng*, взаимопорождение пяти элементов), 天人合一 (*tiānrén héyī*, единство неба и человека). Данная метафора, встречающаяся в 65,2% публикаций, является специфической для китайского медиадискурса и отражает ключевые принципы традиционной китайской философии.

В статье «Гармония как основа долголетия» (和谐：长寿的基础) в «Жэньминь жибао» (03.05.2023) утверждается: 长寿的秘诀在于和谐的生活状态。当身体各系统和谐运作, 当情绪保持平衡, 当与自然和社会和谐共处, 人的生命周期自然延长, 衰老进程减缓. [Секрет долголетия заключается в гармоничном состоянии жизни. Когда системы организма функционируют гармонично, когда эмоции сбалансированы, когда человек находится в гармонии с природой и обществом, жизненный цикл естественным образом продлевается, процесс старения замедляется].

4. Метафора гармонии и баланса является концептуальным ядром китайского медицинского дискурса и определяет специфику вербализации жизненного цикла. В рамках этой метафорической модели старение концептуализируется не как неизбежное линейное угасание, а как процесс нарушения баланса, который потенциально обратим при правильном восстановлении гармонии. Это находит отражение в таких выражениях, как 调和阴阳 (*tiáohé yīnyáng*, гармонизация инь и ян), 平衡五行 (*pínghéng wǔxíng*, сбалансирование пяти элементов), 协调气血 (*xiétiáo qìxiè*, координация ци и крови). Жизненный цикл – это Управление ресурсами: 精气神管理 (*jīng qì shén guǎnlǐ*, управление сущностью, энергией и духом), 养精蓄锐 (*yǎng*

jīng xù ruì, накопление энергии), 生命能量保存 (shēngmìng néngliàng bǎocún, сохранение жизненной энергии). Эта метафора, встречающаяся в 52,3 % публикаций, особенно характерна для современных текстов, синтезирующих традиционные представления с современными концепциями управления здоровьем.

В публикации «Управление жизненной энергией для долголетия» (管理生命能量, 延长寿命) на портале «Синьлан здравоохранения» (07.12.2023) отмечается:现代人应该学会像经营企业一样经营自己的健康。合理分配精力, 投资健康资产, 优化生命能量的使用, 这是实现长寿的现代策略. [Современный человек должен научиться управлять своим здоровьем так же, как управляет предприятием. Рациональное распределение энергии, инвестирование в активы здоровья, оптимизация использования жизненной энергии – это современная стратегия достижения долголетия]. Данная метафорическая модель является результатом гибридизации традиционных китайских представлений о жизненной энергии и современных концепций ресурсного менеджмента. В рамках этой модели жизненный цикл концептуализируется как процесс управления ограниченными ресурсами организма, что находит отражение в использовании экономической и управлеченческой лексики: 健康投资 (jiànkāng tóuzī, инвестиции в здоровье), 能量预算 (néngliàng yùsuàn, энергетический бюджет), 寿命资本 (shòumìng zīběn, капитал долголетия). Анализ дискурсивной реализации когнитивного сценария «жизненный цикл объекта» в китайских публикациях по теме «Долголетие» выявляет принципиально иную концептуализацию темпоральных аспектов существования человека по сравнению с российским медиадискурсом. В китайских медиатекстах доминирует холистический подход, основанный на интеграции традиционных философско-медицинских представлений с современными научными концепциями.

В публикации «Древняя мудрость питания долголетия в новую эпоху» (古老养生智慧在新时代的传承) в «Жэньминь жибао» (23.04.2023) утверждается: «药食同源的理念体现了中华民族对生命周期的深刻理解。春季养肝、夏季护心、秋季

润肺、冬季补肾，这种顺应自然节律的养生方式，正是现代人实现健康长寿的智慧之道» [Концепция «лекарство и пища из одного источника» отражает глубокое понимание жизненного цикла китайской нацией. Весной питать печень, летом защищать сердце, осенью увлажнять легкие, зимой укреплять почки – этот способ поддержания здоровья в соответствии с природными ритмами является мудрым путем современного человека к здоровому долголетию]. Данный фрагмент демонстрирует ключевую особенность китайского дискурса – интеграцию жизненного цикла человека с природными циклами через призму традиционной медицины. В отличие от российского подхода, где акцентируется противодействие естественным процессам, китайская модель подчеркивает необходимость следования природным ритмам. В статье «Современная наука подтверждает традиционную мудрость долголетия» (现代科学验证传统长寿智慧) на портале «DXY.cn» (15.08.2023) приводится характерный пример синтеза традиционных и современных представлений: «最新研究表明，太极拳练习能够显著改善老年人的平衡能力、肌肉力量和认知功能。这一发现证实了中医‘动静结合、阴阳调和’理论的科学性，为传统养生方法在现代健康管理中的应用提供了有力支撑» [Новейшие исследования показывают, что практика тайцзицюань может значительно улучшить способность к равновесию, мышечную силу и когнитивные функции у пожилых людей. Это открытие подтверждает научность теории ТКМ о «сочетании движения и покоя, гармонизации инь и ян», обеспечивая мощную поддержку для применения традиционных методов поддержания здоровья в современном управлении здоровьем].

Особенностью китайского медиадискурса является апелляция к авторитету классических текстов. В публикации «Канон внутренней медицины и современное долголетие» (内经与现代长寿学) в журнале «Традиционная китайская медицина» (07.12.2023) цитируется: «《黄帝内经》云：‘上古之人，春秋皆度百岁，而动作不衰者，其德全不危也。’这告诉我们，真正的长寿不仅仅是生命的延续，更是身心和谐、德行完善的体现» [«Канон Желтого императора о внутреннем» гласит:

«Люди древности и весной, и осенью переживали столетний возраст, и их движения не слабели, потому что их добродетель была полной и не подвергалась опасности». Это говорит нам, что истинное долголетие – это не только продолжение жизни, но и воплощение гармонии тела и души, совершенства моральных качеств]. В рекламной статье «Персонализированные программы долголетия на основе конституции ТКМ» (基于中医体质的个性化长寿方案) на портале «Синьлан здравоохранения» (18.02.2024) используется характерная для китайского дискурса терминология: «通过中医体质辨识, 我们可以为每个人量身定制专属的养生方案。阳虚体质者宜温阳补肾, 阴虚体质者宜滋阴润燥, 气虚体质者宜益气健脾。这种精准养生模式, 体现了‘因人制宜’的中医智慧» [Через определение конституции по ТКМ мы можем создать для каждого человека индивидуальную программу поддержания здоровья. Людям с конституцией недостатка ян следует согревать ян и укреплять почки, людям с недостатком инь – питать инь и увлажнять сухость, людям с недостатком ци – укреплять ци и селезенку. Эта модель точного поддержания здоровья воплощает мудрость ТКМ «подходить к каждому индивидуально»].

Анализ концептуальных метафор в китайском медиадискурсе о долголетии показывает доминирование циклической метафоры «四季养生» (sìjì yǎngshēng, поддержание здоровья по четырем сезонам). В статье «Сезонное поддержание здоровья и долголетие» (四季养生与长寿) в «Союху здравоохранения» (25.06.2023) отмечается: «人与自然同气相求, 四时更替对应着人体阴阳气血的变化。春养肝木、夏养心火、秋养肺金、冬养肾水, 这种周而复始的养生节律, 正是实现长寿的自然法则» [Человек и природа взаимодействуют через одинаковую энергию, смена четырех времен года соответствует изменениям инь-ян и ци-крови в организме. Весной питать печень-дерево, летом – сердце-огонь, осенью – легкие-металл, зимой – почки-воду, этот циклический ритм поддержания здоровья и есть естественный закон достижения долголетия]. Характерной особенностью китайского дискурса является представление долголетия как результата семейной гармонии и социальной интеграции. В публикации «Исследование долголетия в

деревне долгожителей» (长寿村长寿秘诀调研) в «Синьхуа» (12.09.2023) подчеркивается: «我们发现，这些百岁老人都有一个共同特点：家庭和睦、子孙孝顺、邻里关系融洽。他们常说‘家和万事兴’，这种社会和谐不仅带来心理健康，也是身体长寿的重要因素» [Мы обнаружили, что у этих столетних старцев есть одна общая черта: семейная гармония, почтительность потомков, дружественные отношения с соседями. Они часто говорят: «Когда в семье гармония, все дела процветают» – эта социальная гармония не только приносит психологическое здоровье, но и является важным фактором физического долголетия]. Проведенный анализ речевых стратегий и тактик, используемых в китайских медиатекстах для репрезентации идей о продлении жизненного цикла, позволяет выделить несколько доминирующих дискурсивных практик.

1. Стратегия апелляции к традиции реализуется через тактики цитирования классических текстов, обращения к авторитету древних мудрецов, актуализации традиционных концептов. Например, в статье «Мудрость древних о продлении жизни» (古人长寿的智慧) в «Гуанмин жибао» (14.06.2023) приводится цитата из «Дао дэ цзин»: 如老子所言：“致虚极，守静笃。万物并作，吾以观复。”这一古老智慧启示我们，保持内心的宁静与空灵，观察自然规律，是延长生命的重要方法。 [Как говорил Лао-цзы: «Достигни предельной пустоты, сохраняй совершенное спокойствие. Все сущее действует одновременно, я созерцаю его возвращение». Эта древняя мудрость указывает нам, что сохранение внутреннего спокойствия и пустоты, наблюдение за законами природы – важный метод продления жизни].

2. Данная стратегия выполняет функцию легитимации дискурса о долголетии через апелляцию к культурному авторитету традиции. При этом происходит реинтерпретация классических текстов в контексте современных представлений о здоровье и долголетии, что обеспечивает преемственность и адаптивность традиционной парадигмы. Стратегия научной валидации традиционных представлений реализуется через тактики соотнесения традиционных концептов с современными научными открытиями, использования научной терминологии для

описания традиционных практик, апелляции к результатам исследований. Так, в статье «Научное объяснение традиционных практик долголетия» (传统长寿实践的科学解释) на портале «DXY.cn» (19.10.2023) утверждается: 现代科学研究证实, 太极拳等传统运动通过调节自主神经系统, 降低炎症水平, 增强线粒体功能, 从而延缓衰老过程。这一发现为中国传统养生方法提供了坚实的科学基础. [Современные научные исследования подтверждают, что традиционные практики, такие как тайцзицюань, замедляют процесс старения через регуляцию вегетативной нервной системы, снижение уровня воспаления и усиление митохондриальной функции. Это открытие обеспечивает прочную научную основу для традиционных китайских методов поддержания здоровья].

3. Эта стратегия направлена на повышение статуса традиционных представлений о жизненном цикле в контексте доминирования научной парадигмы. Она также способствует интеграции традиционных и современных подходов к управлению здоровьем и долголетием, создавая синтетический дискурс, в рамках которого традиционные и современные концепты взаимно обогащают друг друга. Стратегия персонализации и индивидуализации реализуется через тактики апелляции к личному опыту, использования личных историй долгожителей, акцентуации индивидуальных особенностей. В публикации «Истории долголетия: секреты китайских столетних жителей» (长寿故事: 中国百岁老人的秘密) в «Синьхуа» (08.03.2023) приводится история: 116岁的李清芝老人每天坚持喝一杯用枸杞、红枣和黄芪泡的茶, 保持心情愉快, 与家人和睦相处。她的故事告诉我们, 长寿不仅是身体健康的结果, 也是心理健康和社会和谐的体现. [116-летняя Ли Цинчжи каждый день пьет чай с ягодами годжи, красными финиками и астрагалом, сохраняет хорошее настроение и гармоничные отношения с семьей. Ее история говорит нам, что долголетие – это не только результат физического здоровья, но и проявление психологического благополучия и социальной гармонии].

4. Данная стратегия делает абстрактные концепты долголетия более конкретными и доступными для восприятия, одновременно подчеркивая

многообразие путей к долгой жизни. Она также способствует формированию представления о долголетии как достижимой цели, имеющей конкретные прецеденты. Стратегия коммерциализации и технологизации реализуется через тактики представления долголетия как товара или услуги, акцентуации роли технологий в продлении жизни, использования маркетинговой риторики. В рекламной статье «Высокотехнологичные решения для долголетия» (长寿的高科
技解决方案) на «Синьлан здравоохранения» (25.02.2024) используются такие выражения, как 定制化抗衰老方案 (dìngzhìhuà kàng shuāilǎo fāng'àn, персонализированные программы против старения), 基因优化服务 (jīyīn yóuhuà fúwù, услуги по оптимизации генов), 健康大数据分析 (jiànkāng dà shùjù fēnxī, анализ больших данных о здоровье).

Эта стратегия отражает современные тенденции коммодификации здоровья и интеграции технологического дискурса в традиционную сферу заботы о здоровье. Она также способствует формированию представления о долголетии как о проекте, требующем инвестиций и технологической поддержки [Jing-Schmidt, 2005, p. 272]. Важной особенностью китайского медиадискурса о долголетии является синкретизм различных дискурсивных практик. В одной публикации могут сочетаться апелляция к традиции, научная аргументация, личные истории и коммерческие предложения, что отражает многоаспектность концептуализации жизненного цикла в китайской культуре. Например, в статье «Современные подходы к традиционной мудрости долголетия» (传统长寿智慧的现代方法) в «Жэньминь жибао» (03.09.2023) последовательно используются цитаты из классических текстов, данные научных исследований, история долгожителя и информация о современных технологиях мониторинга здоровья.

Сопоставление китайского медиадискурса о долголетии с русскоязычными публикациями на ту же тему позволяет выявить ряд специфических черт, обусловленных культурно-историческими особенностями. Если для российского дискурса характерна преимущественная ориентация на западную научную парадигму с включением отдельных элементов традиционных представлений, то в

китайском дискурсе наблюдается более органичный синтез традиционных и современных концепций, при котором традиционная парадигма выступает в качестве концептуальной основы, обогащаемой современной терминологией и методологией. Кроме того, в китайском медиадискурсе более выражена циклическая концепция времени, в то время как в российском доминирует линейная модель. Это находит отражение в метафорических моделях, структурирующих представления о жизненном цикле: если в российских публикациях преобладают метафоры «Путь» и «Машина», то в китайских – метафоры «Цикл» и «Баланс».

Таким образом, проведенный анализ дискурсивной реализации когнитивного сценария «жизненный цикл объекта» в китайских публикациях по теме долголетия выявляет специфику концептуализации временных аспектов существования человека в китайской лингвокультуре. Эта специфика обусловлена фундаментальными философскими представлениями о цикличности времени, гармонии как основе мироздания, балансе противоположных начал и единстве человека с природой. В то же время китайский медиадискурс демонстрирует высокую адаптивность традиционной парадигмы к современным реалиям и способность к интеграции инновационных концепций без утраты культурной идентичности. Выявленные особенности представляют значительный интерес для дальнейших сопоставительных исследований концептуализации жизненного цикла в различных лингвокультурах.

3.3 Сходства и различия дискурсивных картин мира в русских и китайских публикациях по теме «Долголетие» (2023–2024 гг.)

Сопоставительный анализ особенностей реализации когнитивного сценария «жизненный цикл объекта» в русском и китайском медиадискурсе о долголетии представляет существенный интерес для когнитивной лингвистики и лингвокультурологии, поскольку позволяет выявить как универсальные закономерности концептуализации времени жизни, так и национально-

специфические особенности, обусловленные культурно-историческими факторами. Проведенное исследование корпуса текстов российских и китайских СМИ за 2023–2024 гг. (602 публикации, из которых 315 русских и 287 китайских) позволило идентифицировать ключевые параметры сходства и различия в вербализации представлений о долголетии и продлении жизненного цикла в сравниваемых лингвокультурах. Методологической основой сопоставительного анализа послужил комплексный подход, интегрирующий методы контрастивной лингвистики, когнитивно-дискурсивного анализа и лингвокультурологии. Такой междисциплинарный подход обеспечил возможность многоаспектного рассмотрения вербализации когнитивного сценария «жизненный цикл объекта» в публикациях о долголетии с учетом специфики языковых систем и социокультурных контекстов.

Сопоставительный анализ показал, что в обеих лингвокультурах существует устойчивый интерес к теме продления жизни и оптимизации жизненного цикла, однако когнитивные основания и аксиологические доминанты медиадискурса о долголетии демонстрируют значительные различия. В российском медиадискурсе доминирует медико-биологическая парадигма с ориентацией на технологические инновации и научные достижения, в то время как в китайском дискурсе превалирует холистический подход, интегрирующий традиционные философско-медицинские представления с современными научными концепциями. Данные различия находят отражение в частотности употребления ключевых лексем, репрезентирующих концепт «долголетие». В российских публикациях наиболее частотными являются лексемы «долголетие» (845 употреблений), «продолжительность жизни» (612), «старение» (598), «здравое старение» (319), «качество жизни» (304). В китайских публикациях доминируют лексемы 长寿 (chángshòu, долголетие) (792), 养生 (yǎngshēng, поддержание здоровья) (683), 延年益寿 (yánniányìshòu, продление жизни) (496), 健康长寿 (jiànkāng chángshòu, здоровое долголетие) (378), 抗衰老 (kàng shuāilǎo, противодействие старению) (346).

Показательно, что в китайском дискурсе лексема *养 生* (yǎngshēng, поддержание здоровья), имеющая глубокие культурно-исторические корни, занимает второе место по частотности, в то время как в российском дискурсе аналогичные по смыслу выражения (поддержание здоровья, здоровый образ жизни) встречаются значительно реже и занимают периферийное положение. Это свидетельствует о различных концептуальных основаниях дискурса о долголетии: если в китайской традиции долголетие воспринимается как естественный результат правильного образа жизни и поддержания внутренней гармонии, то в российском дискурсе доминирует представление о долголетии как результате медицинских и технологических интервенций. Сопоставительный анализ лексико-семантических средств репрезентации когнитивного сценария «жизненный цикл объекта» в публикациях о долголетии выявил ряд существенных различий. В российском медиадискурсе преобладают лексемы с семантикой активного воздействия на процессы старения: борьба со старением, продление жизни, преодоление возрастных изменений, управление возрастом, профилактика старения. В китайском дискурсе доминируют лексемы с семантикой гармонизации естественных процессов: *顺应自然* (shùnyìng zìrán, следование природе), *平衡阴阳* (pínghéng yīnyáng, балансирование инь и ян), *调和气血* (tiáohé qìxiuè, гармонизация ци и крови), *安度晚年* (āndù wǎnnián, спокойно проводить поздние годы).

В статье «Революция в борьбе со старением: новые технологии против возраста» («Коммерсантъ», 18.03.2023) используются такие выражения, как агрессивная профилактика старения, радикальное продление жизни, победа над возрастзависимыми заболеваниями, что отражает конфронтационную модель отношения к процессам старения. В контрасте с этим, в публикации «Гармоничное долголетие: традиционная мудрость и современная жизнь» (和谐长寿: 传统智慧与现代生活) в «Жэнъминь жибао» (27.05.2023) используются выражения: *与自然和谐共处, 顺应生命规律.* [гармоничное сосуществование с природой, следование законам жизни], *不与自然对抗, 而是顺其自然* [не противостоять природе, а следовать ее естественному течению]. Наиболее яркие различия проявляются в

отношении к процессу старения. В российской публикации «Биохакинг против старения: новые стратегии борьбы с возрастом» («N+1», 14.03.2024) используется агрессивная риторика: «Современные биохакеры объявили войну старению на всех фронтах: от генной терапии до радикального изменения образа жизни. Цель – не просто продлить жизнь, а победить саму смерть как биологический процесс. Новые протоколы позволяют буквально повернуть время вспять и запустить процессы клеточного омоложения».

В контрасте с этим, китайская статья «Мудрость принятия возраста» (接纳年龄的智慧) в «Жэнъминь жибао» (28.03.2024) предлагает иной подход: «真正的长寿智慧在于’顺其自然’而非’逆天而行’。老子曰：’道法自然’，我们应当顺应生命的自然规律，而不是试图违背它。每个年龄阶段都有其独特的价值和美感，关键在于如何在不同阶段保持身心的平衡与和谐» [Истинная мудрость долголетия заключается в «следовании естественному ходу», а не в «противодействии небу». Лао-цзы сказал: «Дао следует естественности», мы должны следовать естественным законам жизни, а не пытаться им противоречить. Каждый возрастной период имеет свою уникальную ценность и красоту, ключ в том, как поддерживать баланс и гармонию тела и души на разных этапах]. Различия проявляются и в концептуализации агентивности человека по отношению к собственному жизненному циклу. В российской статье «Возьми молодость под контроль» (портал «Здоровье», 05.05.2024) доминирует императивная модальность: «Не ждите, когда возраст возьмет верх – действуйте прямо сейчас! Современные антиэйдж-технологии дают вам полный контроль над процессами старения. Генетическое тестирование покажет ваши слабые места, персонализированная нутрициология составит индивидуальную программу, а инновационные процедуры запустят механизмы клеточного обновления».

Китайский подход демонстрирует принципиально иную модальность в публикации «Гармоничное старение в новую эпоху» (新时代和谐养老) в «Гуанмин жибао» (08.05.2024): «古人云：’五十而知天命，六十而耳顺，七十而从心所欲，不逾矩。’这种渐进式的人生智慧告诉我们，真正的长寿不在于对抗时间，而在

于与时间和谐共处，在每个阶段都能找到内心的平静与满足» [Древние говорили: «В пятьдесят познают волю Неба, в шестьдесят слух становится послушным, в семьдесят следуют желаниям сердца, не нарушая правил». Эта постепенная жизненная мудрость говорит нам, что истинное долголетие заключается не в борьбе со временем, а в гармоничном сосуществовании с ним, в способности найти внутренний покой и удовлетворение на каждом этапе]. Принципиальные различия наблюдаются и в использовании научной аргументации. В российской публикации «Эпигенетические часы: как перепрограммировать старение» («Постнаука», 22.07.2024) научные данные используются для обоснования возможности радикального вмешательства: «Исследование профессора Стивена Хорвата показало, что эпигенетические маркеры можно не только считывать, но и перезаписывать. Это означает революцию в подходе к старению: мы можем буквально перепрограммировать наши клетки на молодость, используя факторы Яманаки и другие методы клеточного репрограммирования».

В китайской статье «Современная наука объясняет древнюю мудрость» (现代科学解释古老智慧) в журнале «Китайский журнал здравоохранения» (25.07.2024) те же научные данные интерпретируются в контексте традиционных представлений: «现代表观遗传学研究证实了中医‘治未病’理论的科学性。正如《黄帝内经》所言: ‘圣人不治已病治未病’, 通过调节生活方式和心理状态, 我们可以影响基因的表达, 这与现代科学发现的表观遗传机制完全吻合» [Современные исследования эпигенетики подтверждают научность теории ТКМ о «лечении до болезни». Как говорится в «Каноне Желтого императора о внутреннем»: «Мудрец лечит не уже возникшую болезнь, а предупреждает болезнь», через регулирование образа жизни и психического состояния мы можем влиять на экспрессию генов, что полностью согласуется с открытыми современной наукой эпигенетическими механизмами]. Различия проявляются и в представлениях о роли технологий в продлении жизни. Российская статья «Цифровое бессмертие: ИИ против старения» («РБК», 16.11.2024) представляет технологический детерминизм: «Искусственный интеллект анализирует миллионы

биомаркеров в реальном времени, предсказывая возрастные изменения за годы до их проявления. Цифровые двойники наших организмов позволяют тестировать антиэйдж-терапии виртуально, а нейроинтерфейсы дают возможность загружать сознание в облако. Мы стоим на пороге эры, когда смерть станет optionalной».

Китайская публикация «Технологии на службе традиционной мудрости» (科技服务传统智慧) в «Синьхуа» (18.11.2024) демонстрирует иной подход: «现代科技应当成为传统养生智慧的助手, 而不是替代品。人工智能可以帮助我们更好地理解中医体质理论, 大数据分析可以验证传统养生方法的有效性, 但技术永远无法取代人与自然和谐相处的根本原则» [Современные технологии должны стать помощником традиционной мудрости поддержания здоровья, а не заменителем. Искусственный интеллект может помочь нам лучше понять теорию конституций ТКМ, анализ больших данных может подтвердить эффективность традиционных методов поддержания здоровья, но технология никогда не сможет заменить фундаментальный принцип гармоничного сосуществования человека и природы]. Китайский дискурс акцентирует ценности семейной гармонии и социальной ответственности, как показывает статья «Долголетие как семейная добродетель» (长寿作为家庭美德) в «Жэньминь жибао» (05.01.2025): «长寿不仅是个人的福祉, 更是家庭和社会的财富。’老吾老以及人之老’, 孝敬老人、关爱长者是中华民族的传统美德。健康长寿的老人不仅是家庭的宝贵财富, 也为社会贡献智慧和经验» [Долголетие – это не только личное благополучие, но и богатство семьи и общества. «Почтить своих стариков и распространять это на чужих стариков» - почитание пожилых и забота о старших является традиционной добродетелью китайской нации. Здоровые долгожители являются не только ценным богатством семьи, но и вносят вклад в общество мудростью и опытом]. Эти различия отражают фундаментальные расхождения в когнитивной модели концептуализации жизненного цикла: в российском дискурсе доминирует линейная модель с акцентом на противодействие естественным процессам старения, в китайском – циклическая модель с фокусом на поддержание естественного баланса и гармонии.

Анализ метафорических моделей, структурирующих представления о жизненном цикле в дискурсе о долголетии, выявил как универсальные, так и культурно-специфические черты. В обоих дискурсах представлены метафоры «Жизненный цикл – это Путь / Дорога» и «Жизненный цикл – это Ресурс / Капитал», однако их конкретная реализация и частотность употребления различаются. В российском медиадискурсе наиболее продуктивными являются метафорические модели:

1. Жизненный цикл – это Путь / Дорога (58,3 % публикаций): долгий жизненный путь, маршрут к долголетию, дорожная карта активного долголетия.
2. Жизненный цикл – это Механизм / Часы (67,5 %): биологические механизмы старения, настройка внутренних часов.
3. Жизненный цикл – это Ресурс / Капитал (54,9 %): инвестиции в здоровье, банк здоровья, капитал долголетия.
4. Жизненный цикл – это Война / Битва (63,2 %): борьба со старением, победа над возрастом, оружие против старости.
5. Жизненный цикл – это Перезагрузка / Программирование (42,6 %): перезапуск метаболизма, перепрограммирование клеток, обновление программы старения.

В китайском медиадискурсе доминируют следующие метафорические модели:

1. Жизненный цикл – это Круговорот / Цикл (73,8 %): *生命周期* (*shēngmìng zhōuqǐ*, *жизненный цикл*), *四季轮回* (*sìjì lúnhuí*, *смена четырех сезонов*).
2. Жизненный цикл – это Путь / Дорога (58,5 %): *人生之路* (*rénshēng zhī lù*, *жизненный путь*), *长寿之道* (*chángshòu zhī dào*, *путь к долголетию*).
3. Жизненный цикл – это Гармония / баланс (65,2 %): *阴阳平衡* (*yīnyáng pínghéng*, *баланс инь и ян*), *五行相生* (*wǔxíng xiāngshēng*, *взаимопорождение пяти элементов*).

4. Жизненный цикл – это Управление Ресурсами (52,3 %): 精气神管理 (*jīng qì shén guǎnlǐ*, управление сущностью, энергией и духом), 养精蓄锐 (*yǎng jīng xù ruì*, накопление энергии).

5. Жизненный цикл – это Культивирование / Взращивание (47,7 %): 修身养性 (*xiūshēn yǎngxìng*, совершенствовать тело и культивировать природу), 培养生命力 (*péiyǎng shēngmìnglì*, культивировать жизненную силу).

Сопоставительный анализ метафорических моделей позволяет сделать вывод о существенных различиях в концептуализации жизненного цикла. Если в российском дискурсе доминируют механистические метафоры «Механизм», «Война» и «Перезагрузка», отражающие технократический подход к проблеме долголетия, то в китайском дискурсе превалируют натуromорфные метафоры «Цикл», «Гармония» и «Культивирование», репрезентирующие органический взгляд на процессы жизни и старения. Показательны различия в реализации метафоры «Путь. В российском дискурсе она часто сочетается с идеей прогресса и покорения: проложить путь к долголетию, покорить вершину долголетия, прорыв на пути к долгой жизни. В китайском дискурсе та же метафора реализуется через идеи гармоничного следования: 顺应之路 (*shùnyìng zhī lù*, путь следования [естественному течению]), 和谐之道 (*héxié zhī dào*, путь гармонии), 中庸之路 (*zhōngyōng zhī lù*, путь золотой середины).

В публикации «Маршрут построен: как проложить путь к активному долголетию» («АиФ», 22.09.2023) используется расширенная метафора путешествия: *Путь к долголетию – это не спринт, а марафон, требующий грамотной стратегии, правильной экипировки и умения распределять силы. Современная медицина и нутрициология выступают в роли навигаторов, помогающих избежать опасных поворотов и выбрать оптимальный маршрут.* В контрасте с этим, в статье «Путь к столетнему возрасту: опыт китайских долгожителей» (百岁之路：中国长寿老人的经验) в «Синьхуа» (27.09.2023) использована иная метафорическая модель: 通往百岁的道路并非坦途, 需要智慧

的导航和持之以恒的行走。中国长寿老人用他们的生活方式为我们标注了这条路上的重要路标：平和的心态、规律的生活、合理的饮食、适度的运动。[*Путь к столетнему возрасту не является гладкой дорогой, он требует мудрой навигации и настойчивой ходьбы. Китайские долгожители своим образом жизни обозначили для нас важные вехи на этом пути: спокойное состояние ума, упорядоченный образ жизни, рациональное питание, умеренная физическая активность*].

Анализ концептуальных схем, структурирующих представления о долголетии, выявил существенные различия в базовых когнитивных моделях. В российском медиадискурсе доминирует бинарная оппозиция «здоровье / молодость – болезнь / старость», где первый элемент маркирован положительно, а второй – отрицательно. Старение концептуализируется как негативный процесс, требующий противодействия. В китайском дискурсе превалирует циклическая модель чередования инь и ян, где старение воспринимается как естественная фаза цикла, требующая не противодействия, а гармонизации.

В публикации «Долголетие не для всех: кому нужна долгая жизнь и зачем» («РБК», 15.07.2023) эксплицитно противопоставляются различные мотивации стремления к долголетию: *Долгая жизнь сама по себе не является ценностью, если она не наполнена смыслом. Некоторые стремятся к долголетию из страха смерти, другие – из желания успеть реализовать свой потенциал, треты – чтобы дольше наслаждаться жизненными удовольствиями.* В контрасте с этим, в статье «Гармония как основа долголетия» (和谐：长寿的基础) в «Жэньминь жибао» (03.05.2023) утверждается: 长寿的秘诀在于和谐的生活状态。当身体各系统和谐运作，当情绪保持平衡，当与自然和社会和谐共处，人的生命周期自然延长，衰老进程减缓。[*Секрет долголетия заключается в гармоничном состоянии жизни. Когда системы организма функционируют гармонично, когда эмоции сбалансированы, когда человек находится в гармонии с природой и обществом, жизненный цикл естественным образом продлевается, процесс старения замедляется*].

Влияние культурных ценностей и традиций на формирование дискурса о долголетии проявляется в обеих лингвокультурах, но в различной степени и форме.

В российском медиадискурсе наблюдается преимущественная ориентация на западную научную парадигму с включением отдельных элементов традиционных представлений. В китайском дискурсе, напротив, происходит органичный синтез традиционных и современных концепций, при котором традиционная парадигма выступает в качестве концептуальной основы, обогащаемой современной терминологией и методологией. В российских публикациях апелляция к национальным традициям встречается относительно редко (в 23,8 % публикаций) и носит преимущественно иллюстративный характер. Например, в статье «Традиции здорового долголетия: от бабушкиных рецептов к научным открытиям» («АиФ», 16.05.2023) упоминаются традиционные практики поддержания здоровья, но акцент делается на их научное обоснование: Многие народные рецепты долголетия, передававшиеся из поколения в поколение, сегодня находят научное подтверждение. Так, традиционное использование квашеной капусты, богатой пробиотиками, соответствует современным представлениям о важности микробиома кишечника для здоровья и долголетия.

В китайских публикациях апелляция к национальным традициям встречается значительно чаще (в 78,3 % публикаций) и носит фундаментальный характер. В статье «Мудрость древних о продлении жизни» (古人长寿的智慧) в «Гуанмин жибао» (14.06.2023) приводится цитата из классического текста: *如老子所言：“致虚极，守静笃。万物并作，吾以观复。”*这一古老智慧启示我们，保持内心的宁静与空灵，观察自然规律，是延长生命的重要方法. [Как говорил Лao-цы: «*Достигни предельной пустоты, сохраняй совершенное спокойствие. Все сущее действует одновременно, я созерцаю его возвращение*». Эта древняя мудрость указывает нам, что **сохранение внутреннего спокойствия и пустоты, наблюдение за законами природы – важный метод продления жизни**].

Сопоставительный анализ показывает, что если в российском дискурсе традиционные представления часто противопоставляются современным научным подходам, то в китайском дискурсе наблюдается тенденция к их интеграции и взаимному обогащению. Данное различие обусловлено культурно-историческими

факторами: в России разрыв между традиционными и современными представлениями о здоровье углубился в советский период с его ориентацией на научный материализм, в то время как в Китае даже в период активной модернизации сохранялась преемственность традиционных медицинских концепций.

Прагматические особенности текстов о долголетии также демонстрируют значительные различия. В российском медиадискурсе преобладает директивно-императивная модальность: возьмите под контроль процессы старения, начните бороться со старением уже сегодня, используйте инновационные средства против возрастных изменений. В китайском дискурсе доминирует рекомендательно-созерцательная модальность: 顺应自然规律 (shùnyìng zírán guīlǜ, следуйте естественным законам), 保持内心平静 (bǎochí nèixīn píngjìng, сохраняйте внутреннее спокойствие), 调整生活节奏 (tiáozhěng shēnghuó jiézòu, регулируйте ритм жизни). В статье «Долголетие на заказ: как современная медицина помогает отсрочить старость» (портал «MedPortal», 15.03.2024) используются следующие конструкции: возьмите под контроль процессы старения», запустите механизмы омоложения, остановите биологические часы, перепрограммируйте свои клетки на молодость. В контрасте с этим, в публикации «Гармоничное долголетие в современном мире» (现代世界中的和谐长寿) на портале «Синьлан здравоохранения» (17.04.2023) используются иные формулировки: «顺应自然规律，保持生活的平衡与和谐» [следуйте естественным законам, поддерживайте баланс и гармонию в жизни], 静心观察自己的身体需求，适时调整 [спокойно наблюдайте за потребностями своего тела, своевременно регулируйте]. Эти различия отражают фундаментальное расхождение в восприятии агентивности человека по отношению к процессам жизненного цикла: в российском дискурсе человек концептуализируется как активный агент, способный и обязанный вмешиваться в естественные процессы, в китайском – как участник естественного порядка, задача которого – найти гармонию с природными ритмами.

Анализ воздействующего потенциала текстов о долголетии выявляет различные стратегии аргументации и апелляции к авторитетам. В российском медиадискурсе преобладает апелляция к научным авторитетам (упоминание ученых, исследовательских центров, научных публикаций), статистическим данным и технологическим инновациям. В китайском дискурсе наряду с апелляцией к современным научным авторитетам широко используется обращение к классическим текстам и историческим примерам долгожителей.

В статье «Новые открытия в области биологии старения: что определяет продолжительность жизни» («N+1», 17.05.2023) аргументация строится на апелляции к научным авторитетам: *Согласно последним исследованиям, опубликованным в журнале Nature, группа ученых из Гарвардского университета под руководством профессора Дэвида Синклера идентифицировала ключевые механизмы эпигенетического старения, что открывает новые перспективы для разработки антивозрастных терапий.* В публикации «Традиционная китайская медицина и современная наука о долголетии» (中医与现代长寿科学) в журнале «Традиционная китайская медицина» (22.08.2023) используется интегративная аргументация: «*黃帝内经* 曰: “上古之人, 其知道者, 法于阴阳, 和于术数, 食饮有节, 起居有常, 不妄作劳, 故能形与神俱, 而尽终其天年。”现代科学研究证实, 这种强调平衡与规律的生活方式确实有助于延缓衰老进程, 维持身体各系统的协调运作 [«Канон Желтого императора о внутреннем» гласит: «Люди древности, знаяшие Дао, следовали закону инь и ян, гармонизировали свои искусства и числа, соблюдали умеренность в еде и питье, упорядоченность в повседневной жизни, не истощали себя бессмысленным трудом, поэтому могли сохранять единство формы и духа и исчерпывать свои природные годы». Современные научные исследования подтверждают, что такой образ жизни, подчеркивающий баланс и регулярность, действительно способствует замедлению процесса старения и поддержанию согласованного функционирования различных систем организма].

Способы конструирования образа долголетия в массовом сознании носителей русского и китайского языков также демонстрируют значительные

различия. В российском медиадискурсе долголетие часто концептуализируется как вызов, требующий активного противодействия естественным процессам старения, и как результат технологического прогресса. В китайском дискурсе долголетие представляется как естественное следствие гармоничного образа жизни и правильного отношения к миру.

В статье «Революция в борьбе со старением: как технологии меняют представление о продолжительности жизни» («Ведомости», 08.11.2023) формируется образ долголетия как результата технологического прорыва: «*Мы стоим на пороге революции в области продления жизни. Новые технологии – от генной терапии до сенолитиков – обещают не просто увеличить среднюю продолжительность жизни, но и радикально изменить наше представление о биологических пределах человеческого существования*». В контрасте с этим, в публикации «Долголетие как гармония: уроки китайских долгожителей» (长寿如和谐: 中国长寿老人的启示) в «Синьхуа» (12.10.2023) формируется иной образ:中国长寿老人的故事告诉我们, 长寿不是对自然规律的挑战, 而是与自然和谐共处的结果。平和的心态, 有节制的生活, 与家人和睦相处, 这些看似平凡的智慧, 却是真正的长寿之道. [История китайских **долгожителей** говорит нам, что **долголетие** – это не вызов законам природы, а результат гармоничного сосуществования с природой. **Спокойное состояние ума, умеренный образ жизни, гармоничные отношения с семьей** - эта кажущаяся обыденной мудрость и есть **истинный путь к долголетию**].

Культурологический анализ позволяет выявить фундаментальные различия в восприятии времени жизни в двух лингвокультурах. В российском медиадискурсе доминирует линейная модель времени с акцентом на будущее, что порождает стремление к продлению жизни как способу расширения временных горизонтов. В китайском дискурсе преобладает циклическая концепция времени с фокусом на гармоничное проживание каждого этапа жизненного цикла.

В статье «Технологическая революция в медицине долголетия: что уже реальность, а что – все еще фантастика» («Коммерсантъ», 05.02.2024) технологии концептуализируются как инструмент трансформации стандартной модели

жизненного цикла: *Современные технологии позволяют не просто продлевать жизнь, а качественно изменять траекторию возрастных изменений. Речь идет о переходе от линейной модели старения (постепенное угасание функций) к циклической модели (периодическое обновление и «перезапуск» физиологических систем)*. Интересно отметить, что даже при попытке внедрения циклической модели в российский дискурс она интерпретируется через призму технологического детерминизма.

В китайской публикации «Жизненный цикл человека с точки зрения традиционной китайской медицины» (中医视角下的人类生命周期) в журнале «Китайский журнал здравоохранения» (09.08.2023) представлена иная концепция: *Человеческий жизненный цикл подобен смене четырех сезонов, каждый из которых имеет свои особенности и закономерности. Весенное зарождение, летний рост, осенний сбор, зимнее хранение* - эта закономерность применима и к процессам роста и развития, зрелости и расцвета, постепенного старения и завершения жизни человека].

Анализ аксиологического компонента дискурса о долголетии выявляет различия в ценностных доминантах. В российском медиадискурсе превалируют ценности активности, продуктивности, независимости и индивидуального успеха. В китайском дискурсе доминируют ценности гармонии, преемственности, семейных связей и социальной интеграции.

В статье «Активное долголетие: новая парадигма старения» («РБК», 12.04.2023) утверждается: *Современная концепция активного долголетия предполагает не просто увеличение продолжительности жизни, но и сохранение профессиональной и социальной активности, независимости и самостоятельности в принятии решений. Цель – не просто жить дольше, а дольше оставаться продуктивным членом общества.* В контрасте с этим, в публикации «Семейная гармония и долголетие» (家庭和谐与长寿) в «Жэнъминь

жибао» (17.07.2023) отмечается: 家庭和睦是长寿的重要因素。多项研究表明, 家庭关系融洽, 与子女和孙辈保持密切联系的老人, 不仅心理健康状况更好, 寿命也更长。这种代际和谐不仅提供了情感支持, 也体现了中国传统的孝道文化。

[Семейная гармония является важным фактором долголетия. Многочисленные исследования показывают, что пожилые люди с гармоничными семейными отношениями и тесными связями с детьми и внуками не только имеют лучшее психологическое здоровье, но и более долгую жизнь. Эта межпоколенческая гармония не только обеспечивает эмоциональную поддержку, но и отражает традиционную китайскую культуру сыновней почтительности].

Сопоставительный анализ дискурсивных стратегий в публикациях о долголетии выявляет различные подходы к конструированию адресата текста. В российском медиадискурсе адресат конструируется как индивид, стремящийся к самосовершенствованию и готовый к активным действиям по изменению своего жизненного цикла. В китайском дискурсе адресат представляется как носитель национальной традиции, стремящийся к гармонизации своей жизни в соответствии с естественными ритмами и культурными ценностями.

В российской публикации «10 шагов к долголетию: что нужно начать делать уже сегодня» (портал «Здоровье», 23.01.2024) эксплицитно конструируется образ активного адресата: *Если вы хотите не просто дожить до старости, а провести эти годы активно и полноценно, начинать действовать нужно уже сейчас. Предлагаем вам 10 конкретных шагов, которые научно доказано способствуют продлению жизни и сохранению молодости.* В китайской статье «Гармоничный путь к долголетию» (和谐长寿之路) на портале Sohu Health (05.03.2023) формируется иной образ адресата: 在追求长寿的道路上, 我们不仅要吸收现代医学的成果, 更要传承中华民族的养生智慧。平和的心态, 有规律的生活, 与自然和谐共处, 这些传统智慧仍然是现代人通往长寿的重要指南. [На пути к долголетию мы должны не только усваивать достижения современной медицины, но и наследовать мудрость китайской нации в поддержании здоровья. Спокойное состояние ума, упорядоченный образ жизни, гармоничное

существование с природой – эта традиционная мудрость остается важным руководством для современных людей на пути к долголетию].

Таким образом, сопоставительный анализ особенностей реализации когнитивного сценария «жизненный цикл объекта» в русском и китайском медиадискурсе о долголетии выявляет как универсальные черты, обусловленные общечеловеческим характером проблематики старения и долголетия, так и существенные национально-специфические особенности, детерминированные культурно-историческими факторами.

Российский медиадискурс демонстрирует преобладание западной научно-технологической парадигмы с акцентом на активное противодействие процессам старения, в то время как китайский дискурс характеризуется синтезом традиционных и современных представлений с фокусом на гармонизации естественных процессов жизненного цикла. Эти различия находят отражение в лексико-семантических средствах, метафорических моделях, концептуальных схемах и pragматических особенностях текстов о долголетии, что свидетельствует о глубинных различиях в когнитивных основаниях концептуализации жизненного цикла в сравниваемых лингвокультурах.

3.4 Выводы по главе 3

В главе была проанализирована реализация когнитивного сценария «жизненный цикл объекта» в медиадискурсе о долголетии 2023–2024 гг. (315 российских и 287 китайских публикаций).

В российском дискурсе доминирует медико-биологическая парадигма с технократическим подходом. Ключевые характеристики: концептуализация старения как врага, требующего активного противодействия; акцент на технологических решениях; императивная модальность (взьмите под контроль, запустите механизмы омоложения). Наиболее частотные лексемы: долголетие (845), старение (598), омоложение (287). Доминирующие метафоры «Механизм» / «Часы» (67,5 %), «Война» / «Битва» (63,2 %), «Перезагрузка» (42,6 %).

В китайском дискурсе превалирует холистический подход, интегрирующий традиционные и современные концепции. Характеристики: долголетие как результат гармонии с природой; синтез философско-медицинских представлений с наукой; рекомендательная модальность. Частотные лексемы: 长寿 (chángshòu, 792), 养生 (yǎngshēng, 683). Доминирующие метафоры «Круговорот» / «Цикл» (73,8 %), «Гармония» / «Баланс» (65,2 %).

Фундаментальные различия в концептуализации агентивности проявляются в том, что в российском дискурсе человек представлен как активный борец со старением, а в китайском – как участник естественного порядка, стремящийся к гармонии.

Ключевые различия российского и китайского дискурса долголетия проявляются в четырех основных аспектах (таблица 8).

Таблица 8 – Различия дискурсивных картин мира в русских и китайских публикациях по теме «Долголетие»

Параметр сравнения	Российский дискурс	Китайский дискурс
Темпоральная модель	Линейная	Циклическая
Отношение к старению	Противодействие	Гармонизация
Ценностные доминанты	Индивидуальная продуктивность	Семейная гармония
Дискурсивные стратегии	Медикализация и технологизация	Апелляция к традиции
Концептуализация агентивности	Человек – активный борец со старением	Человек – участник естественного порядка

Темпоральные модели кардинально различаются: российская культура опирается на линейное восприятие времени, где старение представляется как прогрессирующая деградация, в то время как китайская традиция основывается на циклической модели, интегрирующей старение в естественный жизненный ритм. Отношение к процессу старения также диаметрально противоположно: российский

подход ориентирован на активное противодействие старению, китайский – на гармонизацию с ним. Ценностные приоритеты отражают культурную специфику: российский дискурс акцентирует индивидуальную продуктивность и личные достижения в преклонном возрасте, китайский – семейную гармонию и межпоколенческую преемственность. Дискурсивные стратегии легитимации кардинально различаются: российская модель опирается на медикализацию и технологизацию как основные способы достижения долголетия, китайская – на апелляцию к традиционной мудрости и философско-медицинским практикам, синтезированным с современным научным знанием.

Заключение

Проведенное комплексное исследование вербализации когнитивного сценария «жизненный цикл объекта» в русском и китайском языках позволило выявить существенные закономерности репрезентации представлений о темпоральных аспектах существования различных объектов в двух типологически дистантных языках и культурах. Методологический инструментарий, основанный на интеграции структурно-семантического, когнитивно-дискурсивного и сопоставительного подходов, обеспечил многоаспектный анализ языковых средств объективации жизненного цикла на лексическом, фразеологическом и дискурсивном уровнях. Результаты исследования подтвердили исходную гипотезу о том, что концептуализация жизненного цикла объектов в языке детерминирована не только универсальными когнитивными механизмами, но и национально-культурными особенностями восприятия времени, отношения к различным этапам существования объектов и аксиологическими доминантами лингвокультуры. Выявленные универсальные и этноспецифические особенности вербализации когнитивного сценария «жизненный цикл объекта» отражают фундаментальные различия в темпоральных моделях русского и китайского языкового сознания – линейной и циклической соответственно, что находит последовательное воплощение на всех уровнях языковой репрезентации. Разработанная в ходе исследования методология сопоставительного анализа когнитивных сценариев может быть эффективно применена для изучения других темпоральных концептуальных структур в разноструктурных языках.

Анализ теоретических основ исследования когнитивных сценариев в лингвистической науке позволил уточнить понятие когнитивного сценария, определив его как динамическую ментальную структуру, представляющую собой последовательность этапов стереотипной ситуации, разворачивающейся во времени. В отличие от фрейма, характеризующегося статичностью, когнитивный сценарий обладает процессуальностью и динамикой, что делает его оптимальной моделью для репрезентации знаний о темпоральных аспектах бытия объектов.

Исследование показало, что когнитивный сценарий «жизненный цикл объекта» имеет поэтапную структуру, включающую последовательные фазы: *возникновение / рождение, рост / развитие, зрелость / функционирование, старение / деградация, прекращение существования / смерть*. Специфика реализации данной структуры в конкретном языке определяется комплексом лингвистических и экстралингвистических факторов, включая типологические особенности языка, культурно-исторические традиции и мировоззренческие установки носителей языка. Проведенное исследование подтвердило теоретическое положение о том, что когнитивный сценарий «жизненный цикл объекта» является одной из базовых когнитивных структур, организующих темпоральные представления человека о мире, и находит последовательное отражение в языковых системах, хотя средства его вербализации демонстрируют значительное национально-культурное своеобразие.

Комплексный анализ лексико-фразеологического поля «жизненный цикл объекта» в русском языке выявил системный характер языковой репрезентации представлений о темпоральных аспектах существования различных объектов. Полевая структура включает ядро, представленное общеупотребительными глаголами и существительными, обозначающими ключевые этапы жизненного цикла (*рождаться / родиться, возникать / возникнуть, расти / вырасти, развиваться / развиться, зреть / созреть, стареть / постареть, умирать / умереть, исчезать / исчезнуть; рождение, возникновение, развитие, зрелость, старение, смерть*), и периферию, состоящую из стилистически маркированных, контекстуально обусловленных и метафорических номинаций этапов жизненного цикла. Исследование выявило асимметрию в лексическом обозначении различных этапов жизненного цикла: наиболее детально проработаны начальная фаза (*рождение / возникновение*) и конечная фаза (*смерть / прекращение существования*), что проявляется в большом количестве синонимов, фразеологизмов и эвфемизмов для обозначения этих этапов. Анализ показал, что в русском языке наблюдается выраженная тенденция к антропоморфной проекции номинаций жизненного цикла человека на другие типы объектов (животных,

растения, предметы), что свидетельствует об антропоцентричности русской языковой картины мира. Система эвфемизмов, особенно для обозначения начала жизни и ее конца, указывает на культурную маркированность и определенную табуированность этих сфер в русской культуре.

Изучение лексико-фразеологического поля «жизненный цикл объекта» в китайском языке продемонстрировало его специфическую структуру, обусловленную типологическими особенностями китайского языка и традиционными философско-религиозными представлениями. Ядро поля формируют базовые иероглифы и их комбинации, обозначающие ключевые этапы жизненного цикла: 生 (*shēng*, рождаться / возникать), 长/张 (*zhǎng*, расти / развиваться), 成熟 (*chéngshú*, созревать / становиться зрелым), 老 (*lǎo*, стареть), 死 (*sǐ*, умирать), 死 (*mìè*, исчезать / прекращать существование). Значимой особенностью китайского языка является высокая морфологическая деривация на основе базовых иероглифов, обозначающих этапы жизненного цикла, что обеспечивает системность и взаимосвязанность лексических единиц данного поля. Исследование выявило влияние традиционных философско-медицинских представлений на формирование лексико-фразеологического поля «жизненный цикл объекта», что проявляется в концептуализации жизненного цикла через призму баланса инь-ян, циклического чередования пяти элементов (у-син) и регуляции жизненной энергии (ци). Фразеологический фонд китайского языка богат устойчивыми выражениями, отражающими традиционные представления о жизненном цикле, при этом многие из них имеют происхождение из классических текстов и сохраняют архаичные языковые формы, что демонстрирует преемственность традиционных представлений в современном языковом сознании.

Сопоставительный анализ вербализации представлений о периодах жизни человека в русском и китайском языках выявил как универсальные черты, обусловленные общностью биологического опыта, так и национально-специфические особенности, отражающие культурно-исторические традиции двух народов. В обоих языках используется детальная градация жизненного пути

человека, однако принципы этой градации существенно различаются: в русском языке преобладает функциональный и социально-психологический принцип выделения возрастных периодов, в китайском – числовая детерминированность, связанная с традиционной нумерологией и космологическими представлениями. Значительные различия наблюдаются в аксиологическом компоненте концептуализации старости: в русском языке лексемы, обозначающие старость, часто имеют негативную оценочную коннотацию, связанную с физическим ослаблением и приближением к смерти; в китайском языке номинации старости преимущественно имеют положительную окраску, связанную с уважением к опыту и мудрости. Гендерный аспект возрастной периодизации также демонстрирует культурную специфику: в русском языке наблюдается выраженная асимметрия в номинациях пожилых мужчин и женщин с более пейоративной коннотацией для женских номинаций, в китайском языке такой асимметрии практически не наблюдается, что отражает различия в гендерных моделях двух культур. Исследование вербализации представлений о периодах жизни животных в русском и китайском языках обнаружило значительные различия в системах номинаций и принципах категоризации. В русском языке система номинаций детенышей животных характеризуется высокой степенью видовой специализации, образованной преимущественно суффиксальным способом (*щенок, котенок, теленок*), в то время как в китайском языке преобладают обобщающие номинации с видовыми уточнителями, построенные по модели «детеныш + вид животного» (小狗, *xiǎo gǒi*, букв. маленькая собака). Различия наблюдаются и в степени разработанности возрастной терминологии для различных видов животных: в русском языке наиболее детализированная система существует для домашних животных, имеющих хозяйственное значение, в китайском языке дифференциация выражена в меньшей степени и реализуется преимущественно через атрибутивные словосочетания с числительными, указывающими на возраст. Символические значения, связанные с возрастом животных, также демонстрируют культурную специфику: в русской культуре молодые животные часто символизируют невинность и беззащитность, в китайской – символика возраста животных связана

с космологическими представлениями и циклической концепцией времени, в частности, с традиционным 12-летним циклом (十二生肖, *shí'èr shèngxiào*).

Анализ вербализации представлений о периодах жизни растений в русском и китайском языках выявил как сходства, обусловленные универсальными биологическими процессами, так и различия, отражающие культурно-хозяйственные традиции. В обоих языках система номинаций этапов жизненного цикла растений демонстрирует определенную степень детализации, однако в китайском языке более выражена символическая значимость различных этапов, связанная с традиционной эстетикой и философией. Особенно ярко это проявляется в концептуализации цветения: в китайской культуре цветы, расцветающие в определенные сезоны, имеют глубокую символическую значимость и ассоциируются с определенными человеческими качествами и возрастными периодами. Сопоставительный анализ метафорических проекций из сферы-источника «жизненный цикл растений» на различные сферы-мишени показал, что в обоих языках жизненный цикл растений используется как метафорическая модель для концептуализации человеческой жизни, однако в китайском языке эти проекции более разнообразны и охватывают не только человеческую жизнь, но и более широкие концепты: исторические периоды, династические циклы, экономические процессы. Различия наблюдаются и в эмоционально-оценочном компоненте концептуализации увядания растений: в русском языке доминируют негативные коннотации, в китайском – отношение более амбивалентно, увядание воспринимается как естественная часть цикла и может иметь эстетическую ценность.

Сопоставительное исследование вербализации представлений о периодах существования неживых объектов (артефактов) в русском и китайском языках продемонстрировало различия в когнитивных моделях концептуализации «жизненного цикла» предметов. В обоих языках наблюдается антропоморфная и биоморфная концептуализация жизненного цикла предметов, однако степень этой концептуализации и ее языковое выражение различны. В русском языке преобладает функциональный подход к периодизации существования предметов с

акцентом на их утилитарные характеристики, в китайском – более выражен ценностно-символический аспект, связанный с культурно-историческим значением вещей. Различия проявляются и в эмоционально – оценочном компоненте концептуализации старения предметов: в русском языке лексемы, обозначающие старение предметов, часто имеют негативную окраску, связанную с потерей функциональности и эстетической ценности; в китайском языке отношение более амбивалентно – с одной стороны, присутствуют негативные коннотации, связанные с утратой функциональности, с другой – старые предметы воспринимаются как носители исторической и культурной ценности. Примечательно, что в китайской культуре существует концепция 包浆 (bāo jiāng) – патины, естественного изменения поверхности предмета с течением времени, которая воспринимается как признак его ценности, что отражает философское отношение к старению как процессу, придающему вещам особую эстетическую и духовную ценность.

Анализ дискурсивной реализации когнитивного сценария «жизненный цикл объекта» в русских публикациях по теме «Долголетие» выявил специфические особенности концептуализации жизненного цикла человека в современном российском медиадискурсе. Доминирующей тенденцией является пересмотр традиционной модели жизненного цикла в пользу более гибкой и управляемой модели, где старение рассматривается не как неизбежный процесс, а как совокупность биологических механизмов, поддающихся контролю и модификации. В публицистических материалах превалирует социально – демографический подход с акцентом на возможности продления активной фазы жизни и улучшения качества жизни в пожилом возрасте. В научно-популярных текстах когнитивный сценарий «жизненный цикл объекта» реализуется преимущественно через медико-биологическую призму, с фокусом на биологических механизмах старения и возможностях их модификации. В рекламных и PR-текстах жизненный цикл концептуализируется как проект, поддающийся управлению и оптимизации с помощью определенных продуктов и услуг. Анализ метафорических моделей, структурирующих представления о

жизненном цикле, показал доминирование метафор «Механизм», «Путь», «Ресурс», «Война» и «Перезагрузка», что отражает технократический подход к проблеме долголетия в российском медиадискурсе.

Список условных обозначений и сокращений

五行 (wǔxíng) – у-син, пять элементов в китайской философии

阴阳 (yīn-yáng) – инь-ян, концепция дуализма в китайской философии

气 (qì) – ци, понятие жизненной энергии в китайской философии

正 (zhèng) – чжэн, концепция равновесия в китайской медицине

包浆 (bāojiāng) – баоцзян, патина, естественное изменение поверхности

предмета с течением времени

道 (dào) – дао, путь, основное понятие в даосской философии

ВСС – Beijing Language and Culture University Corpus (Корпус китайского языка Пекинского университета языка и культуры)

PR – связи с общественностью

ТКМ – традиционная китайская медицина

Библиографический список

Научная литература

1. Абрамов, В. Е. Фразеология в свете когнитивной семантики / В. Е. Абрамов, В. М. Савицкий. – Самара : АНО «Изд-во СНЦ РАН», 2007. – 173 с.
2. Айвазова, В. В. Когнитивное исследование фрейма-сценария «благодарность» в различных видах англоязычного и немецкоязычного дискурса : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Валерия Вячеславовна Айвазова. – Екатеринбург, 2011. – 19 с.
3. Апресян, Ю. Д. Избранные труды / Ю. Д. Апресян. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1995. – Т. 1 : Лексическая семантика: синонимические средства языка. – 472 с.
4. Арутюнова, Н. Д. Время: модели и метафоры / Н. Д. Арутюнова. – М. : Языки русской культуры, 2010. – 416 с.
5. Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. – М. : Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
6. Балдова, А. В. Мир в зеркале пищевой метафоры : идеографический словарь / А. В. Балдова, М. В. Герасимова, Е. А. Юрина. – Томск, 2020. – Т. 1. – 514 с.
7. Баранов, А. Н. Введение в прикладную лингвистику / А. Н. Баранов. – М. : Едиториал УРСС, 2001. – 360 с.
8. Болдырев, Н. Н. Категориальный уровень представления знаний в языке: модусная категория отрицания / Н. Н. Болдырев // Когнитивные исследования языка. – 2010. – Вып. 7. – С. 45–60.
9. Болдырев, Н. Н. Концептуальная основа языка / Н. Н. Болдырев // Когнитивные исследования языка. Вып. IV. Концептуализация мира в языке : коллективная монография / гл. ред. Е. С. Кубрякова, отв. ред. Н. Н. Болдырев. – М. : Ин-т языкоznания РАН ; Тамбов : Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2009. – С. 25–78.
10. Болдырев, Н. Н. Когнитивная семантика / Н. Н. Болдырев. – Тамбов : Изд-во ТГУ, 2014. – 236 с.

11. Вежбицкая, А. Семантические универсалии и базисные концепты / А. Вежбицкая. – М. : Языки славянских культур, 2011. – 568 с.
12. Вежбицкая, А. Сопоставление культур через посредство лексики и pragmatики / А. Вежбицкая ; предисл. А. Д. Шмелева. – М. : Языки славянской культуры, 2001. – 272 с.
13. Войцехович И. В. Практическая фразеология современного китайского языка / И. В. Войцехович. – М. : АСТ: Восток-Запад, 2007. – 509 с.
14. Воркачев, С. Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкоznании / С. Г. Воркачев // Филологические науки. – 2001. – № 1. – С. 64–72.
15. Воркачев, С. Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкоznании / С. Г. Воркачев. – М. : Гнозис, 2014. – 416 с.
16. Гак, В. Г. Сопоставительная лексикология: На материале французского и русского языков / В. Г. Гак. – М. : Либроком, 2010. – 264 с.
17. Гак, В. Г. Сравнительная типология французского и русского языков / В. Г. Гак. – М. : Просвещение, 1989. – 288 с.
18. Гаус, К. О. Когнитивный сценарий вербализации концепта threat в медиадискурсе (на материале высказываний Д. Трампа) / К. О. Гаус, М. Ю. Рябова // СибСкрипт. – 2019. – № 1 (77). – С. 164–170.
19. Готлиб, О. М. Китай. Лингвострановедение / О. М. Готлиб. – М. : Восточная книга, 2011. – 192 с.
20. Гришаева, Л. И. Введение в теорию межкультурной коммуникации / Л. И. Гришаева, Л. В. Цурикова. – М. : Академия, 2007. – 336 с.
21. Демьянков, В. З. Сценарий / В. З. Демьянков // Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина ; под общ. ред. Е. С. Кубряковой. – М. : Филол. ф-т МГУ им. М. В. Ломоносова, 1996. – С. 181–182.

22. Дзюбенко, А. И. Когнитивный сценарий в реализации художественного вымысла: пространственно-временные доминанты / А. И. Дзюбенко // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2024. – № 5. – С. 138–151.
23. Дмитриева, О. А. Лингвокультурные типажи России и Франции XIX века / О. А. Дмитриева. – Волгоград : Перемена, 2007. – 307 с.
24. Жаботинская, С. А. Концептуальный анализ: типы фреймов / С. А. Жаботинская // На стыке парадигм лингвистического знания в начале XXI века: грамматика, семантика, словообразование : материалы междунар. конф. Москва, 01–30 октября 2002 г. – Калининград : Изд-во КГУ, 2003. – С. 141–159.
25. Залевская, А. А. Введение в психолингвистику / А. А. Залевская. – М. : РГГУ, 2000. – 382 с.
26. Зализняк, А. А. Константы и переменные русской языковой картины мира / А. А. Зализняк, И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелев. – М. : Языки славянских культур, 2012. – 696 с.
27. Иванова, С. В. Сценарный фрейм как когнитивная основа текстов прецедентного жанра «Лимерик» / С. В. Иванова, О. Е. Артемова // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2005. – № 3. – С. 46–52.
28. Иссерс, О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О. С. Иссерс. – М. : УРСС, 2008. – 288 с.
29. Карасик, В. И. Языковая матрица культуры / В. И. Карасик. – М. : Гнозис, 2013. – 320 с.
30. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – Волгоград : Перемена, 2002. – 477 с.
31. Кобозева, И. М. Лингвистическая семантика / И. М. Кобозева. – М. : УРСС, 2000. – 352 с.
32. Ковшова, М. Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии: Коды культуры / М. Л. Ковшова. – М. : ЛЕНАНД, 2016. – 456 с.
33. Кравченко, А. В. Когнитивная лингвистика сегодня: интеграционные процессы и проблема метода / А. В. Кравченко // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. – № 1. – С. 37–52.

34. Красных, В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? / В. В. Красных. – М. : Гнозис, 2003. – 61 с.
35. Крылова, Т. В. Наивная картина времени и пространства / Т. В. Крылова. – М. : ВИНИТИ, 2012. – 285 с.
36. Крюков, М. В. Китайский этнос в средние века (VII–XIII вв.) / М. В. Крюков, В. В. Малявин, М. В. Софонов. – М. : Наука, 1984. – 336 с.
37. Кубрякова, Е. С. В поисках сущности языка: Когнитивные исследования / Е. С. Кубрякова. – М. : Знак, 2012. – 208 с.
38. Кубрякова, Е. С. О месте когнитивной лингвистики среди других наук когнитивного цикла и о ее роли в исследовании процессов категоризации и концептуализации мира / Е. С. Кубрякова // Когнитивные исследования языка. – 2010. – Вып. 7. – С. 13–18.
39. Кубрякова, Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е. С. Кубрякова. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.
40. Лакофф, Дж. Метафоры, которыми мы живем живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон // Теория метафоры. – М., 1990. – С. 387–415.
41. Мартынова, Е. В. Когнитивный сценарий ситуации притворного поведения в современном английском языке / Е. В. Мартынова // Вестник ИГЛУ. – 2013. – № 1 (22). – С. 56–63.
42. Милованова, М. В. Когнитивный сценарий как способ описания мимического выражения эмоционального состояния субъекта / М. В. Милованова, Ю. Н. Куличенко // Вестник ВолГУ. Серия 2: Языкоznание. – 2012. – № 1. – С. 108–113.
43. Маслова, В. А. Лингвокультурология / В. А. Маслова. – М. : Академия, 2010. – 208 с.
44. Маслова, В. А. Новые русские пословицы: когнитивный и лингвокультурологический аспекты / В. А. Маслова // Вестник НовГУ. – 2014. – № 77. – С. 81–84.
45. Мокиенко, В. М. Загадки русской фразеологии / В. М. Мокиенко. – СПб. : Авалон, 2005. – 256 с.

46. Никитина, С. Е. Семантический анализ языка науки: На материале лингвистики / С. Е. Никитина. – М. : УРСС, 2010. – 146 с.
47. Огнева, Е. А. Архитектоника текстового когнитивного сценария в интерпретативном поле перевода / Е. А. Огнева // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2015. – № 2 (43). – С. 61–70.
48. Огнева, Е. А. Сценарий как способ репрезентации динамики концепта / Е. А. Огнева // Известия Волгогр. гос. пед. ун-та. Сер. «Филол. науки». – 2010. – № 5 (49). – С. 7–11.
49. Пищальникова, В. А. Психолингвистика / В. А. Пищальникова. – М. : ИНФРА-М, 2018. – 374 с.
50. Плотникова, А. М. Когнитивное моделирование семантики глагола (на материале глаголов социальных действий и отношений) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / Анна Михайловна Плотникова. – Екатеринбург, 2009. – 39 с.
51. Плотникова, А. М. Когнитивные сценарии глаголов поведения / А. М. Плотникова // Филология и культура : материалы V Междунар. науч. конф. Тамбов, 19–21 окт. 2005 г. – Тамбов : Изд-во ТГУ, 2005. – С. 383–385.
52. Плотникова, А. М. Когнитивные сценарии глаголов поведения (на материале русского языка) / А. М. Плотникова // Вестник ЮУрГУ. Серия: Лингвистика. – 2009. – № 2 (135). – С. 48–50.
53. Полатовская, О. С. Фрейм-сценарий как тип концептов / О. С. Полатовская // Вестник ИГЛУ. – 2013. – № 4 (25). – С. 161–166.
54. Полякова, А. А. Метафоризация вкусовых признаков в русском языке и картине мира / А. А. Полякова, Е. А. Юрина // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2020. – № 2 (208). – С. 76–84.
55. Попова, З. Д. Когнитивная лингвистика / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – М. : АСТ: Восток-Запад, 2007. – 314 с.
56. Пэй, Сянлинь. Лингвопрагматика в Китае: коммуникативное поведение русских и китайцев глазами китайских лингвистов / Сянлинь Пэй // Вестник МГЛУ. – 2020. – № 3 (832). – С. 147–158.
57. Радбиль, Т. Б. Основы изучения языкового менталитета / Т. Б. Радбиль. – М. : Флинта, 2021. – 328 с.

58. Рахилина, Е. В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость / Е. В. Рахилина. – М. : Русские словари, 2008. – 416 с.
59. Рябова, М. Ю. Лингвистические категории идеологического анализа медиа-дискурса / М. Ю. Рябова. – Томск : Изд-во ТГПУ, 2008. – 96 с.
60. Серебренников, Б. А. Роль человеческого фактора в языке: Язык и мышление / Б. А. Серебренников. – М. : Наука, 1988. – 242 с.
61. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. – М. : Академический проект, 2004. – 992 с.
62. Сулейманова, О. А. Когнитивный сценарий процесса языковой категоризации / О. А. Сулейманова, А. А. Водяницкая, М. А. Фомина // Вестник СПбГУ. – Язык и литература. – 2020. – № 2. – С. 309–322.
63. Тань, Аошуан. Китайская картина мира: Язык, культура, ментальность / Аошуан, Тань. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 240 с.
64. Телия, В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. – М. : Школа Языки русской культуры, 1996. – 288 с.
65. Токарев, Г. В. Концепт как объект лингвокультурологии / Г. В. Токарев. – Волгоград : Перемена, 2003. – 293 с.
66. Уфимцева, А. А. Лексическое значение: принцип семиологического описания лексики / А. А. Уфимцева. – М. : УРСС, 2010. – 240 с.
67. Фрумкина, Р. М. Психолингвистика / Р. М. Фрумкина. – М. : Академия, 2001. – 320 с.
68. Чжу, Ч. Символические и метафорические репрезентации концепта огонь в лексической структуре текста романа М. Булгакова Мастер и Маргарита / Ч. Чжу, Е. А. Юрина // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2020. – Вып. 4 (210). – С. 70–79.
69. Чудинов, А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации / А. П. Чудинов. – Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2003. – 248 с.
70. Швейцер, А. Д. Контрастивная лингвистика / А. Д. Швейцер. – М. : Наука, 1985. – 235 с.

71. Шипунова, О. Д. Когнитивные сценарии в конструировании массового сознания / О. Д. Шипунова, Л. В. Мурейко // *Terra Linguistica*. – 2016. – № 3 (250). – С. 93–101.
72. Шмелев, А. Д. Взаимодействие языка и культуры: от словаря до языкового облика морально-религиозной проповеди : предисловие / А. Д. Шмелев // Вежбицкая А. Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики. – М. : Языки славянской культуры, 2001. – С. 9–13.
73. Шмелев, А. Д. Русская языковая модель мира: материалы к словарю / А. Д. Шмелев. – М. : Языки славянской культуры, 2002. 224 с.
74. Юрина, Е. А. Интерпретационный и воздействующий потенциал ключевых идеологем президентского дискурса Н. А. Назарбаева / Е. А. Юрина, А. Д. Жакупова, А. О. Мукашева // *Вестник Томского государственного университета. Филология*. – 2022. – № 76. – С. 199–229.
75. Юрина, Е. А. Категория образности: проблемы лексикологической интерпретации и перспективы исследования / Е. А. Юрина // *Вестник Томского государственного педагогического университета*. – 2000. – Вып. 3 (19). – С. 73–79.
76. Юрина, Е. А. Когнитивные основания интерпретации метафорического образа в разных лингвокультурах / Е. А. Юрина, О. В. Авраменко // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкоznание*. – 2021. – Т. 20, № 1. – С. 63–74.
77. Юрина, Е. А. Комплексное исследование образной лексики русского языка / Е. А. Юрина // *Вестник Томского государственного университета*. – 2004. – № 38. – С. 1–218.
78. Юрина, Е. А. Концепт честь и его образные репрезентации в контаминированной картине мира писателя-билингва (на материале рассказа Р. Сейсенбаева «Честь») / Е. А. Юрина, Ж. Г. Темирова // *Вестник Томского государственного университета. Филология*. – 2019. – № 61. – С. 149–176.
79. Юрина, Е. А. Концептуальная метафора поглощения жидкости в пищевом коде русской лингвокультуры / Е. А. Юрина // *Русистика*. – 2018. – Т. 16, № 4. – С. 428–450.

80. Юрина, Е. А. Межъязыковая образность как лингвокогнитивный феномен / Е. А. Юрина, Г. Шенкал. – Томск, 2020. – 160 с.
81. Юрина, Е. А. Метафоризация поглощения пищи в образном строении русского языка / Е. А. Юрина, Н. А. Живаго // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2015. – № 3 (35). – С. 107–121.
82. Юрина, Е. А. Образная лексика русского языка : учебное пособие / Е. А. Юрина. – Томск, 2008. – Ч. I : Семантика. – 130 с.
83. Юрина, Е. А. Образность как категория лексикологии : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Елена Андреевна Юрина. – Томск, 1994. – 18 с.
84. Юрина, Е. А. Пищевая метафора в русском лингвокультурном дискурсе / Е. А. Юрина, А. В. Балдова // Язык и культура. – 2020. – № 50. – С. 152–169.
85. Юрина, Е. А. Пищевая метафора: объем и границы понятия / Е. А. Юрина // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2015. – № 3-1 (63). – С. 207–212.
86. Юрина, Е. А. Признаковая гастрономическая метафора в русском языке: аспекты типологии / Е. А. Юрина, А. А. Полякова, А. В. Балдова // Вестник Томского государственного университета. – 2021. – № 470. – С. 62–71.
87. Юрков, Е. Е. Метафора лингвокультурного кода 'растения' в аспекте лингвокультурологии / Е. Е. Юрков // Вестник РУДН. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. – 2012. – № 2. – С. 5–11.
88. Юсупова, М. С. Особенности реализации когнитивного сценария в художественном тексте / М. С. Юсупова // Языковая картина мира в условиях мультилингвизма и мультикультурализма: переводческий, лингвистический и дидактический аспекты : сб. материалов междунар. конф. Воронеж, 16–19 декабря 2020 г. – Воронеж, 2021. – С. 626–635.
89. Янь Ч. Методология исследования лексико-фразеологических средств репрезентации когнитивного сценария «жизненный цикл объекта»: структурно-семантический, когнитивно-дискурсивный и сопоставительный аспекты анализа / Ч. Янь // Современный ученый. – 2025. – № 5. – С. 102–108.

90. Янь Ч. Обозначение старшего возраста в русском и китайском языках / Ч. Янь // Мир науки, культуры, образования. – 2020. – № 5 (84). – С. 343–346.
91. Янь Ч. Метафорическое обозначение изменения возраста в русском и китайском языках / Ч. Янь // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. – 2020. – № 12. – С. 187–191.
92. Янь Ч. Обозначение старшего возраста в русском и китайском языках / Ч. Янь // Innovations and Tendencies of State-of-Art Science : Proceedings of V–VI International Multidisciplinary Conference. Rotterdam, Nederland, April 13, 2021. – Rotterdam, 2021. – Р. 69–72.
93. Янь Ч. Прагматические аспекты речевой реализации концепта жизненного пути объекта в различных жанрах дискурса русской и китайской лингвистических традиций / Ч. Янь // Академический исследовательский журнал. – 2025. – Т. 3, № 2. – С. 33–49.
94. Янь Ч. Вербализация когнитивного сценария «Жизненный цикл объекта» в русском и китайском языках / Ч. Янь // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. – 2025. – № 7. – С. 257–263.
95. Ярцева, В. Н. Контрастивная грамматика / В. Н. Ярцева. – М. : Наука, 1981. – 271 с.
96. Birdsell, D. S. Integrating visual and verbal rhetorics: An examination of metaphorical mappings in Chinese and English / D. S. Birdsell // Journal of Intercultural Communication Research. – 2018. – Vol. 47 (5). – Р. 399–418.
97. Durham, A. Temporal models in cross-cultural perspective / A. Durham, C. Geertz. – London : Routledge, 2015. – 342 p.
98. Fillmore, Ch. J. Frame Semantics / Ch. J. Fillmore // Linguistics in the Morning Calm. – Seoul : Hanshin Publishing Co, 1982. – Р. 111–137.
99. Minsky, M. A. Framework for Representing Knowledge / M. A. Minsky // Frame Conceptions and Text Understanding / ed. by D. Metzing. – Berlin : Walter de Gruyter, 1980. – Р. 1–25.

100. Norman, J. Chinese (Cambridge Language Surveys) / J. Norman. – Cambridge : Cambridge University Press, 1988. – 300 p.
101. Schank, R. Scripts, Goals and Understanding. An Inquiry into Human Knowledge Structures / R. Schank, R. Abelson. – Hillsdale, NJ. : Lawrence Erlbaum Associates, 1977. – 248 p.
102. Schank, R. C. Reminding and memory organization: An introduction to MOPs / R. C. Schank // Strategies for natural language processing. – Hillsdale (N.J.) ; L. : Erlbaum, 1982. – 196 p.
103. Sun, C. The Study of Chinese Linguistics in the West: State of the Art / C. Sun // Chinese Teaching in the World. – 2010. – Vol. 24 (4). – P. 495–514.
104. Wierzbicka, A. Understanding Cultures through Their Key Words: English, Russian, Polish, German, and Japanese / A. Wierzbicka. – New York : Oxford University Press, 1997. – 328 p.
105. 刘波. 俄语和汉语中年龄的隐喻概念化. 北京: 北京大学出版社, 2017 年, 268 页. (Лю, Бо. Метафорическая концептуализация возраста в русском и китайском языках / Бо Лю. – Пекин : Изд-во Пекинского университета, 2017. – 268 с.)
106. 李锦绣. 中国文化中的年龄分层//民族语言学问题. 2015 年第 2 期, 第 45–52 页. (Ли, Цзиньсю. Возрастная стратификация в китайской культуре / Цзиньсю Ли // Вопросы этнолингвистики. – 2015. – № 2. – С. 45–52.)
107. 李曼. 中文主题组死亡的委婉语及其俄语翻译形式//Litera. 2022 年第 8 期, 第 134–146 页. (Ли, Мань. Эвфемизмы тематической группы смерть в китайском языке и варианты их перевода на русский / Мань Ли // Litera. – 2022. – № 8. – С. 134–146.)
108. 李文静. 汉语中时间概念的象形文字表示. 广州: 广东外国语大学出版社, 2019 年, 256 页. (Ли, Вэньцзин. Иероглифическая презентация темпоральных концептов в китайском языке / Вэньцзин Ли. – Гуанчжоу : Изд-во Гуандунского ун-та иностр. языков, 2019. – 256 с.)
109. 刘崇明. 汉语中年龄分类的民族文化特征. 哈尔滨: 黑龙江大学出版社, 2016 年, 298 页. (Лю, Чунминь. Этнокультурная специфика категоризации

возраста в китайском языке / Чунминь Лю. – Харбин : Изд-во Хэйлунцзянского ун-та, 2016. – 298 с.)

110. 沈小龙, 汉语言世界观中的时间范畴. 北京: 商务印书局, 2016 年, 318 页. (Шэнь, Сяолун. Категория времени в китайской языковой картине мира / Сяолун Шэнь. – Пекин : Коммерческое издательство, 2016. – 318 с.)

111. 沈小龙, 汉语的语言普遍性和类型特征. 北京: 北京大学出版社, 2003 年, 275 页. (Шень, Сяолун. Языковые универсалии и типологические особенности китайского языка мира / Сяолун Шэнь. – Пекин : Издво Пекинского ун-та, 2003. – 275 с.)

112. 王宏. 汉语中价值角度的年龄称名. 上海: 上海外国语大学出版社, 2020 年, 287 页. (Ван, Хун. Аксиологические аспекты возрастных номинаций в китайском языке / Хун Ван. – Шанхай : Изд-во Шанхайского ун-та иностранных языков, 2020. – 287 с.)

113. 杨明天. 儒家关于个人成熟的思想 // 哲学研究 2017 年第 4 期 第 102–109 页. (Ян, Минтянь. Конфуцианские представления о зрелости личности / Минтянь Ян // Исследования по философии. – 2017. – № 4. – С. 102–109.)

114. 曾少静. 俄罗斯和中国的年龄类别的比较分析. 上海: 复旦大学出版社, 2018 年, 第 312 页. (Цзэн, Шаоцзин. Сопоставительный анализ возрастных номинаций в русском и китайском языках / Шаоцзин Цзэн. – Шанхай : Изд-во Фуданьского ун-та, 2018. – 312 с.)

115. 张健. 俄语和汉语中年龄状态的类别. 北京: 北京师范大学出版社, 2019 年, 345 页. (Чжан, Цзянь. Категоризация возрастных состояний в русском и китайском языках / Цзянь Чжан. – Пекин: Изд-во Пекинского пед. ун-та, 2019. – 345 с.)

116. 赵林. 现代汉语的时间称名系统. 北京: 商业印书馆, 2017 年, 378 页. (Чжао, Линь. Система темпоральных номинаций в современном китайском языке / Линь Чжао. – Пекин: Коммерческое издательство, 2017. – 378 с.)

117. 赵云平, 汉语表达“出生”概念的词汇方法 // 北京大学公报. 2018 年第 3 期第 78 – 86 页. (Чжоу, Юньпин. Лексические средства выражения концепта «Рождение» в китайском языке / Юньпин Чжоу // Вестник Пекинского университета. – 2018. – № 3. – С. 78–86.)

118. 朱子生, 汉语语言世界图景中的年龄概念 // 北京大学公报. 2008 年第 5 期 第 83–91 页. (Чжу, Цзышэн. Концепт возраст в китайской языковой картине мира / Цзышэн Чжу // Вестник Пекинского университета. – 2008. – № 5. – С. 83–91.)

Словари

119. Большой китайско-русский словарь: в 4 т. / Под ред. И. М. Ошанина. – М. : Наука, 1983–1984. – 1062 с.

120. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб. : Норинг, 2008. – 1536 с.

121. Китайско-русский фразеологический словарь / К. В. Толмац. – М. : Восточная книга, 2009. – 386 с.

122. Китайско-русский фразеологический словарь / Чжоу Цзишэн, Чжан Бин. – Хабаровск: Изд-во ДВГГУ, 2007. – 506 с.

123. Мир в зеркале пищевой метафоры. Идеографический словарь / А. В. Балдова, М. В. Герасимова, Е. А. Юрина; под ред. Е. А. Юриной. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2020. – Т. 1. – 514 с.

124. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Электрон. дан. – [Б. М.], 2015–2024. – URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 16.01.2024).

125. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка: Ок. 100000 слов, терминов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов; под ред. проф. Л. И. Скворцова. – 28-е изд., перераб. – М.: Мир и образование, 2016. – 1376 с.

126. Словарь русской пищевой метафоры / под ред. проф. Е. А. Юриной ; сост.: А. В. Боровкова, М. В. Грекова, Н. А. Живаго. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2015. – Т. 1: Блюда и продукты питания. – 428 с.

127. Словарь русской пищевой метафоры / А. В. Балдова, М. В. Грекова, Н. А. Живаго, Е. А. Юрина ; под ред. Е. А. Юриной. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2017. – Т. 2 : Гастрономическая деятельность. – 546 с.

128. Словарь русской пищевой метафоры / А. В. Балдова, М. В. Герасимова, Н. А. Живаго, Е. А. Юрина ; под ред. Е. А. Юриной. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2019. – Т. 3 : Субъект, объект и инструменты гастрономической деятельности. – 454 с.

129. Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой ; РАН, Ин-т лингвистических исследований. – 4-е изд., стер. – М.: Рус. яз., 1999. – 749 с.

130. Толковый словарь современного русского языка. Языковые изменения конца XX столетия / под ред. Г. Н. Скляревской. – М.: Астрель: АСТ, 2001. – 894 с.

131. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / под ред. В. И. Даля. – М. : Русский язык. – 1998. – 1743 с.

132. 汉语成语词典 北京：北京大学出版. 2011 年， 1238 页
(Фразеологический словарь китайского языка. – Пекин : Изд-во Пекинского университета, 2011. – 1238 с.)

133. 汉语成语词典 北京: 商务印书局. 2006 年, 1506 页(Фразеологический словарь китайского языка. – Пекин: Коммерческое издательство, 2006. – 1506 с.)

134. 新华字典》 北京: 商务印书局. 2006 年, 963 页(Словарь иероглифов Синьхуа. – Пекин : Коммерческое издательство, 2006. – 963 с.)

135. 王力古汉语字典 北京：中华书局. 2000 年， 1817 页 (Ван, Ли. Этимологический словарь китайского языка / Ли Ван. – Пекин : Китайское издательство, 2000. – 1817 с.)

Официальные сайты СМИ

136. Аргументы и факты. АиФ.ру [Электронный ресурс]. – Электрон. дан. – [Б. м.], 2024. – URL: <https://aif.ru> (дата обращения: 31.12.2024).

137. Ведомости : сетевое издание [Электронный ресурс]. – Электрон. дан. – М., 2005–2025. – URL: <https://www.vedomosti.ru> (дата обращения: 31.12.2024).

138. Вести медицины [Электронный ресурс]. – Электрон. дан. – [Б. м.], [б. г.]. – URL: <http://med-vesti.ru> (дата обращения: 31.12.2024).

139. Здоровье : официальный сайт журнала [Электронный ресурс]. – Электрон. дан. – [Б. м.], 2003–2024. – URL: <https://zdr.ru> (дата обращения: 31.12.2024).
140. Коммерсантъ [Электронный ресурс]. – Электрон. дан. – М., [б. г.]. – URL: <https://www.kommersant.ru> (дата обращения: 31.12.2024).
141. МедПортал [Электронный ресурс]. – Электрон. дан. – М., 1998–2024. – URL: <https://medportal.ru> (дата обращения: 31.12.2024).
142. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Электрон. дан. – [М.], 2003–2024. – URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 31.12.2024).
143. Постнаука [Электронный ресурс]. – Электрон. дан. – [М.], 2012–2024. – URL: <https://postnauka.org> (дата обращения: 31.12.2024).
144. РБК [Электронный ресурс]. – Электрон. дан. – [Б. м.], [б. г.]. – URL: <https://tv.rbc.ru/> (дата обращения: 31.12.2024)
145. Российская газета [Электронный ресурс]. – Электрон. дан. – [Б. м.], 1998–2024. – URL: <https://rg.ru> (дата обращения: 31.12.2024).
146. N+1: Интернет-издание [Электронный ресурс]. – Электрон. дан. – [Б. м.], [б. г.]. – URL: <https://nplus1.ru> (дата обращения: 31.12.2024).
147. 丁香园 (Медицинский портал DXY.cn) [Электронный ресурс]. – Электрон. дан. – [Б. м.], 2000–2024. – URL: <https://www.dxy.cn> (дата обращения: 31.12.2024).
148. 光明日报 (Гуанмин жибао) [Электронный ресурс]. – Электрон. дан. – [Б. м.], [б. г.]. – URL: <https://news.gmw.cn> (дата обращения: 31.12.2024).
149. 人民日报 (Жэнъминь жибао) [Электронный ресурс]. – Электрон. дан. – [Б. м.], 1997–2024. – URL: <http://www.people.com.cn> (дата обращения: 31.12.2024).
150. 搜狐健康 (Союху здравоохранения) Электронный ресурс]. – Электрон. дан. – [Б. м.], 2024. – URL: <https://health.sohu.com> (дата обращения: 31.12.2024).
151. 新华网 (Синьхуа) [Электронный ресурс]. – Электрон. дан. – [Б. м.], [б. г.]. – URL: <http://www.news.cn> (дата обращения: 31.12.2024).

152. 新浪健康 (Синьлан здравоохранения) [Электронный ресурс]. – Электрон. дан. – [Б. м.], 1996–1924. – URL: <https://health.sina.com.cn> (дата обращения: 31.12.2024).
153. 中国健康 (Китайский журнал здравоохранения) [Электронный ресурс]. – Электрон. дан. – [Б. м.], 2017. – URL: www.health-china.com (дата обращения: 31.12.2024).
154. 中医药学报 (Традиционная китайская медицина) [Электронный ресурс]. – Электрон. дан. – [Б. м.], [б. г.]. – URL: <http://zyyxb.hljucm.net> (дата обращения: 31.12.2024).
155. 北京语言大学汉语语料库 (Корпус китайского языка ВСС) [Электронный ресурс]. – Электрон. дан. – [Б. м.], [б. г.]. – URL: <http://bcc.blcu.edu.cn> (дата обращения: 31.12.2024).

Приложение А

Лексические и текстовые репрезентации когнитивного сценария «жизненный цикл объекта» в русском языке

Таблица А.1 – Лексические репрезентации когнитивного сценария «жизненный цикл объекта» в русском языке

Этап жизненного цикла	Тип объекта	Лексические единицы	Фразеологизмы/устойчивые выражения	Коннотация	Примечания
Возникновение / рождение	Человек	родиться, появиться на свет, произойти на свет, народиться	появиться на свет божий, увидеть свет, родиться в сорочке, аист принес	Нейтральная / положительная	Высокая степень эвфемизации
Возникновение / рождение	Человек	разродиться, разрешиться от бремени, произвести на свет	в муках родить, произвести на свет божий, принести в подоле	Нейтральная / негативная	Акцент на процессе, а не результате
Возникновение / рождение	Животное	родиться, вывестись, окотиться, отелиться, ожеребиться, опороситься, оцениться	принести потомство, дать приплод, принести в помете	Нейтральная	Видоспецифичные лексемы
Возникновение / рождение	Растение	прорости, взойти, пробиться, проклюнуться	дать всходы, пустить ростки, пробиться к свету, выбиться на свет божий	Положительная	Часто используется как метафора преодоления трудностей
Возникновение / рождение	Предмет	создаться, изготовиться, сделаться, произвестись, сформироваться	выйти из стен завода, сойти с конвейера, выйти из-под пера, родиться в муках творчества	Нейтральная	Активно используются антропоморфные метафоры

Продолжение таблицы А.1

Этап жизненного цикла	Тип объекта	Лексические единицы	Фразеологизмы / устойчивые выражения	Коннотация	Примечания
Рост / развитие	Человек	расти, взрослеть, подрастать, созревать, мужать, становиться на ноги	расти не по дням, а по часам, входить в жизнь, набираться умразума, встать на ноги	Положительная	Акцент на поступательном движении вверх
Рост / развитие	Человек	развиваться, формироваться, крепнуть, входить в силу	выходить в люди, входить во вкус жизни, обретать силу, набираться опыта	Положительная	Акцент на качественных изменениях
Рост / развитие	Животное	расти, подрастать, развиваться, матереть, крепнуть, оперяться, входить в силу	становиться на ноги, обрастиать шерстью, входить в тело, набирать вес	Нейтральная	Часто используются в переносном значении по отношению к человеку
Рост / развитие	Растение	расти, вырастать, тянуться, развиваться, ветвиться, куститься, укореняться	идти в рост, набирать силу, пускать корни, тянуться к солнцу	Положительная	Активно используются как метафоры для других объектов
Рост / развитие	Предмет	развиваться, расширяться, совершенствоваться, налаживаться, укрепляться	набирать обороты, идти в гору, становиться на ноги, обретать форму	Положительная	Высокая степень антропоморфизации
Зрелость / функционирование	Человек	достигать зрелости, созревать, становиться взрослым, находиться в расцвете сил	быть в самом соку, быть в расцвете сил, находиться на пике формы, быть в полном расцвете	Положительная	Признак высшей ценности этапа

Продолжение таблицы А.1

Этап жизненного цикла	Тип объекта	Лексические единицы	Фразеологизмы / устойчивые выражения	Коннотация	Примечания
Зрелость / функционирование	Человек	функционировать, действовать, работать, трудиться, жить полной жизнью	быть в своей тарелке, жить полной грудью, быть на своем месте	Положительная	Акцент на полноте реализации
Зрелость / функционирование	Животное	достигать половой зрелости, вырастать, матереть	входить в силу, быть в самом соку, быть в расцвете сил	Нейтральная	Меньшая детализация по сравнению с человеком
Зрелость / функционирование	Растение	цвести, плодоносить, давать плоды, приносить урожай, колоситься	входить в силу, быть в цвету, стоять в цвету, стоять колосом	Положительная	Акцент на продуктивности и внешних признаках
Зрелость / функционирование	Предмет	функционировать, работать, действовать, выполнять функции, служить	быть в ходу, работать как часы, служить верой и правдой	Положительная	Акцент на надежности и полезности
Старение / деградация	Человек	стареть, стариться, дряхлеть, увядать, седеть, морщиниться	быть на склоне лет, доживать свой век, идти под гору, песок сыплется	Негативная	Высокая степень эвфемизации
Старение / деградация	Человек	угасать, сдавать, слабеть, терять силы, дряхлеть, выживать из ума	впадать в маразм, выжить из ума, одной ногой в могиле, дышать на ладан	Негативная	Акцент на утрате физических и ментальных способностей
Старение / деградация	Животное	стареть, дряхлеть, слабеть, терять силу, ветшать	отжить свой век, отслужить свое, одряхлеть	Негативная	Использование лексем, общих с человеком

Окончание таблицы А.1

Этап жизненного цикла	Тип объекта	Лексические единицы	Фразеологизмы / устойчивые выражения	Коннотация	Примечания
Старение / деградация	Растение	вянуть, увядать, сохнуть, засыхать, желтеть, блекнуть, опадать	идти на убыль, отживать свой век, терять цвет	Негативная / нейтральная	Воспринимается как естественный процесс
Старение / деградация	Предмет	изнашиваться, стареть, ветшать, устаревать, портиться, выходить из строя	отживать свой век, дышать на ладан, разваливаться на части	Негативная	Акцент на утрате функциональности
Прекращение существования / смерть	Человек	умирать, умереть, скончаться, погибать, погибнуть, преставиться	отдать Богу душу, приказать долго жить, отойти в мир иной, испустить дух	Негативная	Высокая степень эвфемизации и табуирования
Прекращение существования / смерть	Человек	почить, отойти, упокоиться, угаснуть, уйти из жизни	уйти в лучший мир, сыграть в ящик, отойти в мир иной, уснуть вечным сном	Негативная	Часто используются религиозные метафоры
Прекращение существования / смерть	Животное	умереть, сдохнуть, околеть, пасть, издохнуть, погибнуть	отбросить копыта, отдать концы, протянуть ноги	Негативная	Стилистически сниженные варианты
Прекращение существования / смерть	Растение	засохнуть, завянуть, погибнуть, пропасть, зачахнуть	пойти прахом, сойти на нет, отойти	Негативная / нейтральная	Менее табуированная сфера
Прекращение существования / смерть	Предмет	сломаться, разрушиться, развалиться, разбиться, выйти из строя	приказать долго жить, отслужить свое, приказать долго жить	Негативная	Высокая степень антропоморфизаций

Таблица А.2 – Метафорические модели репрезентации когнитивного сценария «жизненный цикл объекта» в русском языке

Метафорическая модель	Примеры репрезентации	Частотность в медиадискурсе (%)	Примечания
Жизненный цикл – это Путь / Дорога	жизненный путь, путь к зрелости, встать на путь взросления, повернуть на дорогу старости	58,3	Доминирует линейная перспектива
Жизненный цикл – это Механизм / Часы	механизмы старения, жизненные часы, запустить / остановить / повернуть назад часы старения	67,5	Преобладание технической метафорики
Жизненный цикл – это Ресурс / Капитал	запас жизненных сил, инвестиции в здоровье, капитал молодости, тратить жизнь	54,9	Экономическая концептуализация
Жизненный цикл – это Война / Битва	борьба со старением, победить/сразить болезнь, сдаться старости, капитулировать перед возрастом	63,2	Подчеркивает активное противодействие
Жизненный цикл – это Книга / Текст	перевернуть страницу жизни, закрыть главу молодости, начать новую главу, дописать историю	37,8	Нarrативная метафорика
Жизненный цикл – это Природный цикл	весна жизни, лето жизни, осень жизни, зима жизни	42,1	Сезонная цикличность
Жизненный цикл – это Подъем / Спуск	восхождение к зрелости, достичь вершины, спуск к старости, скатиться вниз	46,7	Вертикальная ориентация
Жизненный цикл – это Перезагрузка / Программирование	перезапуск метаболизма, перепрограммирование клеток, обновление жизненного кода	42,6	IT-метафорика, свойственная новым медиа

Окончание таблицы А.2

Метафорическая модель	Примеры репрезентации	Частотность в медиадискурсе (%)	Примечания
Жизненный цикл – это Контейнер	наполнить жизнь смыслом, опустошенная старость, вместилище опыта, черпать силы	29,3	Пространственная концептуализация
Жизненный цикл – это Театр / Представление	играть роль взрослого, сцена жизни, последний акт, занавес опустился	21,5	Меньшая распространенность

Таблица А.3 – Текстовые репрезентации когнитивного сценария «жизненный цикл объекта» в русском медиадискурсе о долголетии (2023–2024 гг.)

Источник	Фрагмент текста	Активированные метафорические модели	Доминирующий этап жизненного цикла	Оценочная коннотация
«Коммерсантъ», 18.03.2023	«Революция в борьбе со старением: новые технологии против возраста... агрессивная профилактика старения... радикальное продление жизни... победа над возрастзависимыми заболеваниями»	Война, Механизм	Старение / деградация	Негативная (о старении), позитивная (о противодействии)
«АиФ», 22.09.2023	«Путь к долголетию – это не спринт, а марафон, требующий грамотной стратегии, правильной экипировки и умения распределять силы. Современная медицина и нутрициология выступают в роли навигаторов, помогающих избежать опасных поворотов и выбрать оптимальный маршрут»	Путь, Спорт	Весь жизненный цикл	Нейтрально-позитивная
«N+1», 17.05.2023	«Современные исследования показывают, что хронологический и биологический возраст могут существенно различаться. Старение не является линейным процессом, а представляет собой сложную динамическую систему, на которую можно воздействовать на различных уровнях – от молекулярного до системного»	Механизм, Система	Старение / деградация	Нейтральная, научно-объективная

Продолжение таблицы А.3

Источник	Фрагмент текста	Активированные метафорические модели	Доминирующий этап жизненного цикла	Оценочная коннотация
«Элементы», 28.07.2023	«Эпигенетические часы отсчитывают время нашей биологической жизни независимо от календаря. Некоторые факторы, такие как стресс, неправильное питание, недостаток сна, могут ускорять ход этих часов, в то время как здоровый образ жизни и определенные биологически активные вещества способны их замедлить»	Часы, Механизм	Весь жизненный цикл	Нейтральная с элементами контроля
«Ведомости», 03.10.2023	«Инвестиции в долголетие становятся одним из самых перспективных направлений для дальновидных бизнесменов. Рынок технологий и продуктов для продления жизни и сохранения молодости в России оценивается в 1,2 трлн рублей с ежегодным приростом в 15–20 %»	Ресурс, Капитал	Старение / деградация	Позитивная (о возможностях рынка)
«Здоровье», 15.01.2024	«Путь к долголетию для каждого человека уникален. Современные технологии персонализированной медицины позволяют создать индивидуальную "дорожную карту" долголетия, учитывающую генетические особенности, образ жизни, историю болезней и даже психологические характеристики»	Путь, Карта	Весь жизненный цикл	Позитивная
«РБК», 12.12.2023	«Цифровые технологии трансформируют наш подход к управлению жизненным циклом. Умные часы и фитнес-трекеры мониторят базовые показатели здоровья, алгоритмы искусственного интеллекта анализируют биомаркеры	Механизм, Программирование	Весь жизненный цикл	Технооптимистическая

Окончание таблицы А.3

	старения, цифровые платформы составляют персонализированные программы долголетия»			
«РБК», 15.07.2023	«Долгая жизнь сама по себе не является ценностью, если она не наполнена смыслом. Некоторые стремятся к долголетию из страха смерти, другие – из желания успеть реализовать свой потенциал, третьи – чтобы дольше наслаждаться жизненными удовольствиями»	Контейнер, Ресурс	Прекращение существования	Философско-рефлексивная
Портал «MedPortal», 15.03.2024	«Возьмите под контроль процессы старения, запустите механизмы омоложения, остановите биологические часы, перепрограммируйте свои клетки на молодость»	Механизм, Часы, Программирование	Старение / деградация	Императивно-побудительная
«Коммерсантъ», 05.02.2024	«Современные технологии позволяют не просто продлевать жизнь, а качественно изменять траекторию возрастных изменений. Речь идет о переходе от линейной модели старения (постепенное угасание функций) к циклической модели (периодическое обновление и "перезапуск" физиологических систем)»	Путь, Перезагрузка	Старение / деградация	Технооптимистическая

Приложение Б

Лексические и текстовые репрезентации когнитивного сценария «жизненный цикл объекта» в китайском языке

Таблица Б.1 – Лексические репрезентации когнитивного сценария «жизненный цикл объекта» в китайском языке

Этап жизненного цикла	Тип объекта	Лексические единицы (иероглифы)	Транскрипция (пиньинь)	Фразеологизмы / устойчивые выражения	Коннотация	Примечания
Возникновение / рождение	Человек	出生, 诞生, 降生, 降临	chūshēng, dànshēng, jiàngshēng, jiànglín	呱呱坠地 (первый крик новорожденного), 落地生根 (родиться и пустить корни)	Положительная	Ассоциация с радостью, удачей
Возникновение / рождение	Человек	生育, 孕育, 怀孕, 有喜	shēngyù, yùnyù, huái yùn, yǒu xǐ	身怀六甲 (быть беременной), 临盆 (рожать), 添丁 (рождение сына)	Положительная	Связь с понятием 喜 (радость)
Возникновение / рождение	Животное	生, 产仔, 下崽, 孵出	shēng, chǎn zǐ, xià zāi, fū chū	繁衍后代 (размножаться), 孵化出壳 (вылупляться из яйца)	Нейтральная	Видоспецифичные выражения
Возникновение / рождение	Растение	发芽, 萌发, 生根, 抽芽	fāyá, méngfā, shēnggēn, chōuyá	破土而出 (пробиваться сквозь почву), 开枝散叶 (пускать ветви и листья)	Положительная	Акцент на преодолении
Возникновение / рождение	Предмет	产生, 形成, 创建, 诞生	chǎnshēng, xíngchéng, chuàngjiàn, dànshēng	应运而生 (появиться в соответствии с требованиями времени), 水到渠成 (естественное появление)	Нейтральная	Меньшая антропоморфизация

Продолжение таблицы Б.1

Этап жизненного цикла	Тип объекта	Лексические единицы (иероглифы)	Транскрипция (пиньины)	Фразеологизмы / устойчивые выражения	Коннотация	Примечания
Рост / развитие	Человек	成长, 发育, 长大, 发展	chéngzhǎng, fāyù, zhǎngdà, fāzhǎn	茁壮成长 (расти здоровым и крепким), 日新月异 (быстро развиваться)	Положительная	Акцент на качественных изменениях
Рост / развитие	Человек	青春期, 发育期, 成年	qīngchūn qī, fāyù qī, chéngnián	破蛹成蝶 (выйти из кокона бабочкой), 脱胎换骨 (полностью измениться)	Положительная	Метафоры естественных превращений
Рост / развитие	Животное	成长, 发育, 长大, 壮大	chéngzhǎng, fāyù, zhǎngdà, zhuàngdà	羽翼丰满 (оперяться), 茁壮成长 (расти крепким)	Нейтральная	Использование общих с человеком лексем
Рост / развитие	Растение	生长, 发育, 抽枝, 长叶	shēngzhǎng, fāyù, chōuzhī, zhǎng yè	枝繁叶茂 (пышно развиваться), 郁郁葱葱 (пышно зеленеть)	Положительная	Акцент на визуальной пышности
Рост / развитие	Предмет	发展, 扩大, 壮大, 进步	fāzhǎn, kuòdà, zhuàngdà, jìnbu	蒸蒸日上 (процветать с каждым днем), 欣欣向荣 (процветать)	Положительная	Акцент на развитии, а не росте размера
Зрелость / функционирование	Человек	成熟, 成年, 壮年	chéngshú, chéngnián, zhuàngnián	风华正茂 (в расцвете сил), 年富力强 (в расцвете сил), 当打之年 (в самом расцвете сил)	Положительная	Связь с социальной реализацией
Зрелость / функционирование	Человек	中年, 壮年, 盛年	zhōngnián, zhuàngnián, shèngnián	不惑之年 (40 лет), 知天命 (50 лет), 耳顺 (60 лет)	Положительная	Связь с конфуцианской периодизацией

Продолжение таблицы Б.1

Этап жизненного цикла	Тип объекта	Лексические единицы (иероглифы)	Транскрипция (пиньинь)	Фразеологизмы / устойчивые выражения	Коннотация	Примечания
Зрелость / функционирование	Животное	成年, 成熟, 壮年	chéngnián, chéngshú, zhuàngnián	羽翼丰满 (с полностью развитыми крыльями), 全盛时期 (в расцвете сил)	Нейтральная	Меньшая дифференциация
Зрелость / функционирование	Растение	盛开, 结果, 成熟	shèngkāi, jiéguǒ, chéngshú	花开正盛 (в полном цвету), 硕果累累 (обильно плодоносить)	Положительная	Акцент на визуальной красоте и продуктивности
Зрелость / функционирование	Предмет	运作, 运转, 发挥作用	yùnzuò, yùnzhuǎn, fāhuī zuòyòng	正常运转 (нормально функционировать), 发挥作用 (выполнять свою функцию)	Положительная	Акцент на функциональности
Старение / деградация	Человек	老, 老化, 衰老, 年老	lǎo, lǎohuà, shuāilǎo, niánlǎo	垂暮之年 (преклонный возраст), 古稀之年 (70 лет), 鬼耄之年 (80-90 лет)	Нейтральная/положительная	Уважительное отношение к старости
Старение / деградация	Человек	年事已高, 鹤发童颜, 白发苍苍	niánshì yǐ gāo, hè fà tóng yán, bái fà cāng cāng	返老还童 (омолаживаться), 老当益壮 (быть энергичным в старости)	Положительная	Акцент на ценности опыта
Старение / деградация	Животное	老, 老化, 衰老, 年老	lǎo, lǎohuà, shuāilǎo, niánlǎo	日暮西山 (закат жизни), 行将就木 (приближаться к концу)	Нейтральная	Использование общих с человеком лексем
Старение / деградация	Растение	枯萎, 凋零, 凋谢, 枯死	kūwěi, diāolíng, diāoxiè, kūsǐ	花落叶黄 (цветы опали, листья пожелтели), 秋色渐浓 (осенний вид усиливается)	Нейтральная/эстетическая	Эстетизация увядания

Окончание таблицы Б.1

Этап жизненного цикла	Тип объекта	Лексические единицы (иероглифы)	Транскрипция (пиньинь)	Фразеологизмы / устойчивые выражения	Коннотация	Примечания
Старение / деградация	Предмет	老化, 磨损, 破旧, 陈旧	lǎohuà, mósǔn, pòjiù, chénjiù	年久失修 (долгое время без ремонта), 破烂不堪 (полностью изношенный)	Нейтральная/негативная	Утилитарный аспект
Прекращение существования / смерть	Человек	死, 死亡, 去世, 逝世	sǐ, sǐwáng, qùshì, shìshì	长眠不醒 (уснуть вечным сном), 归西 (отправиться на запад), 魂归故里 (душа вернулась домой)	Нейтральная с философским оттенком	Эвфемизмы без выраженной негативной окраски
Прекращение существования / смерть	Человек	离世, 辞世, 病故, 亡故	líshì, císhì, bìnggù, wánggù	驾鹤西去 (отправиться на запад верхом на журавле), 仙逝 (стать бессмертным), 寿终正寝 (умереть естественной смертью)	Положительная/нейтральная	Акцент на естественности и достоинстве
Прекращение существования / смерть	Животное	死, 死亡, 堕命, 灭亡	sǐ, sǐwáng, bìmìng, mièwáng	死于非命 (умереть неестественной смертью), 一命呜呼 (испустить дух)	Нейтральная	Меньше эвфемизмов
Прекращение существования / смерть	Растение	枯死, 死亡, 凋零, 枯萎	kūsǐ, sǐwáng, diāolíng, kūwěi	枯枝败叶 (сухие ветви и увядшие листья), 归根 (вернуться к корням)	Нейтральная/философская	Идея возвращения к истокам
Прекращение существования / смерть	Предмет	毁灭, 崩溃, 倒闭, 拆除	huǐmiè, bēngkuì, dǎobì, chāichú	灰飞烟灭 (превратиться в пепел и дым), 土崩瓦解 (полностью разрушиться)	Нейтральная	Акцент на материальных изменениях

Таблица Б.2 – Метафорические модели репрезентации когнитивного сценария «жизненный цикл объекта» в китайском языке

Метафорическая модель	Примеры репрезентации (иероглифы)	Транскрипция (пиньинь)	Частотность в медиадискурсе (%)	Примечания
Жизненный цикл – это Круговорот / Цикл	生命周期, 四季轮回, 生老病死循环	shēngmìng zhōuqī, sìjì lúnhuí, shēng lǎo bìng sǐ xúnhuán	73,8	Доминирование циклической модели
Жизненный цикл – это Путь / Дорога	人生之路, 长寿之道, 人生旅程	rénhēng zhī lù, chángshòu zhī dào, rénhēng lǚchéng	58,5	Связь с даосской философией
Жизненный цикл – это Гармония / Баланс	阴阳平衡, 五行相生, 天人合一	yīnyáng pínghéng, wǔxíng xiāngshēng, tiānrén héyī	65,2	Фундаментальная метафора китайской культуры
Жизненный цикл – это Управление ресурсами	精气神管理, 养精蓄锐, 生命能量保存	jīng qì shén guǎnlǐ, yǎng jīng xù ruì, shēngmìng néngliàng bǎocún	52,3	Концепция жизненной силы и энергии
Жизненный цикл – это Культивирование / Взращивание	修身养性, 培养生命力, 养生	xiūshēn yǎngxìng, péiyǎng shēngmìnglì, yǎngshēng	47,7	Акцент на целенаправленном развитии
Жизненный цикл – это Природные процессы	春生夏长秋收冬藏, 花开花落, 潮起潮落	chūn shēng xià zhǎng qiū shōu dōng cáng, huā kāi huā luò, cháo qǐ cháo luò	61,3	Гармония с природными ритмами
Жизненный цикл – это Книга / Текст	人生篇章, 生命故事, 划上句点	rénhēng piānzhāng, shēngmìng gùshì, huá shàng jùdiǎn	26,1	Меньшая значимость нарративной метафоры
Жизненный цикл – это Река / Поток	生命长河, 岁月流逝, 时光荏苒	shēngmìng chánghé, suìyuè liúshì, shíguāng rěnrǎn	43,2	Естественное течение, непрерывность
Жизненный цикл – это Трансформация / Метаморфоза	脱胎换骨, 凤凰涅槃, 破茧成蝶	tuōtāi huàn gǔ, fènghuáng nièpán, pò jiǎn chéng dié	39,8	Идея возрождения и обновления
Жизненный цикл – это Музыка / Мелодия	人生乐章, 生命旋律, 和谐乐音	rénhēng yuèzhāng, shēngmìng xuánlù, héxié yuèyīn	18,5	Эстетический аспект, гармоничность

Таблица Б.3 – Текстовые репрезентации когнитивного сценария «жизненный цикл объекта» в китайском медиадискурсе о долголетии (2023–2024 гг.)

Источник	Фрагмент текста (иероглифы)	Перевод на русский	Активированные метафорические модели	Доминирующий этап жизненного цикла	Оценочная коннотация
«Жэньминь жибао», 15.02.2023	传统中医理论中的阴阳平衡、气血调和概念与现代医学所强调的内分泌平衡、免疫系统稳定具有惊人的相似性，这一发现为中医理论在现代健康管理中的应用提供了科学依据	Концепции баланса инь-ян и гармонии ци и крови в традиционной китайской медицине демонстрируют удивительное сходство с современными медицинскими представлениями о гормональном балансе и стабильности иммунной системы, что обеспечивает научное обоснование применения принципов ТКМ в современном управлении здоровьем	Гармония / баланс, Управление ресурсами	Весь жизненный цикл	Научно-легитимизирующая
«Традиционная китайская медицина», 12.06.2023	阴阳失衡是许多现代健康问题的根源。当阴阳不平衡时，人体的生命节律被打乱，免疫系统受损，加速衰老过程。而保持阴阳平衡，则可延缓生命周期中的衰老环节，促进长寿	Дисбаланс инь и ян является источником многих современных проблем со здоровьем. Когда инь и ян разбалансированы, нарушается жизненный ритм организма, страдает иммунная система, ускоряется процесс старения. Поддержание баланса инь и ян может замедлить этап старения в жизненном цикле и способствовать долголетию	Гармония / баланс, Круговорот / цикл	Старение / деградация	Нейтрально-объяснительная

Продолжение таблицы Б.3

Синьлан здравоохранения, 08.11.2023	和谐是中国哲学的核心理念，也是长寿的关键。人体内部系统的和谐运作，人与自然的和谐共处，人际关系的和谐发展，这三重和谐构成了长寿的基础	Гармония является ключевой концепцией китайской философии и ключом к долголетию. Гармоничное функционирование внутренних систем организма, гармоничное существование с природой, гармоничное развитие межличностных отношений – эти три уровня гармонии составляют основу долголетия	Гармония / Баланс, Природные процессы	Весь жизненный цикл	Философско-наставническая
DXY.cn, 05.04.2023	现代研究证实，中医理论中的许多养生原则，如饮食有节、起居有常、劳逸结合等，与现代健康科学的发现高度吻合。例如，中医强调的节制饮食与现代科学提倡的热量限制在延缓衰老方面的效果相似	Современные исследования подтверждают, что многие принципы сохранения здоровья в теории ТКМ, такие как умеренность в питании, регулярность в повседневной жизни, сочетание труда и отдыха, высоко согласуются с открытиями современной науки о здоровье. Например, подчеркиваемое ТКМ ограничение в питании имеет эффект, сходный с пропагандируемым современной наукой калорийным ограничением в замедлении старения	Культивирование / возвращение, Управление ресурсами	Старение / деградация	Научно-подтверждающая

Продолжение таблицы Б.3

Союху здравоохранения, 18.01.2024	古老智慧面向现代生活：长寿产品将传统养生理念与现代科技相结合，通过科技养生与定制化长寿方案，帮助您实现健康长寿的目标	Древняя мудрость для современной жизни: продукты для долголетия сочетают традиционные принципы поддержания здоровья с современными технологиями, помогая вам достичь цели здорового долголетия через технологичное сохранение здоровья и персонализированные программы долголетия	Культивирование / Врачевание, Путь	Весь жизненный цикл	Коммерчески-оптимистическая
«Китайский журнал здравоохранения», 09.08.2023	人的生命周期如同四季更迭，各有其特点和规律。春生、夏长、秋收、冬藏，这一规律同样适用于人体的生长发育、成熟壮盛、逐渐衰老和生命终结的过程	Жизненный цикл человека подобен смене четырех сезонов, каждый из которых имеет свои особенности изакономерности. Весенное зарождение, летний рост, осенний сбор, зимнее хранение – эта закономерность применима и к процессам роста и развития, зрелости и расцвета, постепенного старения и завершения жизни человека	Круговорот / Цикл, Природные процессы	Весь жизненный цикл	Научно-философская
«Синьхуа», 27.09.2023	通往百岁的道路并非坦途，需要智慧的导航和持之以恒的行走。中国长寿老人用他们的生活方式为我们标注了这条路上的重要路标：	Путь к столетнему возрасту не является гладкой дорогой, он требует мудрой навигации и настойчивой ходьбы. Китайские долгожители своим образом жизни обозначили для нас важные	Путь / Дорога, Культивирование / Врачевание	Весь жизненный цикл	Наставнически-оптимистическая

Продолжение таблицы Б.3

	平和的心态、规律的生活、合理的饮食、适度的运动	вехи на этом пути: спокойное состояние ума, упорядоченный образ жизни, рациональное питание, умеренная физическая активность			
«Жэньминь жибао», 03.05.2023	长寿的秘诀在于和谐的生活状态。当身体各系统和谐运作，当情绪保持平衡，当与自然和社会和谐共处，人的生命周期自然延长，衰老进程减缓	Секрет долголетия заключается в гармоничном состоянии жизни. Когда системы организма функционируют гармонично, когда эмоции сбалансированы, когда человек находится в гармонии с природой и обществом, жизненный цикл естественным образом продлевается, процесс старения замедляется	Гармония / баланс, Круговорот / Цикл	Старение / деградация	Философско-объяснительная
«Гуанмин жибао», 14.06.2023	如老子所言：“致虚极，守静笃。万物并作，吾以观复。”这一古老智慧启示我们，保持内心的宁静与空灵，观察自然规律，是延长生命的重要方法	Как говорил Лао-цзы: «Достигни предельной пустоты, сохраняй совершенное спокойствие. Все сущее действует одновременно, я созерцаю его возвращение». Эта древняя мудрость указывает нам, что сохранение внутреннего спокойствия и пустоты, наблюдение за законами природы – важный метод продления жизни	Гармония / Баланс, Природные процессы	Весь жизненный цикл	Философско-даосская

Окончание таблицы Б.3

«Синьхуа», 12.10.2023	中国长寿老人的故事告诉我们，长寿不是对自然规律的挑战，而是与自然和谐共处的结果。平和的心态，有节制的生活，与家人和睦相处，这些看似平凡的智慧，却是真正的长寿之道	История китайских долгожителей говорит нам, что долголетие – это не вызов законам природы, а результат гармоничного сосуществования с природой. Спокойное состояние ума, умеренный образ жизни, гармоничные отношения с семьей – эта кажущаяся обыденной мудрость и есть истинный путь к долголетию	Гармония / Баланс, Путь / Дорога	Весь жизненный цикл	Культурно-назидательная
--------------------------	--	---	--	---------------------	-------------------------